

Шулевский Н. Б.

Философия и возмездие

2011

В предлагаемой работе философия исследуется как двойственное проявление идеальной субстанции мира. Идеальное несет в себе блага миротворные, оригиналы сущие, но оно же становится возмездием для реальности и людей, которые оскверняют, поганят, отрицают идеальное, используют его как вульгарное средство богатства и распутства, подменяют его копиями, моделями и виртуалиями интерна(е)втики. Двойственность идеального порождает и формирует сам организм философии, работающий в мирах метафизики, софиологии и патологии.

В качестве органа, формы, функции и части *метафизики* философия участвует совместно с искусством, религией и властью в освоении идеальных миров вне человека и в самом человеке, переводя их содержания на смысловой язык категорий и терминов. В качестве метафизики философия предстает как специальный «роддом» ума, в котором вынашиваются, оформляются и выходят в свет смысловые и смышленные дети истины. В качестве орудия возмездия идеального философия высвобождает преобразенное христианством ничто, становясь патофизикой и волей у-ничто-жающего и ничтожащего ничто, посланником карающего рока.

В качестве органа, формы, функции и части *софиологии* философия причастна к самым величественным и таинственным событиям, в которых идеальное своими творческими инициативами преобразует ничто в нечто, а в самом мироздании идеальность извлекает из глубин ума, сознания, души и языка новых наследников и продолжателей сакральных дел своих оригиналов. В качестве софийного орудия возмездия философия сеет бессознательное, недоброе, бессердечное, бессмысленное и безумное, изгоняя все смыслы и логосы из мира в дебри постмодернистской «текстурбации». Хотя почти вся современная философия сегодня сходит с ума и входит в безумие по-особенному, расчётливо, извлекая доходы из принципа: «деньги не пахнут, главное — хапнуть!».

В качестве органа, формы, функции и части *патологии* философия вместе с искусством, религией и властью выявляет дела князя мира сего, разоблачая приемы, аргументы, соблазны, копии и симулякры лукавого, содействуя тем самым окончательной победе оригиналов сущего, предуготовляя главное событие мира... В качестве орудия возмездия идеального вся философия превращается патологию, становясь элементом апокалипсического возмездия, всеобщей и уникальной формой душевной, телесной, умственной и половой деградации человека, собирающей в себе все монстробесие Преисподней. Философия жертвует в этом плане собой, чтобы спасти правду идеальную ума, языка, сознания и души...

Философия — это символ утраченной истины и теряемой жизни, оставившей «записки», по которым человек ради своего же блага должен ее найти, не дожидаясь времен, когда истину и жизнь заменят неизвестные бедствия. Поэтому философия исключает полное представление ее содержания. Она не желает именовать себя даже философией, любовью к мудрости, быть даже самой мудростью, сохраняя в себе неизвестные и непостижимые смыслы, всегда оставляя за собой право быть таинственной Незнакомкой Софии-мудрости, которая служит родовым определителем известной философии, наделяя ее целостным умом метафизики, иммунитетом против любой патологии, спасая ее логосы от безумия, даря ей радость благознания вечной истины. Поэтому отрицание софийной природы философии делает ее орудием возмездия распущенной патологии и возмущенной идеальности.

Все разделы работы создавались как законченные «вещи», а потому повторения неизбежны. Автор их устранял, но кое-что осталось. Ничего не попишешь: одни и те же гвозди используются и в крестах, и в домах, и в гробах.

Оглавление

I. Философия и метафизика	4
1. Философия — определяемая бесконечность и неопределяемая конечность? ...	4
2. Философия — совместный проект Бога, судьбы, мирового ума, человека, духов Преисподней?	12
3. Метафизика в философии и философия в метафизике	18
4. Метафизика! Спаси «физику» людей!	23
5. Метафизика искусства, религии, философии	28
6. Университет — метафизический центр Абсолюта	35
II. Философия и софиология	51
1. В поисках знаниевого царства Софии	52
2. София — мир Оригиналов	59
3. София и зеркало	74
4. Идолология Демокрита и идеология Платона	85
5. София, Дао, Веды, Логос	93
6. Идеальное как онтология мудрости-Софии	104
7. София — универсальная творческая сила оригинал-знания	113
8. София- мудрость: Истина личности и Личность истины	125
10. София и философия	136
11. София, Россия и русская философия	144
12. София как принцип сакрального креационизма	151
III. Философия и патология	165
1. Отвечает ли мудрость взаимностью на любовь философов?	166
2. Философская фаллология Платона	171
3. Почему историки, гендерологи и культурологи не видят философской патологии Платона?	181
4. Какой может быть философия без этики?	189
5. Гносеология и содомия	200
6. Патология в философии нашего времени	204
7. Кто продвигает философскую патологию в России?	212
IV. Философия и возмездие	226
ЛИТЕРАТУРА	243

Философия и метафизика

Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины.

Каков он был, о, как произнесу,
Тот дикий лес, дремучий и грозный,
Чей давний ужас в памяти несу!

Так горек он, что смерть едва ль не слаще.
Но, благо в нем обретши навсегда,
Скажу про все, что видел в этой чаще.
Данте А. «Божественная комедия» АД. I.1-7

1. Философия — определяемая бесконечность и неопределяемая конечность?

В VI в. д. н. э. в Древней Греции возник странный и спорный, самоуверенный и непонятный феномен — философия («phileo» и «sophia», любовь¹ к мудрости, любомудрие). Феномены мудрости и любви, как и соответствующие им слова наличествуют у всех народов. Мудрость, учение о сверхчувственном мире, любовь присущи всем культурам мира, а философия возникла лишь в Европе, откуда она распространилась по всему миру. Возникнув как форма духовной жизни, философия вскоре стала ее высшим, определяющим принципом, постепенно вытеснила религию и мораль на периферию жизни, превратив их в своих протестующих и протестантствующих рабов. Первые философы были не просто учеными, мудрецами, учителями, воспитателями, жрецами, хотя эти аспекты в их творчестве и присутствовали, а людьми, глубоко осознавшими трагизм человека, оставленного и брошенного богами, и потому ищущие путей к потерянному Раю, зная, что в этот край ведет тропа «мудрости». Философ, перефразируя слова поэта и Сократа, это — полуневежда и полумудрец, получеловек и полуподлец, а дальше уже от него зависит, закончит ли он свою жизнь законченным человеком

(=благонравственным существом), или же конченным существом, полным невеждой и подлецом.

И проще сказать, чем философия не является. Философия — не наука, не мифология, не религия, не мораль, не мистика, хотя ей и присущи отдельные свойства науки, мифа, религии, морали и мистики; ее нельзя отнести ни к учению, ни к практике, ибо в ней содержится некий неведомый образ жизни, не укладывающийся в рамки любой нормативности. Первые античные философы возвестили уникальную форму жизни, сочетающую в себе знания, учебу, воспитание, моральную, правовую, деловую, ремесленную, личностную, мистическую, художественную и свободную политическую практику.

Слово «мудрость» (софия) впервые в европейской культуре употребил Гомер (Илиада, XV, 412), имея в виду **техноремесленные**, строительные, кормчие умения, инициированные Афиной, которая сама по себе олицетворяет умения и софию **гражданскую**. **Мусическая софия** дарует поэтам вдохновения, озарения, интуитивно постигающие истину. **Этическая** софия, видя добро и зло, обучает людей нравственности. Но все виды софии имеют божественное происхождение. София умозрительно, непосредственно общается с оригиналами вещей, в то время как научность и ученость достигаются лишь трудами человека, имея дело только с копиями вещей. В логике и в науках София не содействует человеку, но и не мешает ему рыть свои аидные ходы в Преисподнюю.

(Хотя, учитывая сакральный генезис, инициативную и субъектную роль мудрости, нужно признать, что именно мудрость впервые употребила поэта Гомера для своего волеизъявления, а не Гомеру впервые пришла мысль о мудрости. Не люди делают знания мудростью, не сами они становятся мудрецами, а сама мудрость творит мудрецов, переводящих ее знания на человеческие наречия).

Философия же опосредует отношения человека к мудрости, соединяя в себе знание неустранимой ограниченности любого человеческого понятия, со стремлением преодолеть эту ограниченность через любовь к мудрости; а поскольку любовь бывает и безответной, то философия часто, слишком часто, подменяет эту любовь научностью, игровой ловкостью и техникой мысли, лукавой софистикой словес.

Субъектом и носителем этой безответной, и во многом безумной любви к мудрости в Европе стал Эрот, слепой демон (бес блуда в христианской морали), который под маской любви ослепляет людей,

толкает их на всевозможные аморальные, асоциальные поступки, извращает священный и жизнепорождающий смысл любви в половом хаосе. Не случайно, Эрот не властен над Афиной, охраняющей устои городов и семьи, в том числе — и нравственные устои любви. Не случайно Афины побаивается главный олимпийский блудодей Зевс. Не случайно Эрот всячески сторонился Пифагора, создателя философии. Афина оставляет демону Эроту царство в мире животных и рабов, да и там его власть ограничена временем. И вообще, философия первоначально обходилась без услуг Эрота и любви, выступая у Пифагора, ионийских натурфилософов, у элеатов, у Гераклита как ясное осознание ограниченности своих знаний, а также как поиск логических, символических, мистериальных, мифологических, сакральных, интуитивных, моральных средств преодоления этой ограниченности, очищения самого себя от всего мелочного и позорного. Философия возникла как осознание человеком своей ответственности перед богами, космосом, государством, людьми, умом, числами, вообще перед идеальными силами и ценностями. И покровителями, соавторами этих поисков были Афина, Аполлон, Метида, Нике, Немезида, но не слепой и безумствующий Эрот, и не оргиастический алкоголик Дионис, и не главблудодей Олимпа — Зевс.² Все герои античности, почитаемые почти наравне с богами, увы, не имели философского образования, да и вообще ничего не знали о философии. Одиссей заслужил звание «многомудрый» (хотя и хитроумный) своим ответственным отношением к богам и знанию, своим интуитивным пониманием того, что знание есть некая скрытая божественная сила, признание и служение которой зажигает в человеке неугасающий свет любви к творчеству, изобретательности. А посему, скорее, наоборот: *не философия происходит из любви к мудрости, а сама эта мудрость проистекает из первоначальной любви жизненной, без коей невозможен человек.*

В восточных культурах статус мудрости и пути к ней иные. Мудрость здесь постигается не только путем познания, но и посредством аскетизма, рациомистической праведности, посредством властвования над самим собой вплоть до самоотрицания своей индивидуальности ради освобождения Абсолютом и в Абсолюте. Через мудрость человек отрекается от самого себя как копии ради достижения Истины, и тем самым обретает себя в качестве оригинала. На Востоке мудрости присуща и любовь, которую она пробуждает в человеке и во

всем существующем, но эта любовь находится внутри мудрости, а не обособляется в отдельную силу, и не порождает философию. Человек прямо и без посредников ищет общения с мудростью Абсолюта своим умом, сознанием, душой, языком, телом и самой жизнью. Ищет и бесследно исчезает в самом этом поиске, зовя за собой всех колеблющихся.

Но вот сама мудрость осталась как на Востоке, так и на Западе величиной определенно-неопределенной, видимо, по причине того, что не малое определяет великое, а великое измеряет самого себя и своих мальцов. Поэтому не человек определяет мудрость, а сама мудрость определяет меру человека, меру его разумения и способностей определения иных. Мудрость есть целостное знание, охватывающее всю полноту истины, всезнающее и всепонимающее сердце. Но мудрость — это не только цельное знание, но и первоначальное ювенильное знание, лежащее в основе миров, вещей, людей, порождающее их, преобразующее своими идеальными силами и энергиями свое же ничто и свои же ничто-жества в многообразие бытия, создающее из своих внутренних смыслов новые формы, качества, законы и гармонии мира. Для мудрости и в мудрости знания — это и материал, и образец (идея), и орудие, и условие, и творчество, и самоцель. Только мудрость умеет обращаться со скрывающимся во всех сущих ничто, укрощать его, освобождать и продуктивно использовать его отрицательные силы, его энтропию и его хаотические инферналии. Приобщение и приближение к такому знанию для человека возможно лишь в том случае, когда он всю свою жизнь, сделает орудием его достижения. Но и этого недостаточно. Нужно, чтобы само знание-мудрость признало своих соискателей достойными приобщения к истине, чтобы оказало им смысловую помощь, благодать оказало. Это невозможно, но бывает, иначе мы не знали бы ничего о мудрости. Мудрость не может быть свойством, частью жизни, ибо сама жизнь есть проявление мудрости-знания в мире.

Но, стремясь к всеобщему пониманию мира и человека, философия не может до сих пор достоверно определить свою суть, хотя, кажется, она только и занимается самопознанием, поиском своего неуловимого смысла. Ни в религиозной, ни в научной, ни в моральной, ни в эстетической, ни в политической, ни в учебной, ни в воспитательной рефлексии проблемы самопознания не занимают столь важного места, как в философии. Но парадокс здесь в том, что, размышляя над вопросом «Что есть философия?», эта почтенная

матрона одновременно порождает нужные знания о мире и о человеке. Как и теоретические решения чисто математических, логических задач неожиданно завершаются практикой. (Зачастую — весьма страшной!).

В этом «эгоизме» философии, постоянно занятой поисками своей сути, многие видят ее слабость, ненужность. Но такая неопределяемость философии выражает внутреннюю смысловую неполноту и незавершенность самого мира. Сам мир, человек, мысль еще не завершились объективно и поэтому философское выражение их смысла не может превзойти их наличную неопределенность. Материальный мир является тайной, загадкой для самого себя; этот мир желает быть самим собой, но обнаруживает в себе спонтанное творчество идеальных сил сознания, ума, души, смыслы и значения языка, выходящие за его пределы. Мир обнаруживает в себе и вне себя бездны роковые, грозящие ему гибелью; мир страшится исчезнуть во мраке ничто. И философия, занимаясь самопознанием, точно выражает поиски миром своего тайного смысла, являясь воплощением этих миротворных поисков. Но и силы идеальные тоже ищут в философии смысл своего пребывания в материальном мире, а стихии деградации, хаоса ищут в этом же мире пищу своим порочным наклонностям. И не философия владеет тайнами этих сил и стихий, а сами тайны эти владеют миром и философией, давая знать о себе через ее неопределяемость. Именно неопределяемость философии, выражая загадку бесконечности мира, возбуждает и поддерживает интеллектуальную силу людей, их волю к истине священной.

Философия, выражая загадки мира материи, идеальных и злотворных сил, в то же время сама является частью этих загадок. Например, такой парадокс: «Зачем человеку как материальному существу с материальными же потребностями, живущему в материальной среде, даны какие-то непонятные, ненужные, даже вредные и опасные идеальные силы в виде ума, сознания, души, языка?» Да и идеальное задаётся вопросом: «А зачем это мне, идеальному бытию, которое превосходит своим совершенством всякую материю, нужна какая-то дурно пахнущая материя, гниющая телесность?». А силы бездны, мрака, деградации не могут не спрашивать себя: «Зачем же создавать этот мир с его идеальными ценностями, поручая нам в то же время снести его до основания, чтобы затем создать другой мир, который уже с самого начала обречен стать добычей тлена, гниения и гибели?».

Причем, вопрос о сути идеального, материи и гибели ставит не философия, а сам мир, философия лишь его исследует, сделав мучения идей, хаоса и материи своим основным вопросом. Идеальное в качестве смысла присуще всем явлениям мироздания, являясь загадкой материи и человека. Хаос присущ всем явлениям мироздания в качестве бессмыслицы, отвечая на все вопросы казнью вопрошателей. Почему и для чего существуют мир, ум, сознание, душа и язык? Почему и для чего нужен всепожирающий хаос? Эти вопросы постоянно мучают людей своей неразрешимостью в сфере материи? «Это маленькое словечко «почему» разлито по всей вселенной с самого первого дня мироздания... и вся природа ежеминутно кричит своему творцу: «Почему?» - и вот уже семь тысяч лет не получает ответа» (Ф. М. Достоевский). Философия, выражая эти вечные вопросы языком человеческого разума, обогащает как мудрость, так и безумие.

Смысловая тайна мира, идеального и хаоса величественна, ибо приобщение к ней может возвысить ищущего. Но тайна эта и ужасающа, ибо ее раскрытие может обнаружить пустоту открывателя, его ненужность даже хаосу. Отсюда двойственное отношение к философии, которую любили и почитали, но столь же ненавидели и презирали. Философию превращали в царицу наук, но её же делали служанкой теологии, технологии, идеологии, фаллологии. К философии принуждали, но ее же и запрещали; философию «обогащали» и «обедняли», «сужали» и «расширяли», покупали и продавали; философией развращали и философию совращали. Философию превращали в религию, но служить ей приходилось и атеизму. За философию награждали, но за нее и казнили. Философию пытались дополнить, заменить мифологией, религией, наукой, искусством, политикой, моралью, жизнью, практикой, бессознательным, патологией.

Несмотря на все исторические испытания, философия всё же сохраняла свое королевское достоинство и духовный суверенитет, свою онтологическую загадочность, вызывая на себя новые волны хвалы и хулы. Философия не соблазнилась благами рая, отвергая и прелести ада, сохраняя свою нацеленность в сферу первичных и неизвестных смыслов. Эта свехустойчивость философии к внешним воздействиям истории говорит о том, что она является не только созданием человека, органом мира земного, материального, но и мира иного — идеального. Признавая иные миры, благосклонные к человеку мыслящему, философия таит в себе и некий трансцендентальный исход людей из-

под ига материальных субстанций и беснующихся имманенций хаоса. Философия выражает творческую, таинственную миссию идеального в мире, в хаосе и в человеке.

Идеальность проявляется и действует в материи и в хаосе посредством ума, сознания, души и языка, революционно преобразуя их уже самым своим наличием, привнося в них причину самих причин, высший тип детерминизма — целевую, телеологическую, смысловую причинность. Магнит по-прежнему притягивает металлы, Луна вращается вокруг Земли, политики лгут бессовестно, да и по совести тоже лгут. Но все формы реальности совсем изменяются перед взглядами идеальных сил, которые воплощают в себе совершенные состояния мира и вещей, позволяя им быть и самими по себе, быть иными, быть «в другом» и быть «другими» — смыслом, идеей, словом, благом. Посредством «суждений», категорий, смыслов, слов мир судит самого себя, оценивая себя с точки зрения своих же высших ценностей. Даже «хаос», обозначая себя категорией «хаос», сам осуждает, изживает свою порочность (В анаграммном плане «хаос» есть «соха», призванная хлеб растить, а не пыль творить!). Для Аристотеля, ум — это самоцель природы; все сущее мечтает стать «умо-заключенным», видя в уме свое спасение. Идеальное в корне преобразило, обогатило мир, выявив его сакральные и софийные измерения. В идеальном мире бытие нашло своих родителей, родственников, друзей, учителей, почитателей, пророков, а хаос — свою утерянную меру. Идеальное стало оружием бытия в его битве с паразитизмом ничто, вынашивающем планы апокалипсического реванша.

Философия бытует в мире сем, но стремится к исцеляющей мудрости, которая живёт и на земле, и в потустороннем мире, благосклонном к человеку познающему. Но философия всегда была не только приобщением человека к мудрости, не только проникновением мудрости в его жизнь, но и лукавым дублером мудрости. Для Сократа философия есть искусство умирания. У Платона многознание философии меркнет перед божественным благознанием; для Аристотеля и Гегеля философия есть наука, божественная по предмету и по полноте знания; но для них философия есть и логика, органон мышления, его технология и средство нужд людей. Боэций видел в философии единственное оправдание и утешение жизни. Сравнивают философию и с королем Лиром; раздав всё своё достояние специальным наукам, философия осталась нищей и никому не нужной! Кант считал

философию критикой чистого разума; разум, как щенок, кружится, пытаясь поймать свой неразумный хвост, но в итоге от усталости падает в антиномию. Маркс и Герцен видели в философии алгебру революции и высшую математику террора. Постмодернизм видит в философии мертвеца, который после очередного погребения снова вылез и тревожит французских интеллектуалов. Далека, ох как далека, философия от нравственности, придумав теорию, что мудрецы стоят выше добра и зла. Поэтому власть и заявила, что «польза философии не доказана, а вред от неё возможен», ибо она засоряет мозги людей непонятными даже для неё самой проблемами. Только вред от этого суждения доказан, а вот польза от него уж точно невозможна.

Поищем ответ о сути философии в самой же философии, избегая внешних оценок и толкований.³

Философия парадоксальна и антиномична, аксиоматична и алогична, схоластична и софистична, очевидна и невозможна, реальна и мистична. Определить её суть столь же трудно, как и постичь человека. Да это фактически одна и та же проблема, ибо определяющие начала философии и человека скрываются в черных потоках времени.

Трудно даже начать разговор об этих трудностях, ибо для различения «трудного» и «легкого» уже нужна философия. В познании мира наука опирается на минимум понятий и логических методов, взятых из философии. Это — понятия «предмет», «наука», «истина», «определение», «доказательство». Философия же не может опереться на этот минимум, ибо она создает его в ходе своего самоопределения.

Во-первых, предметы большинства наук даны в созерцании, восприятии, представлениях, определяясь через пространственные координаты. Предмет философии не допускает подобной локализации, ибо он дан онтологически как часть других предметов, а идеально — как их метафизическое качество. Предметом философии является соотношение физических и метафизических, материальных и идеальных свойств мира и человека. Философия выявляет сверхпредметные определители предметов, сверхфизические устремления вещей и людей к благу и к гибели.

Во-вторых, все науки опираются на логику. Философия же не может опираться на такое основание, ибо логика составляет часть её содержания. Поэтому философия должна быть логической, чтобы определять, и она же должна быть сверхлогической, дабы определять саму логику и наделять её определительными правами.

В-третьих, во всех науках предмет и метод существуют обособленно. В философии же метод есть часть ее предмета, возникая и существуя лишь вместе с философией. Философия методологична, но она и сверхметодологична, т.е. свободна от власти любого метода, дабы обосновывать роль и значимость различных методов.

В-четвертых, философия, в отличие от других наук, должна определить, сформулировать само понятие «наука» до всякого научного знания. Философия и наука, и в то же время и метанаука, ибо она призвана обосновывать права и сферу значимости научного знания.

Итак, предмет философии описывается парадоксами. Через свой предмет философия соприкасается с реальностью, еще не достигшей или уже преодолевающей форму предметности. Философия логична, но через логику она общается с металогикой трансцендентного мира. Философия есть методология, но она же свободна от всякой методологии и потому служит методологией свободы. Философия есть наука, но в то же время она выходит за рамки науки в сферу метафизики, питающей своими смысловыми импульсами научные поиски. Таков исходный смысловой материал, из которого философия выковывает свои теории, методы, термины, интуиции.

2. Философия — совместный проект Бога, судьбы, мирового ума, человека, духов Преисподней?

Какая же реалья, загадка скрыта в философии? Благо или зло она несёт в итоге роду человеческому? Содействует сохранению и спасению человека или же готовит его уход в Преисподнюю, делая этот уход скрытым, представляя его как поиск высшей истины?

Поскольку философия соотносится с мудростью, то и её содержание следует искать в контексте именно мудрости. Уже этимология термина «философия», означая “любовь к мудрости”, «софии» (от греч. σοφία — «мудрость»), указывает на то, что в мире есть наряду с материей, законами, хаосом, богами, демонами и Объективное Знание; именно к этому знанию должна стремиться философия. Не только человек порождает знания, но и само бытие есть празнание, которым и в котором оно порождает человека, пробуждая в нем своими волнующими смыслами благородную страсть, духовную жажду, утоляемую истиной. С помощью философии человек извлекает смысловые и знаниевые ископаемые мира для нужд жизни.

А что есть мудрость? Рассудочно мудрость можно представить как целостное знание, которое а) творит цели; б) преобразует хаос в лад и строй; в) создает идеи, принципы; г) вырабатывает умения, умелые руки, могущие возделывать материю. Вкратце же мудрость можно определить как всезнание и всепонимание; мудрый тот, кто всё знает и понимает. Причем, всезнание и всепонимание — это не просто количественный охват всего налично данного материала, а знание и понимание качественного начала, определяющего всё существующее, правящее им, наделяющее его смыслами и значениями. Мудрость – это не просто знания о вещах и людях, а знания, из которых эти вещи и люди состоят, их софийная стоимость. Древние греки целетворные функции мудрости именовали Умом-Нусом, организующие силы — Космосом, логосные знания — идеями, умения — Демиургом. И в строгом смысле лишь Пифагор близко подошел к мудрости, заложив парадигмы евроамериканской цивилизации.

Вместе с выделением феномена мудрости лучшие знатоки в течение ста лет спорили о том, доступна ли мудрость людям, придя в итоге к выводу, что доступна она лишь богам; это засвидетельствовал и русский язык своим отвечающим вопрошанием: «А Бог его (её) знает?». Но Бог уделяет частицу своей мудрости лишь чистым сердцам, благородным умам и умелым рукам. Далее, люди осознали, что сверхчеловеческим ведением владеют и демоны, дьявол; и это тоже засвидетельствовал русский язык: «А черт его (её) знает?». Но дьявол не мудр, а хитер, обманывая даже создания Бога; его знания ущербны и неполны, ибо ему недоступно знание Бога, света, любви, истины, самопожертвования. Но лукавый — лучший знаток пороков; и он дарит своё хитроумие преуспевающим в пороках существам.

Каковы же истоки человеческой философии?

Согласно Платону, философия — это не чистое изобретение человека, а дар богов. «Глаза... побудили исследовать природу Вселенной, а из этого возникло то, что называется философией и лучше чего не было и не будет подарка смертному роду от богов».⁴ Поэтому не произволение людское создает философию, а божество делает свою мудрость философской, доступной человекам. Через философию божество пробуждает души, умы людей, указывает им цели жизни. Поэтому важно знать не просто философию человеческую, а то, как и почему боги делают свою мудрость человеческой. Правда, Платон так и

не ответил, зачем боги создали философию и подарили ее людям. Ведь античным богам чужд всякий гуманизм и благотворительность, ибо действуют они ради чистого эстетизма.

Для Аристотеля философия изучает высшие качества вещей и людей, являясь «главенствующей наукой», познающей совершенные объекты — целевые причины. Философия представляет совершенное знание, выступающее в виде Ума и Теории. В этом знании объект, субъект, цель и средство совпадают, а потому оно ни от чего не зависит, обладая всем необходимым в самом себе, а потому оно абсолютно свободно и зависит только от самого себя, выступая как самоценность и самоцель бытия. В этом знании людское любопытство встречается с божественной мудростью, целевая причина мира с людскими влечениями. «Таким образом, все другие науки более необходимы, нежели она, но лучше нет ни одной. Эта наука единственно свободная, ибо она существует ради самой себя». ⁵

У Аристотеля мудрость присуща лишь космическому уму, который он отождествлял с богом и даже с теорией, усматривая в ней высшее божественное блаженство. Открываясь в человеке, этот ум становится началом всех наук, логики, целевой причиной вещей и знания. Но открывается он не всем, не всем людям, а лишь свободным, которые не только понимают мысли, но и сами их порождают. «Рабов по природе», только понимающих мысли, но не творящих их, космический ум не видит, не открывается им, не изменяет их социального статуса. Не только люди имеют ум для себя, но и ум имеет людей для своих целей. Люди испытывают любовь к мудрости в философии только потому, что любовь-то эта вызвана умом самой мудрости.

Но в философии выражаются и предельно неизвестные силы мира, Неизвестное вообще. Это неизвестное дано и в мире, и в самом психофизиологическом центре человеке. Это Неизвестное не только в отношении к человеку, но оно характеризует и сам мир, ибо сам мир не ведает о своем будущем. В человеческой культуре эта великая неизвестность обозначается термином «судьба». Мудрой народы считали и судьбу; но, зная всё, она не знает своей же судьбы, а потому раздаёт свои дары и кары вслепую, хотя в её слепоте есть ирония, хитрость и логика, превращающая злое, частное, порочное в средства общего блага. Жестокость людей, грозящую самоистреблением рода человеческого, ирония судьбы превращает в государство, отчасти противостоящее жестокости. Ирония судьбы превращает безмерную

алчность в торговлю, а безмерное тщеславие — в искусства и науки. Но безмерный гуманизм и себялюбие судьба превращает в каннибализм. Поэтому «Amour fati!» стоики сделали принципом философии, заявив, что повинующихся судьбе она везёт, а сопротивляющиеся влекут её колесницу.⁶ Человеку же, увы, судьба открывает свою мудрость тогда, когда она уже бесполезна, ибо он с её помощью не может уже ничего изменить в своей жизни.

Философии присуща какая-то в буквальном смысле слова судьбоносная миссия. Даже Гегель не смог свести философию к абсолютной идее: «Говорят, будто такие материи, как рассматриваемые нами, когда мы в своем кабинете наблюдаем, как философы ссорятся, спорят и приходят к различным выводам, суть словесные абстракции. Нет! Нет! Это акты мирового духа и потому, милостивые государи, акты судьбы. При этом философы стоят ближе к господу, чем те, которые питаются крохами духа, они читают или пишут эти именные указы сразу в оригинале; их держат для того чтобы записывать эти указы».⁷

Через философию абсолютная неизвестность становится известной человеку под именем “судьба”. Философия — это символический язык судьбы, на котором она общается с человеком. Но в философии судьба осознается, становится мыслью. В разуме Судьба выступает как неизвестное для самого разума, как неизвестный разум. Разум — способ действия судьбы на «чужой» территории, в сфере еще неизвестного. Но и сама мысль становится судьбой: чего хочет мысль, того хочет и судьба. Только никто не знает, чего хочет мысль, чем она может стать и станет. Мысль может постичь себя как объект, но как субъект она постоянно убегает от самой себя в неизвестность. Мысль хранит свои истоки от чужого и от своего взгляда. Философия как мысль о неизвестном есть неизвестная мысль судьбы. Судьба судит мир посредством роковых мыслей, а мысль судит судьбу человеком, ведущим с ней игру, в которой проигрывают все. Но все же неизвестное и судьба обретают в философии сознание, не теряя своего призвания.

М. Хайдеггер полагал, что не только человек создает философию, но и она творит человека, выводя его из потаенных и темных глубин сущего к экзистенциальному (личностному) центру. В философии человек ставит вопрос о знании целого, а целое вовлекает в себя человека как орган своей отвечающей и ответственной рефлексии.⁸

Итак, согласно взглядам главных мыслителей Европы, философия в качестве любви к мудрости выражает указы судьбы, дары

богов, целевые причины бытия и человека. Последующая дифференциация философии не добавила ничего существенного в этот ее величественный портрет. Представления о том, что в философии выражаются ценности жизни, половые и классовые интересы, свобода и польза, не обогащают философию, а приспособляют ее к частным ситуациям. В философии под именем «мудрость» скрывается аноним, который мир не вмещает в себя, но без которого он не может иметь бытия. И только русская философия приоткрыла софийные измерения этого сакрального анонима.

Все нелады философии таятся в ошибочном понимании её как творения человеческого и только человеческого разума. Но ведь уже само смысловое поле термина «философия» — любовь к мудрости — предполагает два противоположных пути мысли: **от человека к мудрости и от мудрости к человеку**; не только человек стремится к мудрости, но и сама мудрость воздействует на людей, открывается им. Реально же философия является совместным творческим проектом человеческого и сверхчеловеческого ума.

Стремление человека к мудрости, к Всезнанию и Всепониманию создало массу самых невообразимых учений о мире и людях, открыло уймище различных путей движения мысли. Но конечный итог этого устремления печален и безотраден. Мудрость доступна только богам, судьбе, софийному уму, природе, но не человеку. Можно знать много, очень много, но ВСЁ нельзя знать смертному человеку. Вместо мудрости возникает многознание,⁹ призрак Мудрости. А многознание уму не научает, но от мысли отучает, смысл сознания разоряет, путаницу учиняет, сумбур-хаос порождает. Этот взгляд ведёт к имманентному пессимизму: «Во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь» (Еккл. 1, 18). И не человек здесь использует свой ум для мудрости, сколько неизвестное использует его ум для себя, оставляя ему вместе с философией скорбь и горести жизни.

Но всякому взаимодействию свойственны прямые и обратные связи. И человек стремится к мудрости только потому, что еще до его сознательных влечений к ней, сама мудрость устремилась к человеку, открылась в нем, возбудила в нем влечение к себе, создала в нем свой орган – ум. Откровение мудрости в людях генетически первично по отношению к человеческим устремлениям к ней, ибо, не будь этого первичного откровения мудрости, не было бы и отклика на

него в виде философии как любви к мудрости. По словам И. В. Гете, глаз видит свет и стремится к нему в силу того, что он создан самим Солнцем для восприятия его лучей. Тот же принцип участвовал в создании философии и постоянно действует в ней. В этом плане сущим вздором являются представления о том, что человек выдумал богов. Сначала Бог выдумал человека, дал ему царя в голове. И лишь затем, забыв об этом первичном откровении, человек стал выдумывать не богов, а призраков, возвращая в себе своих грядущих могильщиков.

Движение мудрости к человеку проявляется в нём как жажда, стремление к единой сверхчеловеческой истине. Мудрость воздействует на человека посредством метафизических откровений неизвестных смыслов, посредством посланий незримой реальности. Мудрость есть софийный ум, охватывающий единым взором целевые, организующие, познавательные и созидающие силы мира. Мощь этого ума творит формы, законы, движения, стихии, существа, людей, идеи, духи, слова, царства, искусства. Аристотель называл целостный ум «формой форм», ибо он создает формы, образы, меры, космос. Именно софийный ум метафизики преодолевает несоизмеримость человеческого многознания и всезнания мудрости. Ведь философия нужна не только людям для решения своих проблем, но в ней нуждается и мир для своего самопознания. Сама мудрость сильнее, чем вещи, знания и лица, являющиеся ее носителями и орудиями. Именно поэтому философия была создана божеством, но посредством человеческого ума. И только при наличии в философии цельного софийного ума она может исцелять человека и мир. **НЕЛЬЗЯ ВСЕ ЗНАТЬ, НО МОЖНО И ДОЛЖНО ЗНАТЬ ТО, ЧТО МОЖЕТ ВСЕ ЗНАТЬ. А ТАКОВ УМ!**

Метафизическая рефлексия ума, охватывающая все основные измерения его целостности, служит объективным критерием различения подлинной философии от тьмы-тьмущей псевдофилософий, паразитирующих на смыслах им недоступных. Поэтому философия ворвалась в Элладу как сверхмировая сила, постепенно охватив своим влиянием весь мир. И судьба, и боги, и космос являются соавторами философии; ими совместно был создан объективный язык для общения человека с этими миротворными силами. В качестве такого языка выступает метафизика: чего желают боги, судьба и природа, того же желает и мысль, того же должен желать и человек. Но верно и обратное: чего желает мысль, того же желают и эти миротворные силы. Но узнать

желания человеческой мысли непросто, ибо свои желания она скрывает даже от самой себя, открывая их своей метафизике святой.

Философия – это не только факт ума человека, но и метафизический орган Ума вечного, пишущего книгу абсолютной истины. Прикосновение к такому уму преодолевает субъективность человека, делает его читателем метафизической книги мудрости. Буквами этой книги являются философские учения, словами — философские направления, грамматикой — Логос, смыслом — София. Поэтому познание воли ума-разума является ключом к постижению единых законов мира и человека, власти, философии и народа.

Отрицание объективных соавторов философии порождает в человеке комплекс неполноценности, вследствие чего ее начинают дополнять то наукой, то религией, то искусством, то практикой, то еще чем-то неназываемым. Но отрицание объективных соавторов философии ведет и к тому, что в философию каждый может «выгружать» все содержимое своей голове. А помощь в кризисах ищут где угодно, но только не в философии, отвергая благостную помощь миротворной Софии-мудрости, действующей и через философию.

Вывод о том, что философия есть совместный проект человеческого и софийного ума, следует из возникновения философии.

До философии носителем мудрости была мифология. В 6 в. до н. э. наступил кризис мифологии. В пламени этого кризиса рушились государства, религии, нравственные устои и культура. И носителем миротворной мудрости стала философия. Свое рождение она сразу же отметила тремя открытиями: был открыт мировой ум; логика, изучающая эту новую силу; личность, т.е. тип человека, умеющего работать с этими идеальными силами мира.

Именно через философию ум стал основной «производительной силой» античной культуры, софийной силой христианства, логосным творцом научно-технического прогресса. Философия открыла новый идеал общества: наряду с небесным и земным царствами появился идеал светского царства Платона, соединившего в себе философию, власть и народ. С тех пор философия стала невидимой идейной опорой евроамериканской цивилизации, которая эту опору к дням нынешним почти уже разрушила. А Россия еще всерьез и не подумала об ее разрушении!

3. Метафизика в философии и философия в метафизике

Метафизика — сакральное и смысловое обозначение высшей реальности; в то же время через метафизику и сама философия предстает как феномен, посредством которого человек (да и мир!) своеобразно (наряду с искусством, религией и войной) становится соучастником Первопричины и жертвой Послесловия мира.

Метафизика служит основанием религии, искусства и философии, не раскрывая владыку, коему она служит. Зачем и для чего она необходима человеку? Каково её конечное назначение? Каково содержание суждения: «Философия есть метафизика?». Ответ пока неясен, но ясно одно — недооценка, пренебрежение, отрицание метафизики лишь усугубляет проблемы жизни, но не решает их.

Каждое слово имеют свой провиденциальный смысл, свое скрытое, иногда стертное до неузнаваемости, сакральное значение. Слова — это не просто искусственные метки, а носители живых, беспокойных и неудовлетворенных смыслов, смысловой крови ума и сознания; а смыслы рождаются в невидимых сферах, облекаясь в звуковые, значащие, знаковые и знакомо-вещные тела, приходя затем в мир физических реалий и формируя из них свои особые предметные облики, необходимые им для выполнения своих с-лов-есных задач среди существ, потерявших дар и понимание слова.

Термин «метафизика» возник почти-что случайно в I в н. э. Главный метафизический сотрудник Александрийской библиотеки, упорядочивая рукописи Аристотеля, о которых Европа забыла аж на 6 веков, столкнулся с проблемой, в какой раздел поместить его трактаты о «первой философии». Ответ пришел сам собой в виде папки с надписью **«Метафизика»** (**«ta meta physika»**, буквально означая — **«то, что после физики»**). Поистине, выбор названия дисциплины, учитывая ее последующую головокружительную судьбу, вовлекшую ее в дела мира сего произошел не без воли Провидения! Метафизика содержит в себе смысловые врата, ведущие в мир истины, блага, сакральных смыслов, останавливая любопытство человека лишь у трона Всевышнего.

Исторические судьбы метафизики во многом сходны с судьбой самой судьбы: её почитали интеллектуалисты и рационалисты, её игнорировали эмпирики и сенсуалисты, её отрицали иррационалисты и мистики, её опровергали и проклинали позитивисты и прагматисты, с ней воевали марксисты и фрейдисты, в ней червями копошатся постмодернисты. Но метафизика неуязвима как для критики, так и для апологетики, как для скепсиса, так и для верований, ибо не

человек занимается ею, а она занимается человеком, вовлекая его в разгадку самого себя, в объективное исследование его рас-христианной души, субъективных аномалий и отклонений от своей меры. Посредством метафизики изрекает свои даже неизрекаемые темные глаголы и судьба самой судьбы!

В Древнем мире метафизика, именуемая Аристотелем «первой философией», «телеологией», «теологией», составляла важнейшую часть философии, оставаясь при этом теорией чисто умозрительного познания первых начал знания, бытия и космического ума. Высшая объективность метафизики состоит в том, чтобы находить во всех изучаемых предметах их целевые причины, влекущие их на свою родину — в мир их же скрытого ума, который связывает воедино все причины бытия. В Древней Греции метафизика уже создала свой специфический организм — академию Платона, ставшую прообразом всех остальных учебных институтов.

В Средние века метафизика, став частью теологического познания, социально воплотилась в религиозном и государственном обустройстве Европы, создав институциональные и теоретические основания культурного прогресса Европы.

Важнейшую роль в самоопределении метафизики сыграл Ф. Бэкон, который доказал, что ее содержание находится не вне мира и природы, а в самих природных вещах. Метафизическое находится вне физического, но не вне предметного. Предмет утверждает себя как соразмерная целостность физических и сверхфизических сил. «Физика видит в природе только внешнее существование, движение и естественную необходимость, метафизика же — еще и ум, и идею».¹⁰ Поэтому истинное понимание реальности возможно лишь в рамках и на основе метафизики, выявляющей имманентный разум предметов. Метафизика освобождает людей от тирании мелочей, суеты, не отягощая «человеческий ум множественностью».¹¹

Обстоятельно, как врач больного, обследовал метафизику И. Кант. Его вывод-диагноз категоричен: «Жить будет, но наукой никогда не будет». Согласно И. Канту, «человеческий разум, с тех пор как он начал мыслить... никогда не обходится без метафизики».¹² Поэтому она древнее всех наук и сохранится даже тогда, если науки будут «подвержены все истребляющему варварству».¹³ «Метафизика есть также завершение всей культуры человеческого разума»,¹⁴ существуя «как природная склонность человека»,¹⁵ пытающегося узнать

объективное назначение своего разума. А разум пытается посредством метафизики узнать свое же объективное назначение, свою конечную цель. Является ли человек царем разума или же он всего лишь его слуга, или же разум и человек суть слуги Первопричины? Поэтому основным событием метафизики является познание разумом самого себя, своих целей, условий и границ своей значимости. Поэтому «философское знание, основанное на чистом разуме, называется метафизикой».¹⁶

Свою правдивость разум не может проверить научно-опытным путем, ибо у него нет и не может быть ни чувственного, ни умозрительного предмета, которому он должен был бы соответствовать, перед которым он должен был бы отчитываться в своих деяниях. Поэтому разуму остается один путь — критика и самокритика, ибо совести у него нет. И основная задача метафизики состоит в том, чтобы представить любой изучаемый предмет в качестве разума, занимающегося абсолютной самокритикой. В этом плане метафизика есть и объективная самокритика разума человечества.

Согласно Гегелю, метафизика выражает объективный способ присутствия вещей, человека, мысли в сверхчувственном мире, способ их бытия в качестве понимаемых и понимающих. «Метафизика есть не что иное, как совокупность всеобщих определений, как бы та алмазная сеть, в которую мы вводим всякий материал и только этим делаем его понятным. Каждый развитой человек обладает своей метафизикой, той абсолютной силой в нас, которую мы можем овладеть лишь в том случае, если мы сделаем самое её предметом нашего познания».¹⁷ Уже простейшие абстракции, например, дерева, депутата, веревки, выводят эти мыслимые предметы в сферу сверхчувственного, увековечивают их смысл в языке. Слово и мысль метафизичны по своей сути, хотя в явлениях они могут приобретать любой облик. «Чистыми физиками, только физиками являются лишь животные, так как они не мыслят; человек же, напротив, как мыслящее существо есть врожденный метафизик».¹⁸

Метафизика, согласно Гегелю, должна познавать именные указы судьбы, понятийно выражать божественные откровения, постигать смысловую волю Провидения, познаваемость Мира. И решает эти свои возвышенные задачи метафизика посредством логики. «Логика совпадает поэтому с метафизикой — наукой о вещах, постигаемых мыслью».¹⁹ Логика собирает под свои знамена все метафизические элементы мира, вещей, знаний, наук, искусств, иллюзий. Поэтому

метафизика есть понимающая логика, а понимание есть метафизика в деле. Диалектика же является лишь частью метафизики, осуществляя ее истину посредством развития. Метафизика — целевая, а диалектика — движущая причина, средство познания.

Для Гегеля метафизика является высшей святыней народа, в которой он выражает и хранит эталон своего самосознания, свободу своего духа, мысли и разума. Состояние метафизики к началу XIX века в Германии Гегель считал кризисным. А ведь в этот период вся европейская философия жила метафизикой Канта, Фихте, Шеллинга! «Поскольку наука и здравый человеческий смысл способствовали крушению метафизики, казалось, что в результате их общих усилий возникло странное зрелище — образованный народ без метафизики, нечто вроде храма, в общем-то разнообразно украшенного, но без святыни».²⁰ Без метафизики не может быть свободного разума, а без него не может быть свободного народа, а лишь свободное небытие.

Но в метафизике коренится и смысловой центр человечности. «Метафизика есть основное событие в человеческом бытии. Она и есть само человеческое бытие».²¹ Вот это точно! Встреча с метафизикой — главное событие в жизни человека, сопоставимое, пожалуй, со смертью. Ибо только метафизика изучает невидимые причины видимых реалий (где были до рождения, где будем после рождения?); ибо в метафизике человек имеет дело с самим собой как оригиналом, а не со своими изувеченными копиями, ролями, функциями. В метафизике нельзя симулировать, играть, ибо она суть волшебное зеркало, которое видит людей насквозь, помимо их воли определяя, кто из них всех белее, всех смелее, всех милее, всех роднее, всех желаннее и всех мудрее!!! Каков ты в метафизическом зеркале-оригинале, таков ты на самом деле. Ибо люди фактически общаются, вернее, склочатся на уровне эпителия, т. е. омертвевших клеток. И чтобы прорваться к живому организму, а за ним — к центру человека, к его «Я», нужно сбросить своего ветхого человека. Только в метафизике возможен истинный диалог людей; в ней звезда с звездой прямо говорит, не прибегая к условностям окольных путей.

Смерть как-то связана с метафизикой. Но в состоянии смерти не человек видит себя в зеркале (какого бы рода оно ни было!), а наоборот — он сам становится зеркалом для смерти, в котором она не только видит себя, но и обретает реальность. Человек видит в зеркале метафизики свой вечный оригинал, видит себя за пределами смерти, в

качестве духовного оригинала, а смерть видит в человеке себя как призрака-ничто, ставшего паразитически значимым нечто. Сократ предупреждал, что философствовать, значит — воспринимать смерть, делать ее предметом, общаться с ней, учиться правильно умирать, т. е. учиться пользоваться зеркалом смерти, и, как Персей, уметь вовремя поворачивать это зеркало в сторону ее мертвящего взора. Метафизика лишает смерть пищи (физики), а потому в метафизике нет смерти, а есть лишь пути-дороженьки в неведомое, но манящее царство вечности.

В этом плане женщина бытием самым своим ближе к метафизике, ибо, рожая, она переживает трансцендентный переход, рискует, вступая в борьбу со смертью. Мужчины, уклоняясь от риска, не ведая пограничных ситуаций, притягивают к себе демонов страха и смерти. Для мужчин смерть не предусмотрена штатным расписанием творения: они должны или стать героями и святыми, или же их найдет вирус необратимой дегенерации горгон междумирья.

4. Метафизика! Спаси «физику» людей!

К исходу 20 века мир оказался в очередном глобальном кризисе, для понимания которого нужно задействовать весь метафизический, трансцендентальный потенциал философии.

И сегодня философия может помочь миру и человеку лишь при условии признания метафизической обусловленности бытия, лишь при условии превращения всех ее категорий в метакатегории, в органы метафизики. Орудиями метафизики служат и софийные интуиции мудрости, питающие своими энергиями разум, науки, хозяйство, смысловую вселенную человека. Философия есть дисциплина, учение, изучающее способы и алгоритмы воздействия ума неизвестного на ум известный, сознания неизвестного на сознание известное, мысли неизвестной на мысли известные, неизвестных сил души на силы души известные, неизвестных смыслов на смыслы известные, неизвестных языков и слов на слова языка известного, неизвестного в человеке на человека известного.

Увы, из мира уходят силы метафизического прозрения! Их вытесняют сила инфернального ослепления, которые превращает все замыслы и дела человека в свою противоположность: чтобы человек ни делал, чтобы ни познавал, все равно в вопросе «Что значит знать?» он останется невеждой. Например, как доказать, что наше знание осины

действительно соответствует осине и есть осиное знание, а не знание болотное? Без критерия и эталона знания о «знании» мы будем, как щенок, ловить хвостик, не зная, кому он принадлежит. А такие критерии-«эталоны» вырабатывает как раз метафизика, которая безжалостно разоблачает гносеологическое тщеславие наук и людей, во многом совпадая с мудростью самого языка. Например, язык намекает о смысловом неблагополучии слова «познание»; вроде некто наносит удар «по знанию», которое становится пришибленным, побитым и прибитым, теряя самосознание и понимание самого себя, работая в порабощённом, бессознательном режиме на «чужого дядю». А вот слово «при-знание» говорит о королевской ценности знания, наделяя всех приближенных и приобщенных к нему особым возвышенным статусом. Слова-термины «видение», «ведение», «созерцание», «возвешение», «извещение», «сообщение», «умозрение», «вещание», «прозрение», «обозрение», «постижение», «понимание», «суждение», «умозаключение», «категории», «теория», «преображение» точнее выражают суть знания, чем термин «по-знание». Поэтому метафизика изучает не просто человеческие «по-знания», а объективные откровения и проявления миротворных сил идеального во всех сферах жизни людей.

Вот краткий устав гносеологической службы метафизики.

- «1. Познание — необходимая часть всех форм и видов человеческой жизни. 1а. Но смерть делает познание и всю человеческую жизнь материалом незнания, ибо смерть — это незнание и ничто.
2. Познание есть высшая форма идеального отражения мира, человека и самого знания в формах идей, понятий, символов. 2а. Но смерть есть особая форма виртуального поглощения человека вместе с его познанием в темно-фиолетовых пучинах небытия.
3. Истина — самая благородная, самая возвышенная и самая мудрая наставница человека. 3а. Но смерть вынуждает и саму истину стать молчаливым орудием своего немилосердного приговора над человеческими усилиями познать истину.
4. Наука говорит: «Познай законы мира, и ты станешь властелином вещей! 4а. Смерть говорит: «Знание всех законов мира без знания закона смерти обесмысливает все знания и саму жизнь людей; знание неизбежности смерти еще до ее наступления становится самым изощренным и тяжелым наказанием».

5. Творец сказал: «Не ешьте плодов древа познания добра и зла, ибо в этих плодах сокрыт страшный витамин, разделяющий человека на живое и мертвое!». 5а. Смерть в облике змия говорит: «Кушайте, да побольше всяких плодов, ибо мертвое нуждается в разнообразных витаминах!».

Метафизика — это не гносеологическая панацея, но для нее «Знать» означает видеть *деятеля, делаемое, материал, средство, условия, цель, для чего (смысл), невозможное и... оригинал знания*. Отсутствие хотя бы одного из этих элементов разрушает знание.

Метафизика изучает объективные откровения и проявления миротворных сил в человеческих знаниях, искусствах, науках, практике. Она исходит из того, что самое главное в мире ещё не найдено, не помыслено, не сказано, возвышая нравственное чутье человека, дабы он мог услышать зов Провидения, обращенный к нему! И этот зов сделает желания орудиями промысла, а человека возвратит к своему оригиналу.

И если человек не считается со своей метафизической сущностью, то и метафизика не склонна считаться с его физическим бытием. Если человек делает метафизику нелегальным и незаконным гостем своего мира, то метафизика делает легальными и законными кризисы и беды этого мира. Если человек не ведает метафизических выходов из мира, то метафизика даст ему набор безысходных тупиков и кризисов даже бескризисного мира. Посредством катастроф метафизика популярно разъясняет физике ее неполноту, её незавершенность.

Уже своим терминологическим смыслом метафизика указывает на неполноту любой реальности, взятой лишь в ее физических, чувственно воспринимаемых формах. Сам язык, философствуя, говорит через этот термин о «Сверх...», «Транс...», «Мета...» реальности, объективной, но не материальной; не субъективной, но идеальной. Для метафизики вообще чувственное физическое состояние мира, взятое в отрыве от его трансцендентных, абсолютных, сверхчувственных оснований, есть наличное бытие кризиса, т.е. разрушения, исчезновения вещей в жерновах времени.

Метафизика есть целостное понимание мира, человека, ума в единстве их идеальных, трансцендентных, непроявленных, сверхчувственных форм. Метафизика охватывает не только человеческий, но и мировой ум; не только действия ума, но и смыслы безумия; ей ведомы не только кризисы, но и бескризисное бытие.

Итак, метафизика выражает предельное основания бытия и человека, вечные их смыслы, пределы самих пределов; и даже если эти основания (Бог, целостность мира, сложность простоты, суть противоречия, души, свободы, смерти и ничто) антиномичны и непостижимы, то знание этой непостижимости запредельных оснований человеку все же эвристически необходимо, ибо оно выполняет навигаторские функции в его жизни, плывущей в неведомые, но зовущие ее края.

Но метафизические основания выражают предельность, неизвестность универсума не только для человека и его познаний, но и для самого же мира, который тоже не знает своей судьбы, своей участи во вселенских изменениях; сам мир не знает, что с ним происходит, куда и зачем он движется (или его движут?), какова его роль во вселенской драме стихий, существ и властвующей над ними воли. Видимо, и Бог тоже не знает, чем закончатся все его миротворные и человекотворные проекты после их корректировки дьяволом. Действуют-то они не в унисон, а как самочинные начала. Ну, правильно, будут сожжены грешные и неисправимые люди, останутся праведники, которые отмолят у Него грехи людей после их испытания рыночным апокалипсизмом. А далее-то что? Нет гарантий, что спасенное и уцелевшее человечество вновь не возьмется уже за райские груши? Сохранить всех людей в состоянии блаженства — созерцать вечную правду небес и святости? Скучновато многим станет и новые Люциферы, навечно, уже составляют на своих ноутбуках новые конституции Царства Божьего, новые революции и бунты против Неба? Так метафизика размышляет над неизвестными и непознанными качествами человека и его знания, мира и его неизвестными метаморфозами, судьбами. Метафизика размышляет о последних вопросах самого Бога, о последних вопросах Бога к Самому Себе! И даже о вопросах, которые еще и Бог не решил, отчего и терпит человека! Все-таки какой-никакой помощник, хотя и злодей! Аристотель прав, полагая, что Бог все знает, все понимает, все делает, во всем находит блаженство, во всем присутствует именно посредством мышления о мышлении. Метафизические размышления Бога суть величайшая мистерия в мирах возможных и в невозможных мирах. Посредством своей умозрительной и попечительской активности и рефлексии Бог присутствует во всех своих созданиях, во всех своих возможных и невозможных деяниях.

Далее, метафизика есть тип мышления, которое выражает самоценность и самоидентичность сущего. В метафизике каждый предмет рассматривается как единственная и уникальная сущность, вне которой никаких сущностей нет, а если и есть, то они производны от данного предмета. В метафизике любой элемент, попавший в зону ее притяжения, действует как Абсолют. Тем самым метафизика представляет не просто свободу вещей и людей, но и свободу самой свободы, страдающей от своего безумного и губительного своеволия. В метафизике Абсолют свободно отказывается от своей абсолютной свободы во благо своих неисчислимых абсолютиков, зря ищущих правду за пределами Абсолюта.

Далее, метафизика никоим образом не приемлет ложь; ложь не может быть абсолютом, ибо раскалывает само мышление на неведомую истину и лукавую ложь в гламурных облачениях софистики. Поэтому Аристотель считал запрет противоречий высшим законом «первой философии». В этом плане метафизика несет, скрывает, сохраняет в себе идеальность, эталонность, вечные формы вещей, спасая их от незаметных червей лжи. Платон назвал эту эталонность вещей «идеями»; и благодарной язык поныне помнит, что правильно поступать, творить можно, лишь следуя смысловой норме «идеи» («по идее!»).

Но метафизика содержит особый присущий ей образ жизни. Метафизика — это не только теории, учения, тексты, но и особое Царство не от мира сего, но в мире сем. Школа Пифагора, Академия Платона и ликей Аристотеля, закрытые монашеские школы, художественные и ремесленные школы (ордена), алхимические лаборатории, университеты,— эти институты часто вообще не признаются мыслителями обаятельными за органы метафизики. Метафизика мыслит не только идеями, но и целями, институтами, ценностями, умелыми руками, образами, пулями и ракетами, моральными императивами, традициями жизни догреховной.

И вся загадка метафизики состоит в том, каким образом ум, изучая свои трансцендентные истоки, в итоге добывает крайне нужные знания для всех наук и людей. Более того, метафизические объекты обладают своеобразной жизнью, которая нуждается в нас, людях, которая требует от нас благих, конформистских или тлетворных реакций даже на земные события. Невидимое ждет от нас определенных

видимых земных деяний! Человек не видит невидимого, а мыслит о нем, а невидимое действует в человеке посредством видимых форм!

5. Метафизика искусства, религии, философии

Согласно Гегелю Абсолют постигается искусством, религией и философией (метафизикой). Царь всех идеалистов и рационалистов признавал, что искусство суть исходная форма постижения Бога-Абсолюта; но искусство выражает, представляет абсолютное в чувственных образах, символически, аллегорически, реалистически. Высшей формой искусства является антропологизм, в котором абсолютное может выражаться, скрываться, искажаться, симулироваться, опошляться до уровня рекламы. Искусство и поэзия не видят Абсолюта в чистом виде как перводвигателя всякого содержания, в котором он скрывается как его творящая и несущая сила. Искусство и поэзия не знают метафизической рефлексии, в которой курица и яйцо составляют еще единое неведомое существо, которое страшится курицы и не знает, что делать с яйцом. Сомнения разрешает земная жизнь, в которой человек первичен, а куры и яйца вторичны. Но высшие предметы метафизики — Бог, ангельские чины невыразимы в образах, ибо они незримы. Искусство и поэзия могут выражать объекты метафизики, но они не могут сказать о сути той силы, которая из ничего изводит в бытие его жертвы. И хотя поэзия и метафизика проистекают из одного — мифологического — источника, поэзия может перевести содержание мифа в другую образную форму, но не в понятие. Поэтому поэзия может глубже постичь Абсолют, чем метафизика, но она не может придать этим своим глубинным смыслам понятийную форму.

Платон жестоко критиковал поэтов, изгонял их из нормального государства, именно за то, что поэзия постигает не оригиналы вещей, а творит копии, подобия, призраки, выдавая их за неподлинную реальность. Велики и неискупаемы грехи стихотворцев перед богами, о которых поэты сочинили (и сочиняют) самые гнусные и кощунственные измышления, заявляя, что поэтам-де доступна высшая реальность, недоступная и богам.

Но все же поэзии присуща метафизическая субстанция, придающая ей подлинность, которой не может достичь даже философская метафизика. Подлинная поэзия возвращает субъекта, способного к метафизическому умозрению. Поэзия всегда имеет дело с

непрерывной мыслью, а потому она может совершать скачки, прыжки от субъекта к объекту и обратно. А вот метафизика обречена на вечное строительство мостов из царства необходимости в царство свободы, которые необходимо падают еще до свободного движения я по ним.

Итальянский ученый Дж. Вико в своей философии истории вывел золотую формулу, согласно которой народы вначале руководствовались Поэтической Метафизикой, которая открыла им все необходимые жизненные, земные, небесные и теологические знания. Метафизика была всеобщим мышлением, всеобщим образом и всеобщим умениям суровой жизни, не знающей кока-колы и мобильных телефонов. Именно первые поэты создали теологию, космогонию, язык, мораль, календарь, логику, язык, семью, хозяйство, искусства, войска, государства. Первые поэты были метафизиками-мудрецами, зная языки всех стихий и животных. И не только поэты, но все дикари были талантливыми метафизиками и поэтами.

Н. В. Гоголь спрашивал о том, куда несется Русская Тройка, хотя в глубине души он знал цель ее устремлений. Ф. И. Тютчев писал, что умом Россию не понять, а только верой, но понимал и знал он ее и своим тайным метафизическим ведением. Ф. И. Достоевский с мучительным надрывом спрашивал о том, почему же Отец отдал в жертву неблагодарным людям Своего Сына — самую высшую свою ценность? Спрашивал, хотя ответ он тоже знал. Он ставил страшные и безответные вопросы о смысле детских страданий, еще не ставших грешниками. И он же знал ответы на эти вопросы. Но мы недостойны знания этих ответов. Еще не родились люди для таких ответов! Ф. Ницше предпочитал быть бедным русским, чем счастливым европейцем, не разъясняя этого парадокса, хотя еврогейцы ему были видны насквозь уже в XIX в.²² А. С. Пушкин прославлял чуму, ибо знал, что она ведет нужную богоспасительную работу, отбирая людей, достойных не просто для бессмертия, а достойных стать спутниками Христа для нисхождения вместе с ним в Ад с Благой Вестью. Но из какого материала, из какого духа куются такие натуры, увы, еще не время знать. Все свои метафизические знания-прозрения поэты не переводят на язык рационализированной метафизики просто потому, что не видят людей, способных эти прозрения понять. Возникает впечатление, что поэты пророческого дара несут непонятую нами Благою Весть о Втором Пришествии Спасителя. Ничем другим невозможно объяснить таинственное и мощное воздействие поэзии на метафизику. Такую

правду неясную может нести только ясно принятое решение об Открытии этой Правды в столице метафизике для спасения вконец запутавшихся людей.

В метафизике предмет (мысль), субъект (мысль) и результат (мысль), (мыслимое, мыслящее, мысль) совпадают по сути, различаясь лишь функционально, по своим действиям. В метафизике мысль, ее предметы и ее плоды различаются лишь тем, что мысль как субъект — всегда Единая, мысль как предмет (идея, категория) — всегда множественна, а мысль как результат — всегда плодоносит. Метафизическое мышление умозрительно извлекает из своих глубин новые неизвестные смыслы, коими оно делится с другими субъектами в своих деяниях и общениях с ними. Метафизическое мышление является и Первопринципом, и его Первопроявлением, и его универсальным творящим Духом. Метафизика хранит в себе вечные эталоны и эталоны вечно всех единичных скитальцев, заплутавшихся в мирах и во временах.

Теологическое мышление близко к метафизическому, но в нем Бог уже содержит в себе всякое содержание, которое он открывает по своему неведомому замыслу. Велико и возвышено теологическое мышление, но принципиально нового в Боге оно не найдет, ибо Бог в самом себе имеет всю возможную новизну, иначе он будет не Всеведущим, а ограниченным Существом. Бог не открывает своей неизвестной и неисчерпаемой новизны мышлению, держа ее в зависимости от своей воли. Поэтому нужную Богу абсолютную свободу от самого Себя дает именно чистое метафизическое мышление, которое абсолютно свободно, ибо теологическое мышление ограничено Богом и Его тайными помыслами, Его тайной волей. Поэтому абсолютно свободную мысль свою Бог реализует как благостный метафизик святости. Поэтому и религия без метафизики сначала превращает свое Откровение и интуиции в символы, затем — в аллегории, затем в антропоморфизмы и мифы, затем — в моральные сентенции.

Философское мышление даже в его высших метафизических проявлениях у Платона, Аристотеля, неоплатонизма, Гегеля неразрывно связано с чувственно воспринимаемым миром и служит целям познания, раскрытия его трансцендентального содержания. Философия занимает лишь малую часть метафизического мышления, причем направленного не на познание своего неведомого содержания, а на исследование вещей и своего актуального работодателя. Сам Платон

признавался, что он не может постичь даже данные о богах, сообщаемые древнейшими источниками.²³ Постепенно философия стала вовсе отрекаться от всякой метафизики, вступает с ней в непримиримую вражду, искажая в марксизме сам смысл термина «метафизика»; а позитивизм вообще впадает в виттову пляску от этого термина. Запад страшно-престрашно боится метафизики, бросив ее на растерзание попперов и фукоистов, подозревая, что за свои грехи перед сверхъестественным миром Небо его не помилует. И в своей инволюции философия Запада движется от Неба к Земле и далее — к Преисподней постмодернистских мыловаров (т.е. ничтожников).

Художественное мышление обладает высочайшим метафизическим потенциалом и способно проникать не только в неведомые сферы, но и созидать посредством образных и смысловых методов невозможные и немислимые миры, обладающие своеобразной реальностью, которая превосходит реалии интеллекта и материи. Но художественное мышление не осознает свое творчество, свои смысловые открытия, а потому вынуждено или прибегать к помощи аналитики и диалектики разума, или к умозрению в красках, или же довольствоваться лишь своей понимающей элитарной публикой. Понять величие своих открытий художественное мышление может лишь с помощью метафизики, которая поставит его лицом к лицу со скрывающейся от него истиной.

Тотальная критика метафизики в Новое время продолжается и до нынешних дней. И постепенно метафизика мысли была заменена физикой вещей в теории и практике. Но на исходе XX в. сложился новый тип мысли и практики, основанный на информационных технологиях, которые фактически работают в сфере метафизики, в сфере невидимых объектов и сущностей. А на очереди идут уже нанотехнологии! Опаснейшим и неосознаваемым противоречием современности является несоизмеримость между метафизикой мысли, практики и физическими теориями, которыми люди объясняют свою деятельность. Практика стала метафизической и ей нужна лишь философская метафизика, философия как метафизика.

Сегодня уже философия стала частью метафизики, которая определяет все остальные её разделы и приложения. Идёт метаисторическая трансформация философии, которая из мировоззрения, науки и любви к знанию превращается в форму метафизики, сочетающей в себе импульсы невидимого мира и

познавательные инициативы субъекта, трансцендентные смыслы и жизненные порывы человека, провиденциальную волю небес и своеволие хитроумных изобретателей адских машин. Метафизика невозможна без религии, ибо она сразу же лишится своей онтологии, первоисточников. Именно в метафизике ум выступает не как чисто человеческий, или космический орган, а как сакральный орган богочеловеческого познания вещей, человека, мира.

Поэтому метафизика была объектом самой изощренной и самой ожесточенной критики во все времена, ибо она ставила перед философией, наукой, религией зеркало, в котором они видели свои подлоги и предательства, ложь своих пророчеств и вещаний. Метафизику критиковали даже абсолютно враждовавшие друг с другом учения! Марксизм двинул против метафизики все калибры диалектики, не замечая грубейшего алогизма. Ведь метафизике противостоит не диалектика, а физика, а диалектике противостоит не метафизика, а монологика, триалектика, полилектика. А диалектика является частью любой метафизики, формирующей свою диалектику. Позитивизм критиковал метафизику, противопоставляя её науку, не замечая опять-таки алогизма. Науке противостоит не метафизика, а миф, религия, мораль, искусство, право политика, лженаука, а метафизике опять-таки противостоит не наука, а физика как общее учение о природе в целом, как натурфилософия.

В Древней Индии и в Древнем Китае философия всегда была частью религиозного, мистического и метафизического мировоззрения, никогда не превращаясь в самостоятельную дисциплину, как это произошло в Древней Греции и в западном мире. А если и находят древнеиндийскую и древнекитайскую философию, то это фактически вестернизированные суррогаты, а не первичная мудрость этих народов. Не стала философия в этих цивилизациях и любовью к мудрости, а она сразу же включилась в работу по непосредственному приобщению индивидов к Абсолюту. Чистая философия в этих цивилизациях невозможна, ибо Традиция для своего сохранения и творческого деяния нуждается не в любви к мудрости, а в самой мудрости.

Так же обстоят дела с русской философией и в России, где она всегда была частью языческого и христианского мировоззрения, частью художественной литературы, искусства, хозяйства. В России всё время пытаются завести философию западного разлива в качестве самостоятельной дисциплины. Но это никакая не русская философия, а

платоники и неоплатоники, кантианцы, шеллингианцы, гегельянцы, марксисты, генонисты, постмодернисты, имя всем им — неизвестный легион земли русской. Власть всем им ответила, что польза от них невозможна, а вред преизобилен.

Поэтому в России нет ни русской, ни западной, ни восточной, ни какой-либо иной философии в качестве самостоятельной дисциплины, а есть целостное православное мировоззрение, органами которого служит философия, искусства, хозяйство, богословие, иконопись, софийное храмостроительство. В России философия есть часть метафизики, а сама метафизика совпадает с русскоискательством, с самопознанием России, которую, как известно, умом никак не понять, а только метафизикой. Быть русским, значит быть метафизиком — это удел людей русских. Не случайно Ф. М. Достоевский часто повторял, что в языке простонародья России слово «философ» означает «дурак». Точно также в России есть целостное исламское и буддийское мировоззрения, частями которых являются те же философия, науки, хозяйство.

И когда «друзья народа» упрекают русскую философию в её отсталости от западной, когда ищут её скрытые пороки, то это нужно воспринимать как высшую похвалу христианскому духу, который не принял деградировавшую западную философию за мудрость. Ибо мудрость ищет свои смыслы в неосмысленных стихиях, свой ум — в неразумной среде, своё сознание — в бессознательных явлениях, свой язык — в бессловесной реальности. Мудрость изводит смыслы из дикого ничто, а не из других текстов или из ограниченного субъективного опыта индивидов.

Россию называют кладбищем идей, проектов, планов, призраков монархизма, либерализма, социализма, фашизма, капитализма, глобализма, инновационизма. Теперь в муках корчится, издыхает и западная философия, возжелавшая быть мудростью. И хоронить её уже вышли гробовщики Преисподней.²⁴ Но восходит в России и заря софийной метафизики, которая своей мудростью спасёт и сохранит живые смыслы философии. И Жар-птица метафизики появляется после полуночи в момент зарождения новой жизни, когда сова Минервы начинает терять бдительность.

Смыслы метафизики уходят от определений, ибо она сама дает определения и границы. Она не даёт готовых решений, целей, но она инициирует сознание и ум творческими силами, которые эти цели, решения и смыслы находят. Метафизика толкает ум, сознание, душу и

язык людей на познание своих глубин и высот в трансцендентном мире, где таятся пути к оригиналам всего существующего.

Метафизика, исследуя невидимые реалии, властно действующие в чувственном мире материи, является центром бытия и всякого существования; поэтому она была всегда, как всегда были числа, законы, истина. Поэтому не человек сотворил метафизику, а метафизика — соавтор физики, человека, мира. Впервые власть метафизики народы осознавали посредством искусства и мифов, которые возникли именно для удовлетворения метафизических потребностей человека в понимании сил невидимых миров; уникальность метафизики как мудрости осознали древние греки, создав философию, призванную искать мудрые решения во всех сферах жизни, учитывая роль и действительную значимость умопостигаемого космоса. Правда, метафизика были лишь частью — высшей, главенствующей — но все же частью философии, наряду с физикой, логикой, этикой, политикой. Но ведь и крыша дома — тоже часть дома, но задача этой части состоит в том, чтобы защищать все остальные части дома, который без крыши быстро разрушится. Вульгарно простоватое выражение «крыша поехала» как раз и означает, что человек, существо теряет связи с невидимым миром смыслов, хотя разум, сознание по инерции еще продолжают работать. Физика реальности ущербна, неполна без своих метафизических компонентов. Дерево рождает листья, роняет их, снова рождает, пока не упадет от непонятной и невидимой силы. Какой смысл этих листовых циклов, которые устремляются в воронку пустоты и ничто? Метафизика отвечает всем скорбным деревьям: «Ваше бытие, ваши труды и ваше исчезновение не бессмысленны, а они служат величайшему делу сохранения и воспроизводство жизни — носителя, хранителя, исполнителя воли невидимого властелина мира — Духа! Вы — рядовые стражи метафизики, гибнущие на полях сражений со временем, дабы восторжествовала правда вечная, которая и вас, безмянных жертв времени, не забудет, а сохранит в качестве семян для лесов с деревьями вечной жизни! Вы сражаетесь со временем и гибнете, не приемля тьмянный конформизм бесов, ибо вы ищете вечный свет! Я, метафизика, через натурфилософию и хозяйство шлю вам эту зеленую вещь свободу!». Метафизика служит и поисковой системой родственников в невидимых мирах Космоса.

6. Университет — метафизический центр Абсолюта

Метафизика всегда выражает суть центра любого вещества, существа, колдовства, знания, немочи, ничто, пустоты и суеты. Однако понятие «центр» строго неопределимо. Центр может быть статичным и по-цыгански кочующим, явным и скрытым, о нем можно знать, догадываться, или чувствовать его наличие обманчивым прозрением интуиции, его можно любить как высшую ценность и презирать за то, что центр презирает хаос, которому в центре и на периферии нет места. Можно прожить жизнь в хаосе, даже не подозревая о центре собственного «Я». В центре, по Аристотелю, работает парадоксальный перводвигатель, который все движет именно своей неподвижностью. Внутри центра центробежные и центростремительные силы совпадают, образуя новое качество — смысловую власть. Когда одна из этих сил тушит другую — организм либо взрывается либо застывает в ожидании смерти. Центр непознаваем, что гарантирует его центральность, так как воспринятый, понятый и объяснимый центр сразу становится периферией. Центр нельзя познать, в него следует лишь верить, как он верит в своих подданных, одаряя их семенами своего смысла. Потому-то Бог, истины, благо, красота, хозяйство, Дом и являются постоянными центрами, на которые направлена радиальная мужская активность. У женщин же центробежная энергия подчинена центростремительной; поэтому они лишены внутреннего индивидуального центра, находя свой центр вне себя, в «другом». Поэтому женщины не увлекаются ни метафизикой, ни метафизиками. Женщина — это вечный поиск центра, вечное напоминание всем созданиям о том, что без центра им грозит превращение в хаос женской воли. Если женщина найдет центр в самой себе, мужчинам наступит конец, ибо воцарится гинекократия, представляющая высшую ступень цивилизованного, прогрессивного общества, в котором все его нормальные деяния должны начинаться и заканчиваться спариванием, да ещё и оспариванием Традиции, а не метафизикой, не поиском новых смыслов вечного бытия.

Метафизика же — это постоянная и напряженная работа души, ума, сознания и языка по расширению и человеческого тела, его трансформаций, его восприятий и познаний, его мира и миров его интереса; это — благостное освоение азов небесного альпинизма, и горько-горестное освоение азов инфернального спелеологизма. Человеку для самосохранения своего бытия нужен не только метафизический минимум знаний-гаданий о невидимых мирах, но и

минимум знаний-предостережений о чистых и нечистых силах, о светлых и темных духах, о разумных элементалях безумия, мрака, мистики и тайн.

В Древней Греции метафизика создала свои особые институты — Академию, мистерии и культ неизвестного божества; эти институты хранили традиции изучения и общения с невидимыми мирами, обеспечивая тем самым безопасное плавание общества в космических далях. Эти институты обучали ум выявлять невидимое и делать его предметной реальией, а чувства — воспринимать невидимое в видимом. Метафизика — это умение видеть невидимое: чистое стекло невидимо, но чтобы избежать беды, нужно уметь его видеть еще до физического контакта с ним. Поэтому за неправильную навигацию (т. е. за неправильную любовь к мудрости) философов преследовали и даже казнили (Сократ). Смысловой, умственной и душевной кровью античного мира была именно метафизика, сделавшая этот мир своим культурным организмом.

В Средние века метафизика действовала посредством теологии и философии, создав уникальнейший институт, успешно работающий и поныне — университет. Но постепенно университеты (за исключением МГУ) потеряли свой метафизический центр, выпуская специалистов без личностных центров («без царя в голове»), неспособных осуществлять метафизическую навигацию человечества; таких «спецов» можно фабриковать и без университетов. Вполне естественно, что эти специалисты лучше всего проявляют себя в изобретении оружия массового уничтожения, т. е. в умножении хаоса — среды и существ без центра. А ведь сокровенная цель, основная задача и назначение университета — возвращение метафизических способностей, которые позволяют использовать профессиональные знания для постижения невидимых миров, служить проводниками их смыслов и энергий для восполнения ущербности человеческого мира, сколько бы он ни кичился своими вещественными богатствами. В человеке метафизика возвращает интеллектуализм, способность ума конструировать самого себя, «Я» человека, умеющего познавать и понимать.

Ф. В. Й. Шеллинг рассматривал университет как видимый, действительно живой организм Абсолюта; поскольку вне Абсолюта ничего нет, то его суть может проявляться только как создание из самого себя, или же как оформление самого себя в качестве первооригинала —

праобраза мира. Абсолют проявляет себя посредством самопознание своей же бесконечности. Но, познавая себя, Абсолют творит прареальность, сущее, выступая единством Празнания и Прареальности. В религиозном плане Абсолют есть ипостасная Личность — Бог, творящий из самого себя или же из ничего. Эта загадочная и таинственная способность созидать из самого себя тождественна творению из ничего. И эта тайна суть наиочевиднейший для субъекта акт, в котором знание постигает знание, мысль познает мысль, сознание обретает самосознание, слово опредмечивает свои смыслы.

И способность, умение к постоянному созиданию из самого себя реальности и тем самым к воссоздания самого себя присуща лишь знанию. И эта волшебная сила в целостном виде непостижима ни разумом, ни образом, ни мистикой, ни верой, ибо они суть ее проявления; даже истина и разум не могут проникнуть в истоки своей истинности и разумности, ибо они зависят от тайн своего истока-оригинала, а он независим от своих порождений. Частичка этого волшебства Абсолюта присуща всем стихиям, хаосу, вещам, существам, идеям; во всем таится способность из ничего созидать нечто. В семени дерева даже виртуально нет той сложной многомерной и объемной, замысловатой кроны, которой оно украшает себя и мир; нет кроны в земле, в воде, в свете и в тепле, хотя без них это чудо и не состоится.

Особенно полно и ярко это волшебство Абсолюта проявляется в людях. У каждого человека есть глубоко сокрытый внутренний друг, подсказывающий ему выходы из безвыходных тупиков, когда только создание из ничего новых реалий может спасти от гибели.²⁵ В юности голос этого внутреннего друга звучит ярче, чище, убедительней, но затем легкомыслие и увлечение суетой, мелкими интересами вынуждает его вовсе умолкнуть. Старуха из сказки могла стать царицей и без разбитого корыта, служащего символом ничто, из которого волшебство золотой рыбки производит новые реалии, обучая глупую старуху искусству творения из ничего, т. е. из своего ума и воображения; старуха предпочла паразитизм и произвол, став в итоге жертвой разбитого корыта своего творящего ничто.

Человеку для познания этой прареальности дан разум, науки, которые разделяют Абсолют на объект и субъект, и тем самым, теряют его. Философская метафизика восстанавливает принцип тождества, всеединства Абсолюта. Именно метафизика нацелена на Изначальное Единое Празнание, которое служит основанием, предпосылкой наук,

искусств и философии; в этом знании, по Шеллингу, «истинно Идеальное исключительно и без дальнейшего опосредования есть также истинно Реальное и что вне одного нет другого».²⁶ Пифагор, изменив обыденное в его времена имя σοφία на φιλοσοφία (любовь к мудрости), ибо кроме Бога никто не может быть мудрым, фактически утвердил основную аксиому метафизики, согласно которой всякое знание может быть знанием лишь в силу своего стремления к общению и к общности с божественным Существом, с Его Праздником, проявлением которого служит видимый мир, а месторождением — мудрость, София его вечной Воли. И провиденциально естественным и духовным организмом этого Праздника, знания о знании стал университет, который должен давать не только различные научные знания, но и эталон знания, Праздник, хранящее в себе высшее, исходное единство идеального и реального, искусство из ничего выводить невозможные реалии! Университет объективно устремлен к Знанию, которое содержит в себе весь универсум бытия, посредством которого свершается основное и высшее чудо мира, Бога и человека — ничто преобразуется в реалии возможных и невозможных форм.

Превращения ничто в новую реальность — основная проблема современной России. Сегодня Россия решает не просто социально-экономические, модернизационные, политические проблемы, но и проблемы метафизические, требующие освоение новых территорий невидимых миров. Справиться с этой задачей сегодня может лишь университет, опирающийся на метафизическую телеологию России. Ведь университеты возникли даже в Западной Европе не только как формы универсального образования, но и как интеллектуально-практические средства создания единой Европы, «Европы Знания». И если справедливо, что нет власти не от Бога, то и власть университета тоже не умаляет, а завершает могущество Бога в «России Знания». Метафизическим центром современной России служит Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. И в лице своих высших слуг он это знает, понимает, отстаивая эту метафизическую ценность от суеты сует пошлого прагматизма. «Университет – центральный светский духовный храм России, приближающийся по своему социокультурному и политическому значению к Троице-Сергиевой лавре. Он способен светить вовне, ибо его собственное бытие прочно и светоносно. ... Московский университет есть святыня России, одна из ее высших и абсолютных ценностей...»²⁷.

Поэтому только университеты могут стать источником новой России и новой власти, ибо лишь в них может выразить себя теоретически и практически ее метафизическая телеология, ее незримое бытие, которое стремится стать новым социальным организмом. Университет является, по сути, вершиной всех общественных институтов и социальных общностей, которые видят в нем целевую причину, связывающую всех людей с трансцендентными истоками жизни. Университет — орудия Провидения, посредством которых оно утверждает в людях все же... если не суть Творца, то хотя бы их идеальную сущность — знания. Университет поэтому в наибольшей мере соответствует провиденциальной телеологии России, подчиняя материю, власть, силовые структуры и бессознательность идеальным силам знания. Университет — это высшая форма власти — самодержавия знания. И это прекрасно чувствуют юные, пробуждающиеся к метафизической службе души. Несмотря на преподлый рейтинговый прессинг, несмотря на общественную недооценку, а то и на презрение к университетскому образованию, основная масса молодежи идет в университет даже не столько за знаниями, сколько за жизнеосмысляющими истинами, за правдой мира сего! Молодежь кровью душевной своей знает: «Будет праздник и на нашей улице — на улице Истины!»

Наша цивилизация есть исполнение воли священной аксиомы: «Вначале было Слово». Слово было невидимое, нетелесное, преисполненное метафизических смыслов. Но должны быть малые Св. Писания, св. тексты и в каждой ячейке жизни; у каждого человека должна быть молитва, обращенная к Первослову. Для МГУ таким Св. Писанием является университетская метафизика. Речь идет не просто о философии и метафизике, которые изучаются в МГУ, а о той метафизике, которая избрала МГУ своей коллективной головой, которая определяет его жизнь, которая пишется метафизическими глаголами самого МГУ, творящего ноосферный организм духа.

Нынешняя эпоха, целиком и глубоко погрязнув в физике телесного материализма и гламурализма, стала антиметафизическим уникумом — еще никогда в истории люди не были столь чужды метафизическим смыслам.

Россия и в этом плане — исключение. В современной России есть только одно учение, которое соответствует критериям метафизического знания, мудрости. Это — философия хозяйства и

софиология. Это знание — не философия, не наука, не искусство, не мораль, не практическая идеология, не раздел богословия, а метафизика, учение о мудрости как цельном знании. Да и мудрость, видя бессилие математики, логики, софистики, риторики, диалектики, мистерий понять и выразить её смыслы, сама заговорила глаголами метафизики и конспирологии, сама свершила свой самооткровение... где? Не в чистой философии, не в чистом искусстве, не в религии, не в науке, а в философии хозяйства, сказав тем самым, что мудрость обладает реальностью и может действовать лишь в качестве целостного сакрального организма, органами которого служат науки, практика, философия, искусства, нравственность. Нас всегда влечёт к себе наша несостоявшаяся целостность, жаждущая исполнить свой проект. Философии хозяйства присуща внутренняя методологическая дисциплина, но в ней нет аксиоматической заданности, допускается поиск сверхъестественных и метафизических феноменов, что неприемлемо в науке. В то же время хозяйство — смысловой стабилизатор науки, философии, искусства, требуя от них сообразовываться с жизнью, а не с наукообразной дремологией жизни. Поэтому метафизика и философия хозяйства необходимы обществу гораздо более, нежели чертова дюжина банков, парламентов и автоконцернов.

Современный мировой кризис не имеет исторических аналогов. Отсюда особые трудности его понимания, ибо ни одна из созданных человечеством идей, ни одно из человеческих чувств, переживаний не могут даже отвлеченно, косвенно намекнуть о сути происходящего. Не может живое на своем языке расспросить мертвое о тайнах смерти. А нужно. Сравнить современный кризис можно, пожалуй, лишь с тем мировым кризисом, выходом из которого стала сама история, движимая пороками падшего человека. Тот кризис был преодолен с помощью метафизики огня при мнимо благодетельном содействии сверхчеловеческого существа — титана Прометея. С тех пор огонь стал движущей силой истории Верно, но куда он движет ее? В Преисподнюю!?

Символ христианства — рыбы, плывущие против течения, а плыть так могут лишь живые; но рыбы вполне могут служить и символом метафизики, ибо мыслить — это значит плыть против хаоса и энтропии; это значит думать вопреки окаменевшим штампам и

восковым клише физического полусознания. Метафизика — это мысль, плывущая там, где плавание невозможно и запрещено.

Поэтому подлинным двигателем истории как благого пути и как огненного испытания служит метафизика, которая обеспечивает нормальную пульсацию смыслов невидимых миров в земных реалиях бытия. Именно в периоды кризисов метафизика выходит из своих убежищ в философии и в сверхчувственных сферах, становясь конкретной духовно-практической посяторонностью понимающей мысли. Поэтому в условиях кризиса субъекта и его планов философия должна стать метафизикой, чтобы породить метасубъекта справедливости, вооружив его планы разящими глаголами истины.

Современная эпоха насквозь пронизана метафизическими (информационными) нитями и проблемами; однако поиски метафизических же средств их решения чрезвычайно трудны по причине метафизической беспочвенности и наивности современных людей. Если человек слепо верует в экзистенциальные константы реальности, как-то: неизменность материи, законов природы, в безличную объективность времени и пространства, в конечную скорость света, в абсолютные ценности демократии и свободы и т. п., — любой его поиск, даже поиск утерянного ключа или телефона жены легко может завершиться безумием, беспричинным преступлением. Без смысловых координат метафизики индивидуальность ввергается в чисто механическое бытие, которое не представляет ни малейшего интереса даже для смерти, вообще, для потустороннего мира.

Сегодня чисто научные, религиозные и чисто властные инициативы в решении проблем человеческих исчерпали свой потенциал. Но не осознан архиабсурдный парадокс нашего времени: с каждым днем в мире растут объемы научных знаний, количество ученых, до изошренного изуверства совершенствуются управленческие технологии; но этот позитив не останавливает ширящийся хаос, рост катастроф и кризисов, а лишь ускоряет деградацию природы, социума и человека. Почему умнейшие люди, вооруженные знаниями, средствами, творят не благо, а разрушают среду обитания людского, да и самого человека? Почему ум творит безумие? Или это не ум, а рационализированное безумие

Да потому, что власть и философия разделились: каждая из них действует по своим правилам, а совместно они неосознанно разрушают мир, человека и жизнь. Издревле власть и мудрость были

одной и единой сущностью, двумя неразделимыми сторонами единой жизни. Власть в отрыве от философии неизбежно превращается в тиранию и саморазрушается, а философия в отрыве от великих задач власти неизбежно становится софистикой, словопрением, прожектерством. Но в дальнейшей истории осознание губительной опасности разлада власти и философии не устранило их разрыв, а лишь углубило его. И этот разрыв завершился отделением философии от своего ядра — от метафизики, которая хранит в себе формулу единство власти и мудрости.

Не помогло и христианское сакральное врачевание власти и философии. А ведь христианство возвело власть в чин ангельский, а философию сделало своей советчицей и помощницей. Христианская церковь институционально восстановила живую связь власти и метафизики как двух аспектов божественной мудрости. «Познавать, чтобы властвовать, властвовать, чтобы познавать» — таков императив метафизики, значимый и для хозяйства. Хозяйственный мир создается совместно Софией, Логосом, земным опытом человека. Поэтому при всех христианских (да и при языческих) храмах, монастырях были свои школы, свои учителя, свои мастера и художники, свои университеты, свои формы хозяйствования, свои научные исследования, поставляющие светской власти не только опьяняющие вина, но и отрезвляющие знания. Вся жизнь людей пронизывалась этой глубокой и мощной духовно-практической смысловой инфраструктурой хозяйства, которое воспринималось как божественное средство спасения человека из реальных и виртуальных лап-тупиковых лукавого. В то же время София и Логос стали идеями христианской метафизики, смысловыми перводвигателями хозяйства, как творческой и творящей силы жизни («Жить по Богу — значит вершить любое дело с максимальным совершенством, мастерством, доводить его до наивысшего ума!»).

Природе и человеку нужен разум, но не хищнический, который пророчит и готовит с помощью науки гибель человечества. Нужна и новая наука — софийная, ноосферная, которая будет работать в унисон с природой и смертью, готовя смерть и самой смерти. Нужно переосмыслить науку и философию в духе софийной метафизики. Ибо нет ни одного позитивного научного прогноза.

О, если б люди знали сами, науки жертвы и рабы. Куда ведут наш мир науки? Во мрак и в царство сатаны. Увы, это так. Чем больше

наук, знаний и ученых, тем ближе последний кризис и «капец». Это неопровержимо, как неопровержима иллюзия в благотворную миссию науки. Первое слово своё наука сказала против Бога, а последнее слово за неё скажет её анонимный владыка — свободу, истину и счастье приносит только смерть. Ведь против смерти до сих пор наука не сказала ни слова, считая её естественным событием. Но если смерть естественна, то всё остальное тогда неестественно и обречено стать естественным. И с такой кашей в голову яйцеголовые нобели что-то там открывают и учат, сами не ведая чему. Наука, научники — страшные существа, и я благодарю Всевышнего, что вовремя отвернул автора от этой приторно сладкой отравы.

Сегодня наука стала иронической, чем-то вроде литературной пародии, видом интерпретации. Современная наука не может достигнуть своей цели — превзойти ту истину, которая у нас уже есть. И она не может дать нам сильных стимулов, чтобы они возбуждали наше любопытство. Существующие науки фактически защищают нас от ответов, кои люди могут случайно найти и без науки.

В эпоху Возрождения власть и наука скрыто отвергли христианство и пошли за соблазном богатства. Власть стала пользоваться для своего усиления тайными знаниями и управленческими технологиями, не сознавая, что на этом пути она неизбежно зайдет в тупики финансовой инквизиции; а философия, сочинив для себя искусственный язык, утратила понимание самого себя, скатившись в дебри гламурного словоблудия, гендерного и терминологического разврата постмодернизма.

Сегодня философия возможна лишь как метафизика, как раскрытие новых форм и смыслов идеальной субстанции мира, как постижение умом своего нового облика, создающего новый мир; как метафизическое осознание человеком своего нового местообитания, куда биосфера извергнет его из своего лона, а экономика лишит его даже искусственной жизни. Соответственно, человек реальный сегодня возможен лишь в качестве метафизического минимума, метафизического индивидуума, хотя бы догадывающегося о том, что его центр, его «Я» обусловлены метафизическими реалиями. Метафизика действует как черная дыра света, невидимая глазом, но неумолимая и беспощадная к физике, которая не признает ее сказочно идеальной реальности. Метафизика и ее сакральная птица — сова видят свет реальность и во мраке; а Жар-птица русской метафизики творит свет из

мрака для всего мира!. Метафизика — эта первая и последняя мысль, которая останется даже тогда, когда в мире воцарится полное безмыслие, когда исчезнет даже память о том, что когда-то была мысль и мыслящие существа. Но правда метафизики состоит в том, чтобы сохранить ум, сознание, душу и язык как идеальные силы правды и человека!

Вначале мудрость выступала как целостный ум, целостное ведение. Затем мудрость скрылась в массе раздробленных философских знаний, ищущих свою утерянную целостность и цельных людей, способных к общению с Софией-мудростью. Найдет ли София своих мудрецов, найдут ли люди свою мудрость? Ареной, средством и формой этих поисков служит метафизика!

В рамках самоопределения философии, как вида метафизики (наряду с поэтической и религиозной метафизикой), ее содержание выступает в качестве особого смыслового мира, который пронизывает все существующее, все стихии, вещи, растения, животные, слова, творения людей, их ценности и святыни, пробуждая их к полноценному бытию. Этот смысловой мир не имеет пространственно-временной локализации, и в то же время своим вниманием он не обошел самых малых мира сего, даже самых ужасных и дьявольских тварей. Даже в бессмысленных явлениях и событиях тоже есть свой смысл, иначе они не прошли бы сакральную таможню бытия. Сократ знал эту всеобщую о-смысл-енность мира, трактуя философию как майевтику, как повивальное искусство, содействующее рождению мыслей у тех, кто беремен ими. Верно! Философия в качестве метафизики есть повивальная старица мира, принимающая роды у всех творений, кои желают разрешиться от бремени смыслов своих. Смысл есть во всем, и метафизика его не изобретает, а выявляет, содействует его откровению в уме, сознании, в душе и языке; не творит она и мыслей, идей, а лишь содействует их становлению субъектами ноосферы и земного мира. Таков вечный долг философской метафизики перед миром, такова ее миссия в черных потоках идущего ниоткуда и уходящего в никуда времени. Но это лишь внешнее определение философии, обусловленное мыслями, кои взывают к людям: «Воскресите нас в уме, сознании, в душе и в слове! Воскресите нас, своё свершить хотим!» В центре Абсолюта!

В качестве метафизического возмездия философия действует в качестве ничто, которое доводит ненависть к человеку, возмездие ему до своего алогического начала. М. Хайдеггер ясно уловил, что высший

плод Европы — метафизика, стала в облике всемирного нераспознанного нигилизма носителем ничто, движущей силой новой и новейшей историей Запада и подвластных ему народов. Метафизика ничто стремится искоренить из мира все идеальные, трансцендентальные ценности. Поэтому она направлена на разрушение морали, религии, искусства, всех духовных сил культуры. Европейские народы, не ведая того, вовлечены во всемирно-исторический процесс разрушения мира. Непосредственно они развивают науку и технику, создают социальные структуры, творят культуру, а фактически все их создания служат органами Ничто, вершащего свою волю внутри истории и посредством самой истории. Нигилизм – это Ничто, ставшее определяющим принципом духа и жизни Запада.

И главной сферой смертодействия Ничто становится метафизика. «Метафизика – это пространство исторического совершения, пространство, в котором судьбою становится то, что сверхчувственный мир, идеи, Бог, нравственный закон, авторитет разума, прогресс, счастье большинства, культура, цивилизация утрачивают присущую им силу созидания и начинают ничтожествовать. Мы такое сущностное распадение всего сверхчувственного называем забытием, тлением, гниением». ²⁸ Мы же скромно и по-простому называем это тление возмездием небесным, карой возмущенной идеальности за поругание своих святынь!

М. Хайдеггер, отчасти прав, трактуя метафизику как возмездие, призванное смести с лица бытия даже память о евроамериканской цивилизации, предавшей своих творцов и попечителей — Отца, Сына и Святого Духа, своих родителей — отцов и матерей. И роль палача метафизика возложила на свои жертвы, на самих европейцев, которые добровольно отказываются от бытия, убегают от мысли, призывая ничто, возвращаясь в ничто после своего неудачного эксперимента с искусственным бытием. Метафизика как сила и принцип вечного бытия запускает алгоритмы отрицания временного, преходящего бытия, отринувшего вечную правду и ее смыслы. И сама метафизика становится возмездием, карой невидимой правды над торжествующей ложью, устранив последние капли спасительного смысла из западного мира. Философия, оставив свой пост хранителя истины, стала спецназом метафизики, исполняющим ее приказы по обесмысливанию мира. Философия в качестве метафизики стала

возмездием ничтожащего ничто, укрывая этого зверя бездны словесной блудологией постмодернизма.

Только две существенных поправки в хайдеггеровском истолковании метафизики М. Хайдеггером. Тотальный нигилизм присущ не метафизике вообще, а лишь европейской метафизике, от которой сама Европа отреклась уже давно. Ну, и понятно, что метафизика, свершая акт трансцендентального возмездия, отрекается от Европы, которой остается искать друзей и спасения в ничто. А сама по себе метафизика суть всецело позитивная, смысловая и творящая сила, в которой ничто, отрицание и возмездие работают санитарами бытия и существенной роли в миротворных проектах не играют. Но Европа довела выбор европейцев до выбора самого выбора: или философская метафизика возрождения в идеальном — или же патология смертодействующего ничто, делающего своим орудием и саму метафизику! Таков выбор самого выбора!

Отрицание метафизики как объективной силы разума и мира делает её анонимным, угрожающим существом, манипулирующим человеческой мыслью. Все современные философские рассуждения Запада «кружатся вокруг некоей анонимной силы, тайно стремящейся овладеть всеми, то ли для того, чтобы превратить нас в неё, то ли для того, чтобы исключить нас из существования».²⁹ Да, отвергнутая метафизика все же не оставляет людей, пытаюсь раскрыть им суть ничто или же раскрыть суть людей на десерт ничто.

Второе замечание касается роли немецкой метафизики в мировых войнах. Если в любой метафизике таится война, отрицание любой реальности, то каков все же ее позитивный минимум? Метафизика-де есть скрытый нигилизм, уводящий обратно в ничто все многообразие бытия, которое зазря вышло из небытия, соблазненное прогрессом, правами человека, истиной и Богом. Еврочеловечество усердно трудится, изобретает новые технологии, новые философские и теологические системы, реформирует ценности, экспериментирует со всем на свете, устремляется в неизвестные миры, ищет эликсир бессмертия, скрывается от настигающего его повсюду безумия, научно вычисляет даже неисчислимое, строит виртуальные миры! Однако, на деле все эти деяния еврогейцев и они сами со всеми своими планами служат лишь средством мирового всеничтожащего ничто, превращая все созданное ими в сырье для тьмяного пламени ничто! Да, Германия не случайно начинала все мировые войны! Хайдеггеры на меньшее не

согласны! Без мировой немецкой философии невозможны Мировые войны, но с этой философией Германия никогда не победит, ибо победу она уже заранее отдала ничто! Но ведь сама метафизика-то остается несокрушимым позитивом и в ничто; умножая ничто на ничто, она возвращает растерянную реальность к самой себе. И самое главное: «А каково назначение мировых войн в ценностях самой метафизике? Зачем они нужны ей, если она и так владеет царством ничто?». Значит, кого-то еврочеловечество все еще не доконала, если оно даже после двух Мировых войн, готовится к войне Третьей! Нетрудно предположить, кто является главным врагом Европы, кто мешает ей осуществить свои планы, вернее, руками Европы свершить планы ничто! Метафизика, она, она, родная, ее идеальные силы, ее святыни и смыслы сакральные! Они-то и не позволяют неевропейцам жить только ради плоти и материи, а гарантированно обещают им некое неслыханно идеальное благо!

Метафизика философская, как и метафизика религиозная и поэтическая, существует не для самой себя; исполняя промысел Абсолюта, она остается всегда альтруистической, всегда служит «физике» наполняя ее идеальными силами и обогащая смыслами, предуготовляя ее конечное вселенское преобразование в субстанцию вечности. А если «физика» бунтует, призывая ньютоновским гласом остерегаться метафизики, отрицает ее благое содействие в познании невидимых реалий самой же физики, то метафизика поступает милосердно, отдавая физику в распоряжение своей красоте — женщине. И красота вершит страшное возмездие свое над физикой руками и телом самой прекрасной физики — женщины. Так было всегда, начиная от Евы и кончая Гаагским трибуналом женщин, который судит мужчин только за то, что они остаются верными метафизике героизма, презирая патофизику гедонизма!

Женщине метафизика чужда и не нужна, а потому она пытается заменить ее идеальные оригиналы гламурными копиями. Понятно, что такого рода возмездие без вселенской женской злобы на Творца будет неполноценной. Поэтому основным орудием замены оригиналов копиями становятся женщины, которые, захватывая все пространство социума, устанавливая гинекократию, неизбежно ведущую к пустоте и к всевластию мелочей, моды, гламура, суеты, хитрости,³⁰ завершаясь безумием копий, мнящих себя оригиналами. Или метафизика и правда оригиналов — или женское безумие, превращающее саму философию в постмодернистскую блудологию и

патологию «тела без органов» — в копии без оригиналов. Такое возмездие мог придумать только князь мира сего, ибо сама женщина служит всего лишь орудием его inferнальной мести метафизике мужского духа, живущего сакральными императивами. Но мир, человека, истину, ум может сгубить только женщина, подменив их оригиналы копиями; только женщина может усмотреть в копиях высшее совершенство, блаженство, ценности личного произвола. Оригиналы всегда ограничивают, копии же не знают никаких границ, постоянно искушая, соблазняя женскую натуру, которая в итоге преступит все запреты, чтобы на пути превращения себя из не совсем совершенного оригинала в сверхсовершенную копию, и в итоге остаться с набором трещин и морщин разбитого корыта ничто. И женщины ныне пошли ва-банк, устраняя жалкие оригиналы мужчин из всех сфер жизни. Женщина вершит inferнальное кривосудие копий, ничтожеств над над боевыми оригиналами и генералами. Женщина нашла в копиях inferнальное оружие против оригиналов Софии-мудрости, а копии нашли в женщинах свою движущую социальную силу, свой пролеженотариат. Таков выбор возмездия самой метафизики, огласившей его через русскую философию.

Современный мир буквально разваливается от груза неразрешимых противоречий и неотвратимых катаклизмов — природных, экологических, технологических, социально-экономических, религиозных, духовных, антропологических. виртуальных. Мир и человек растворяются в некоей аморфной, неорганизуемой, хотя и модифицируемой субстанции, которая никак не постигается умом человеческим. Парадокс: растет масса информации и знаний, ученых и экспертов, совершенствуются технологии и формы управления, власти, человеческим индивидам подвластны немыслимые ни в какие иные времена силы; кажется, что вот-вот человек станет подобным божееству и сможет творить, сообразуясь лишь со своей волей. И, тем не менее, все эти чудеса изобретательной, искусной мощи человека не решают проблем его бытия, а делают их неразрешимыми, или же предлагают решения этих проблем вместе с исчезновением самого человека, который должен-де смениться иным существом.

Почему же умножение знаний, умений, технологий, даже примирение с религией не избавляет человеческий мир от ставшей уже реальной апокалипсической угрозы? Вывод напрашивается один: люди владеют многими знаниями, но в их составе нет нужных, спасительных,

знаний о метафизическом мире, о его законах, ценностях и его непреклонной правде. Все знания современного западного мира относятся лишь к физике, к микрофизике, к виртуально-информационной физике, к психофизике; но западный мир потерял свой метафизический глаз, а потому не видит того, что необходимо видеть и знать, зато видит и знает то, что не достойно идеальных сил ума, души и сознания. Нужны новые знания и представления о невидимом мире, о его сверхъестественных волнениях и возможностях идеального, о новой технике безопасности при общении с ним. От человеческого кривосудия можно уйти, а вот от возмездия своего же идеального внутреннего человека и его правды, правящей телесной физикой людей уйти невозможно даже в Преисподней. Забвение, игнорирование, отрицание ценностей человека как метафизического существа и субъекта идеального мира обрушивается на его «физику» чудовищным возмездием сакральной метафизики. Забыли метафизику идеальности? О ней напомнят болезни материи телесной, причем, болезни, исцелимые лишь вместе с возвращением метафизике и ее философии статуса законодательствующего субъекта.

Р. Генон прав, утверждая, что Запад, потеряв свою метафизику, обрел в итоге инфермальную физику, которая и приведет его в инфермальное царство безумия, от которого спасает лишь метафизика, владеющая сакральными ключами мудрости и цельного ума. Но она же является и формой возмездия этой физике, которая, занимаясь только самой собой, в итоге не обретает, а теряет себя без своих идеальных навигаторов в плотных слоях своей же физической атмосферы. Проблемы современного мира неразрешимы просто потому, что посредством них философия вершит метафизическое возмездие за преступления против идеальной субстанции мира; и возмездие это (как и все связанные с ним проблемы!) может завершиться или признанием человеком идеальности высшим законом его природы или же низвержением человека в сырьевую бездну отсутствия!

А ведь человек создан не для смерти, не для тления, а для метафизического горения, озаряющего смысловым светом землю! Когда-то человек легко мог усваивать и постигать как высшие сверхъестественные истины, так и низшие предметы, находясь под влиянием божественного озарения. Если в настоящее время достижение знания сопряжено с великими трудами и усилиями, то в первобытном

состоянии знание доставалось человеку без малейших трудов и усилий. Это было лишь изначальное совершенство его богоданной природы, которое означало, что человек со всеми его силами и способностями вполне отвечал тому метафизическому назначению, для которого он был создан—посредничать между невидимыми и видимыми сторонами сакрального мира.

Поэтому философская (религиозная, поэтическая) метафизика дана человеку не для игр, не для мечтаний, не для скитаний, а для возврата в Отчий Дом! Но кого сегодня занимает всерьез какая-то метафизика. Гегель еще в начале 19 в., горестно заметил, что метафизика — высшая святыня, хранящая свободу мысли,— незаметно исчезла из университетских храмов Европы. Может, это и лучше и для самой философии, которая займется самоочищением своего храма от шлаков ничто и ничто-жествоания своих гудошников. Наверное, это лучше и для людей, которые тогда собственными силами смогут устроить себе свои маленькие евроапокалипсисы по своим средствам и вкусам в д. Ведь люди и не подозревают, что их жизненные страдания, муки, лишения, бедствия обусловлены исключительно потерей метафизического иммунитета перед наплывом вещественных и бессознательных стихий. Люди убегают и прячутся от мысли, но остаются беззащитными перед возмездием ее метафизики. И чем больше плоть, тело, материя человека корчится и страдает от мук и потерь, тем больше идеальность его оригинала, его ума и сознания, языка и души блаженствуют, радуясь своими новообретенным смыслом.

Запад с помощью позитивизма, психоанализа и постмодернизма внешне изгнал метафизику из своих храмов, заменив ее культом материи, денежного богатства, виртуально-информационных симуляций (информация и виртуальность — тоже материя, только тонкая и незримая!). Но изгнать — не значит победить, ибо непобежденная и непобедимая ценность автоматически станет возмездием идеального своим гонителям. А посему наш мир, лишенный метафизических опор, исчезает, теряет свое место, свои смыслы, свои надежды. Человеческого возмездия можно избежать, но вот от метафизического возмездия идеальности и ее оригиналов не уйти никому; ведь метафизика — это мост и путь каждого существа к своим оригиналам. И самое ужасное возмездие — это остаться без оригинала и стать копией неведомого анонима мрака. И знать о том, что никогда уже не узнать тебе о своем оригинале.

Итак, метафизика есть учение, изучающее Абсолют и его невидимые миры в их светло-сакральных, спасительных и в их темно-инфернальных, пагубных аспектах. В метафизике наиболее полно проявляется и действует духовная сила Абсолюта, который выражает свое содержание в искусстве, религии и философии, будучи, однако, независимым от этих форм его единой творящей силы. Поэтическая метафизика в искусстве постигает и выражает содержание невидимых миров, творческие потенции и откровения Абсолюта посредством образов, символов, идеалов, интуитивных озарений. Сакральная метафизика религий постигает и выражает невидимые миры, творящую волю Абсолюта посредством Бога-Личности, посредством откровения, символов, ритуалов, Священных Писаний. Философская метафизика постигает и выражает живую, идеальную суть Абсолюта посредством разума, логики, смысловых констант идей, принципов, теорий. В поэтической метафизике искусство осознает и постигает гармонии невидимых миров; в сакральной метафизике религии обзревают и выражают миротворные планы и проекты Бога, реальность Его творений; в философской метафизике разум, постигая невидимые миры идеальности, определяет свои силы и способности. В содержательной сути поэтическая, сакральная и философская метафизика совпадают, различаясь формами и средствами ее выражения. Но у философии есть особая заслуга, ибо именно в ней метафизика была осознана и признана абсолютной силой мудрости, как творящей субстанции-субъекта мироздания. Именно поэтому метафизика спасла философию, сделав ее своим творящим, понимающим и спасающим духом, своим возмездием и своей карой.

Философия и софиология

Сильнее музыки небес звучит святой набат,
Суля другие радости, блага другие.
Испепелив желания свои,
Я свет ищу Премудрости Софии!

Неизвестн. поэт XXI в.

Русь, ты где? Потаенным эхом
С колоколен пустых гул:
Ныне я слита с человеком
И незрима для тех, кто скот.
В.Провоторов

Автор вынужден заявить, что он совершенно не понимает смысла, логики, выводов подписанного им в этом разделе текста, хотя за ним числится немало сочинений, в которых сыщется и несколько строк, имеющих некое право глядеть в сторону мудрости. И автор почему-то даже рад этой непонятности, хотя и безумие его пока не приглашает на свой пир! Видимо, исследуемая тема превосходит мысль и нравственность автора; эта тема подвластна не категориям и теориям, не уму и сознанию, даже не бессознательным стимулам, а лишь самому духу жизни, сохраняющего ее вопреки всем ошибкам ума-разума. София и софийность — это вечно горящая смысловая субстанция именно духа жизни, а не людских мнений.

Да, точно, тема превосходит исследователя! Но все превосходящее нас воспитывает, исцеляет от глубоко запрятанного тщеславия, вынуждает заново учиться читать смысловую книгу мира. Открытый Христом закон гласит: если мудрость мира сего становится безумием, значит, приблизилось Царство Божье, и жизнь мира держится лишь ожиданием своего главного события. И если вся обретенная автором философская ученость сложила свои полномочия перед софиологией, значит, есть шанс приблизиться к подлинной Премудрости Софии, исправить исправимое и покаяться за неисправимое. Главное событие может произойти в любой миг. Софиология уже проложила для него Путь вне и внутри жизни человеческой!

1. В поисках знаниевого царства Софии

Философия имеет и внутренние определители своего содержания, связанные с чарующими и волшебными значениями слов «софия», «София» (σοφία). Возвышенная мудрость Софии связана с сакральными и миротворными силами сущего, с целевыми причинами мира и всех творений, с тайнами цельности и гибели. Загадочная и вечная София (софия, σοφία) величественно идет сквозь века, времена, эпохи и события, выстраивая в них и из них мировой Дом человеческой жизни, отвечающий сакральным требованиям небесного Заказчика.

Определять Софию-мудрость невозможно, ибо она сама определяет своим знанием все существующее, определяя сами определители и наделяя человека способностью определять, определяясь сама лишь Богом именно в качестве бесконечной, неопределимой и

неопределяемой мудрости, нераскрываемой загадки. Нет более общего родового понятия, которое определяло бы мудрость.

Наиболее полную, таинственную, хотя и предельно открытую сакральную автобиографию свою София оставила в Священном Писании христиан. Это самооткровение Софии послужит нам ориентиром в горящем, тонущем и ничтожащем мире-выкидыше.

В сумрачных, обреченных на сожжение лесах плутают, плутуют и плутосуют Европа и США; в горячей России сжигается неверие в силу софийной правды, сжигаются виртуальные и реальные вампиры, каннибалы, нагло и бесцеремонно пожирающие ее народы. Мы все несем в себе, в своих истоках этот древний ужас огня, превратить который в смыслы ясные может лишь сакральная мудрость Софии.

«Начало мудрости — страх Господень, и познание Святого — разум. Ибо Господь дает мудрость; из уст Его — знание и разум» (Прит.9. 10;2. 6).

«Господь имел меня началом пути Своего, прежде созданий Своих, искони: От века я помазана, от начала, прежде бытия земли. Я родилась, когда еще не существовало бездны, когда еще не было источников, обильных водою. Я родилась прежде, нежели водружены были горы, прежде холмов. Когда еще Он не сотворил ни земли, ни полей, ни начальных пылинок вселенной. Когда Он уготовлял небеса, я была там. Когда Он проводил круговую черту по лицу бездны. Когда утверждал вверху облака, когда укреплял источники бездны. Когда давал морю устав, чтобы воды не переступали пределов его, когда полагал основания земли. Тогда я была при Нем художницею, и была радостью всякий день, веселясь пред лицом Его во все время. Веселясь на земном кругу Его, и радость моя была с сынами человеческими. (Прит. 8. 22-31).

«Господь премудростию основал землю, небеса утвердил разумом; Его премудростию разверзлись бездны, и облака кропят росой» (Прит.3. 19-20); «Я, премудрость, обитаю с разумом и ищу рассудительного знания. У меня совет и правда; я — разум, у меня сила. Мною цари царствуют и повелители узаконяют правду. Мною начальствуют начальники и вельможи и все судьи земли» (Прит. 12, 14-15);

«Упорство невежд убьет их, и беспечность глупцов погубит их (Прит.1. 32); Кто нашел меня, тот нашел жизнь, и получит благодать от Господа; А все ненавидящие меня любят смерть» (Прит. 8. 22-31, 35-

36); «Мудростью устрояется дом и разумом утверждается. Премудрость выстроила себе дом...» (Прит.9.1; 24. 3).

Удивительно и странно, но основным противником Софии Премудрости Божьей выступает «глупая, неверная и сварливая жена». «Ноги ее нисходят к смерти, стопы ее достигают преисподней. Дом ее — пути в преисподнюю, нисходящие во внутренние жилища смерти» (Прит. 4. 5; 7.27). И это говорится в Священном Писании!

Самое поразительное, необычное и непонятное в этой автобиографии то, что София выступает в ней как живое существо, не только обладающее мудростью, полнзнанием, но и само состоящее из знания. София — это Знание в качестве священного существа, действующего в мире сакральном и в мире человеческого безумствования. И Знанию этому Творец придал облик женщины, Девы Небесной, в которой нет и следа чисто женской сути. В софийной мудрости Бог предстал живым знанием! Поразительно и загадочно то, что для библейской Софии-мудрости смерть и ничто как бы и не существуют, а она недоступна для них. Хотя гностики признавали и падшую Софию (Ахамот), но они просто не сознавали абсурдности такого допущения. Падшая София-мудрость — это не мудрость, а мудрость не может быть падшей.

Представление о знании как живом священном существе, неразрывно связанном с Богом и человеком, со всеми творениями мира, абсолютно противоречит всем философским и научным догматам. И Просвещение здесь само загнало себя в ловушку абсурда. Поскольку София — это знание, то отвергать любое знание для просветителей неприемлемо: но поскольку София — это священное существо, а все сакральное для просветителей есть обман, иллюзия, то признавать Софию для них никак невозможно и неисполнимо. Или признавать знание и вместе с ним Софию, или же отвергать Софию, а вместе с ней хоронить и знание,— такова внутренняя язва, пожирающая рационализм, атеизм, материализм, скептицизм, релятивизм, мистицизм, демонизм, экономизм, науковизм, капитализм и социализм. Пожалуй, вести диалог с софиологией может только персонализм и философия хозяйства, признающие универсальную значимость личности, человека-хозяина. Правда, персонализм сам является лишь бледной копией софиологии, питаюсь крохами ее смысловых богатств. Но большего от несофийного рацио требовать нельзя.

София — один из самых необычных, уникальных и загадочных феноменов мира. Она воплощает извечное стремление человечества к исходному единому знанию. София — это сакральное знание, в котором уютно чувствует себя и философия, тонко различая мудрость, ум, разум и рассудок; софийность, владея «мерой, весом и числом», близка и к науке; София — первохудожница мира, наделяющая красотой все творения; София — архитектор и домоустроительница; София — автор хозяйства и хозяйствования как естественной формы жизнеобеспечения человека; София воплощает в себе и социальные умения по созданию семей, городов, царств; София несет в себе идею софиократии — власти сакральной. И, наконец, София поражает своим утверждением: «Премудрость выстроила себе дом...» (Прит. 24. 3). О каком доме речь идет и где он находится? Поскольку София состоит из знания, то домом и убежищем ее может быть только Истина!

София — это первотворение, хранящее в себе память о том состоянии мира, когда не было Рая, когда не было еще и самого мира, но всю кипела проектная работа по его созиданию. Не коллаيدر (БАК) найдет первоначальное состояние нашей Вселенной, ибо механизм может найти только первомеханизм, который сконструировал Ад. Первоначальное состояние мира хранит в своей смысловой бесконечности слово-феномен, слово-ноумен, слово-художник, слово от Слова Божьего — «София». Но чуждаются этого слова, сторонятся от него даже весьма многоученые мужи и теологи. Но философии никак не избежать объяснений с софиологией в силу общего им корнеслова.

Софиология, кстати, по внешней форме во многом напоминает такие общенаучные дисциплины, как ноосфера, психоанализ, этногенез, коэволюция, синергетика, социобиология, когнитология. Но только внешне, ибо все указанные дисциплины поражены смертельными вирусами атеизма и науковизма, хотя сам факт появления этих метанаучных гипотез говорит о поисках наукой своего подлинного — софийного — оригинала.

Итак, София, софийность — печать сакрального царства, в котором посредством знания творится, оформляется, изменяется, сохраняется мир и человек, священные силы жизни. Софийное царство — это мир, в котором властвует первознание, в котором ведут диалог метаисторические смыслы и земные, человеческие, слишком человеческие упования. А софийность — это общемировой язык, на котором возможно общение бывшего, существующего и грядущего.

Посему не только философия имеет свою историю и теорию, но и София имеет свою особую — отчасти конспирологическую, отчасти очевидную — историю. Имеет она и свою теорию — софиологию. Но в отличие от философии, София имеет еще и свою иконопись, свое искусство, свое храмостроительство, свою незримую кратию, свое священное безмолвие, воздействующее на мир и людей смысловыми излучениями истины.

Первую карту софийного царства, опираясь на библейские сюжеты, составила русская философия. На этой карте немало излишнего, чуждого софийному миру, многое отсутствует. Но главное, то, что Божья воля вершится единством знания, личности, творчества, на этой карте указано. Остается постичь основание этого единения и само устройство софийного царства. И русская мысль начала превращать философию из любви к мудрости в софиологию, в учение о Софии Премудрости Божьей, сохраняя мировую традицию и обогащая ею философию!

Вл. С. Соловьев начертал такой портрет Софии-мудрости: «Это великое, царственное и женственное существо, которое, не будучи ни богом, ни вечным сыном Божиим, ни ангелом, ни святым человеком, принимает почитание и от завершителя Ветхого завета и от родоначальника Нового, что же оно, кто же оно, как не самое истинное, чистое и полное человечество, высшая и всеобъемлющая форма и живая душа природы и вселенной, вечно соединенная и во временном процессе соединяющая с божеством и соединяющая с Ним все, что есть. Несомненно, что в этом полный смысл Великого Существа, наполовину прочувствованный и сознанный Конттом, в целости прочувствованный, но вовсе не сознанный нашими предками, благочестивыми строителями Софийских храмов»³¹

Но ведь София была и до сотворения человечества, которое, судя по плодам его величия, вовсе не является Великим Существом, а, скорее, Великим Мерзавцем, Развратником и Пакостником! Нет, София не сводится к человечеству; да это Великое существо само отреклось от нее и всякой мудрости. Скорее, тайна Софии заключена в идеальной природе личности, умеющей творить новые реалии, как из ничто, так и из себя самой.

П. А. Флоренский в своей уникальной книге «Столп и утверждение истины» посвятил целое «письмо» анализу Софии, выделив в нем основные аспекты этого уникальнейшего феномена

мироздания. «Под углом зрения Ипостаси *О т ч е й* София есть идеальная *с у б с т а н ц и я*, основа твари, мощь или сила бытия ее; если мы обратимся в к Ипостаси *С л о в а*, то София — *р а з у м* твари, смысл, истина или правда ее; и, наконец, с точки зрения Ипостаси Духа мы имеем в Софии *д у х о в н о с т ь* твари, святость, чистоту непорочность ее, т. е. красоту».³² Христос отдал устройство Бытия Софии, оставив за собой творческую Любовь, спасающую бытие. Но «мир своею мудростью не познал Бога в премудрости Божьей» (1 Кор. 1, 21).

Поэтому София выражает смысловую цельность и целостность мира, человека, вещей, сохраняя и опекая их посредством многообразия идеальных энергий и чинов Св. Троицы, всего священного универсума. И в этом плане София выступает реальностью святости, первотворением мира и первотворениями в мире, «небесной обителью святых», космократией, «Вечной Невестой Слова», «Миро-родным Умом», Ангелом-Хранителем, «Небесной Церковью», вечной памятью Бога; София несет и хранит в себе вечную красоту Богородицы; София есть таинство дружбы, в которой «Я» и «Ты» только и обретают истину своей реальности.

П. А. Флоренский обратил внимание на то, что в Священном Писании, в иконописи, в богословии, у Отцов Церкви, у светских исследователей присутствуют разные Софии, объясняя это расхождение тем, что движущей силой софийных сюжетов является религиозное народное творчество. Особенно поразительно то, что Отцы Церкви «решительно умалчивают» о Софии, хотя не знать о ней они не могли, да и не понимать ее тоже не могли. Почему? Знали, понимали Софию, но позволяли ей свободно хозяйствовать в нашем сознании, уме, душе и языке. Видимо, есть сакральные явления, которые лучше всего постигаются и действуют, когда о них думает молча, каждый человек сам по себе. В предельно абстрактном и обобщенном виде София у П. А. Флоренского предстает как идеальность священного мира, в котором находятся творческие оригиналы всех существований. «София — это *П а м я т ь Б о ж и я*, в священных недрах которой есть все, что есть, и вне которой — Смерть и Безумие».³³ Какие потрясающие слова!

Софиология С. Н. Булгакова отчасти упорядочила исторические, религиозные, философские и художественные прозрения о Софии. Нет термина и символа христианского, с которым он не пытался бы сопоставить Софию, чтобы выявить ее смыслы. Но самое важное, С. Н. Булгаков создал на основе софийных идей уникальную и

фундаментальную работу — «Философия хозяйства», ставшую не только истоком, творящим основанием самостоятельного течения русской мысли, но и указавшую выход мировой мысли из тупиков экономизма, науковизма, постмодернизма и апокалипсизма. У С. Н. Булгакова непонятная и загадочная София стала созидющим принципом религии, богословия, философии, науки и организационного творчества.³⁴

В творчестве русских софиологов описаны многие инициативные свойства этого Великого Существа. София прокладывает царственный и сакральный путь своей мудрости не между противоположностями, не между Сциллой примитива и Харибдой негатива, а через меру изначальных единоречий Сущего, не допускающего лукавой диалектики противоречий, которые имеют только два разрешения — исход к вечности или обратный уход в ничто. София — это не «третий путь», а путь первый и единственный; вторым же и третьим путем являются невежество и безумие. Причем, невежество бывает простым и научным, выраженным языком математики, логики и фактов. Например, атомная бомба — это триумф научной фактологии, методологии, знания, триумф математики, но этот триумф уничтожает все живое и неживое; знание ли воплощено в атомной бомбе или же это воплощенное невежество и безумие? Ведь человека может сгубить любая мелочь, а здесь трудятся лучшие (!) умы, создавая чудовищные машины и орудия убийства. Да, вне мудрости Софии знания мира сего незаметно становятся безумием и невежеством.

И этот путь мудрости София обозначает глубокими и тонкими смысловыми указателями, представляя человеку новый тип, новый стиль, новую парадигму мышления, позволяя ему работать с целостными, интегральными предметами, сочетающими в себе сакральные, логосные, материальные и ценностные качества. София представляет в своей мудрости «постфилософию», которая в то же время является и «прафилософией», собирающей в своем доме все свои исторические блуждания и находки, оплакивающей свои потери, боль своих незаживающих ран.

Кажется, сам русский язык создан для того, чтобы выражать смыслы софийные, которые недоступны языку и логосам диалектики.

София не заставляет, а убеждает; не приказывает, а указывает; не наказывает, а показывает; не принуждает, а призывает; не умаляет, а умоляет; не косит, а просит; не молчит, а учит; не бьет, а

подает; не убивает, а вразумляет; не усыпляет, а укоряет; не лукавит, а врачует; не скрывает, а покрывает (от грязи); не пустословит, а наставляет; не заверяет, а спасает; не истощает, а посещает; не возвышает, а просветляет; не отрицает, а принимает; не отбрасывает, а приглашает; не сулит, а благоволит; не препятствует, а предостерегает; не порочит, а пророчит; не предсказывает, а сказывает; не губит, а любит; не плачет, а понимает; не проклиняет, а скорбит; не смеется, а благотворствует; не изнуряет, а вдохновляет; не награждает, а прославляет; не отнимает, а ограждает; не прибавляет, а улучшает; не карает, а исправляет; не лишает, а приобщает; не отражает, а порождает; не копирует, а стимулирует; не возражает, а заражает; не поражает, а причащает; не опьяняет, а пробуждает; не раскрывает, а прозревает; не причитает, а почитает; не попускает, а открывает; не украшает, а оздоравливает; не побуждает, а очищает (желания); не оставляет, а направляет; не слушает человека, а читает его; не прощает, а превращает кару в самонаказание; не милосердствует, а содействует душе, соседствуя в ней; не подсказывает, а обличает; не жалуется, а трудится; не забывает, а продолжает; не поощряет, а благословляет; не молчит, а глядит; не кричит, а кличет; не забывает, а поминает; не величает, а именует; не верит, а доверяет; не клянет, а зовет; не дает, а передает; не берет, а воздает; не постигает, а проникает; не видит, а предвидит; не побеждает, а опережает; не забывает, а напоминает; не выступает, а заступает; не испытывает, а переживает; не приходит, а находит; не рассчитывает, а считывает; не охотится, а заботится; не мечтает, а представляет; не преграждает, а прикрывает; не ограничивает, а ограняет.

2. София — мир Оригиналов

Почему наряду с философией в русском мире возникла софиология — целостное учение, органически сочетающее в себе религиозные, философские, художественные, хозяйственные, социально-политические, гендерные, геополитические, конспирологические, личностные и, вообще, неведомые и непостижимые смыслы? Что именно увидел русский дух в мире посредством софиологии? Какое содержание, невыразимое в других формах, он хотел выразить и высказать именно в софиологии?

Автор не осмеливается касаться Софии-мудрости как божественного знания и как знания Бога; автор пытается лишь очертить суть философии в софийном контексте объективно сакрального знания-откровения, знания-размышления, знания-самосотворения, постичь философию в качестве смыслового органа софии, Софии? Ибо в философии человек извне вещает о мудрости, а в софиологии сама мудрость приоткрывается человеку, оглашая ему свои глаголы. Каково самостоятельное содержание корнеслова «София»?

Начнем, следуя Декарту, исследование с простейшего и очевидного, чтобы выявить проблемы, вызвавшие к жизни софиологию, которая не отрицает философию и науку, а опекает их, обогащает их своими смыслами, спасает их от корыстного безумия и самоослепления.

Основной проблемой (противоречием), лежащим в основе всех остальных проблем, определяющим их содержание и алгоритмы их неразрешимости, является соотношение оригиналов и копий, предметов и их образов, отражений. В этом факте всех фактов заключена проблема самой проблемности, потерявшей голову свою; в этом метафакте дано противоречие внутри самого противоречия, в безумии поедающего себя и своего предметного носителя. В предельно открытом виде это противоречие выступает как соотношение Бога, дьявола и творения. В философии эта проблема дана как соотношение идеального и материи: зачем материи какое-то чудное, противоестественное идеальное, которое копирует ее, ничего не добавляя в копилку ее вещества? Материализм оригиналом признает только материю, а идеальное трактует как вторичный, зависимый образ материи, как ее ненужный придаток и призрак (Гоббс). В мистических мировоззрениях это противоречие предстает как соотношение предметов и их теней, призраков, духов. Заявляет о себе это противоречие и в парадоксах причинности: если следствие есть только проявление причины, то оно не нужно или же ценность его ничтожная; если причина самодостаточна и не нуждается в следствиях, то зачем она их порождает? В оптике и физике это противоречие выступает в полунейтральном и в полуценностном виде как проблема предмета и его отражения (в зеркале, в воде, в других предметах); предмет и его физические отражения обладают равным бытием, но различной онтологией — предмет самодостаточен без своего отражения, а вот отражение зависимо от своего прообраза и невозможно без него. Искусства, науки существуют благодаря использованию противоречий оригиналов

изучаемых вещей и копий их, данных в идеальных и структурных моделях. Есть и виртуальный мир как копия мира-оригинала! Индуизм представляет мир как сновидение Браммы, который, просыпаясь, уничтожает его, восстанавливая свой оригинал.

Вокруг проблемы соотношений оригиналов и копий вращается все мироздание. Кто или что является оригиналом всех оригиналов? Кто является оригиналом, прообразом, Первым во всех родах и видах вещей, существ, людей, чисел, идей? Например, кто первым засмеялся и по поводу чего? Кто автор первого вопроса и каков этот вопрос? Что есть истина и мудрость в качестве оригиналов? Очень даже интересно бы знать своих предков в их догреховном — оригинальном — виде? Каково нормальное, закономерное соотношение оригиналов и копий, оригиналов с оригиналами, копий с копиями?

В соотношении оригиналов и копий есть большущая проблема, которая философски адекватно даже не осознанна. Простой и банальный пример. Кому принадлежит образ человека в зеркале? Кто его хозяин? Этот образ не принадлежит человеку, который не властен над ним; он не может своей волей вызывать и устранять свой образ в зеркале, стоя перед ним. Этот образ не принадлежит и зеркалу, которое не может сохранять его при отсутствии предмета или же вызывать по своему соизволению. Этот образ не принадлежит и свету, ибо свет дает лишь материал, условия образа, но сам он не конструирует его. Кому, какой силе повинуется образотворение? В СМИ, в мистических, магических, inferнальных доктринах это своеволие образов становится автономной силой, которая не только манипулирует оригиналами, но и отрицает их, создает новую реальность, которую Ж. Бодрийяр назвал гиперреальностью — оригиналом, возникшим из копии, забывшей и потерявшей свой оригинал.

И вся деятельность человека, отринувшего Создателя, похоже занята тем, чтобы побольше наплодить всевозможных копий, чтобы затем этим копиям придать онтологический статус оригинала, чтобы самому стать копией своих копий и забыть о всяких там оригиналах, игнорируя предупреждения религии, экологии, патологии и криминала о возмездии копий, ждущих своего реванша.

Сложности и трудности в решении этой проблемы всех проблем породили вселенский подлог — диалектику многоликую, из которой Гегель и Маркс пытались даже сотворить науку. А софизм этого подлога гласит: поскольку я, копия, невозможна без своего оригинала,

то и ты, оригинал, невозможен без меня, копии. Хотя опыт и логика тотально опровергают этот софизм, он и до сих пор имеет прочные позиции, будучи освященным сомнительным светом диалектики. Здоровье возможно без болезни и не нуждается в ней, а вот болезни без здоровья не бывает. Организм не нуждается в паразитах, которые не имеют бытия без своего донора. Бытие не нуждается в ничто ничтожном, а вот ничто без бытия, на котором оно паразитирует, невозможно. Вообще, во всяком противоречии одна противоположность является целостным и самодостаточным бытием, которое порождает, питает свои копии, мнящие себя самостоятельным и порождающим началом. Оригиналы создают копии, питают их своими ресурсами, дают им задачи, используют их на общее благо оригиналов и копий. Копии же сами по себе суть вампирические сущности, живущие по милости, по снисходительности и беспечности оригиналов. Хотя копии часто забывают об истоках и претендуют на авторство самих себя и оригиналов.

В этом плане библейское понимание человека как образа и подобия Бога выражает лишь часть истины. Человек не только и не столько образ и подобие Бога, хотя имеются в нем и эти качества. Образы и подобия сами по себе не могут быть живыми, не могут грешить и почитать Бога. Дьявол для образов и подобий тоже не существует. Люди — это дети, друзья, товарищи Христа, дочери и сыновья Бога, добровольные его слуги; и в них Творец вложил частицу своего оригинала, а не просто одарил их своей копией и подобием, как некая суперзвезда голливудская! Человек — это самостоятельный оригинал, который содержит в себе животворную частицу Владыки оригинала всех оригиналов. Понимания человека только и только как образа и подобия Бога — это чисто дьявольская выдумка и шутка; а поскольку сам дьявол не имеет оригинала, а представляет лишь одну копию и подобие отвергаемого им оригинала, то человек становится его собратом по греху и мерзости. Дети — не копии и образы родителей, хотя эти свойства им и присущи; дети — это самоценные оригиналы, которые в определенное время отрываются от родителей, доказывая тем самым, что они не копии, не образы и не подобия, а самостоятельные личности.

Нужно иметь в виду, что оригиналы сами по себе не создают ненужных им образов и копий; это делают чины инфернальные, воруя таким способом ресурсы и смыслы оригиналов. Сами же оригиналы

созидают другие оригиналы, сохраняя с ними преемственность, но допуская и признавая неизбежность иных, новых форм и типов оригиналов. Зацикливание человеческого мировоззрения на соотношениях копий-образов и оригиналов присуще лишь апокалипсическим эпохам, в которых копии-образы правят свой бал в преддверии своей гибели. Копии и образы важны и нужны лишь другим копиям и образам, а не самим оригиналам, которые всегда заняты творческим преображением ничто в материал новых оригиналов, а не умножением своих копий. Поэтому все пути оригиналов ведут к Богу, а траектории копий-образов завершаются в Преисподней.

Другое дело, зачем оригиналам копии? Ведь оригиналы самодостаточны, абсолютны, обладают творящей и порождающей силой, завися только от своего внутреннего содержания, от своего внутреннего творческого изобилия. Зачем Богу, самодостаточному Абсолюту, зависимые от него неполноценные, зловердные, греховные творения, которое доставляют Ему лишь одни заботы, оскорбления, печали и мерзости? Зачем здоровому организму ненужные ему болезни? Человеку не нужна третья рука, и она не вырастает; а вот болезни ему тоже не нужны, но их — преизобилие. Зачем организму паразиты? Каковы роли и функции копий во вселенском мирострое вообще?

Можно допустить, что копии расширяют возможности оригиналов, которые посредством копий выявляют свое содержание, творят новую реальность, скрываясь в ней и устраняя сами копии по мере их ненадобности. И проявлению Абсолюта через относительное бытие изначально присуща жертвенность: Большой Абсолют жертвует собой ради малых мира сего, дабы возвести их в свой мир, приобщить к тайне бытия неуязвимого. Но отчего-то возникают сбои, когда малые мнят себя великими, стремясь великое сделать слугой безумной старухи из абсолютной сказки А. С. Пушкина. Безумие заложено в стремлении малого заменить собой великое. Не приобщиться к его миру, а заменить его своим мирком! Ну, а Абсолют без такой безумной вольницы своих частей, без отрицания ими его прав, просто не будет Абсолютом. В священном величии Бог нисходит до жалкой участи распятого преступника, который вопреки всем козням мелкоты и копий возносится в свою вечность, одарив все творение силами оригинала. Бог даже допускает дьявола, как свою негативную копию, которая восстала на оригинал, пытаясь то ли заменить его, то ли представить себя как реальность, превосходящую породивший ее оригинал.

Все копии в силу своей онтологической неполноценности одержимы волей к абсолютной власти. Это особенно наглядно проявляется в компьютерных играх, вообще, в виртуальном мире. Копийная неполноценность вынуждает компьютеры залезать везде — в сковородки, в туалеты, даже туда, где их применение смертельно опасно — в оружие массового поражения. Учитывая, что компьютеры не только выходят из строя, но и «глючат», т. е. создают и мнимые копии, то не исключено, что они могут создать и копию мнимого врага («копию копий») и выдать его за реального врага-оригинала со всеми последствиями таких «глюков». Вернее, после атомного оружия последствий уже никаких не будет, ибо некому будет их констатировать. Компьютеры в этом плане есть технологическое воплощение и продолжение греха властолюбия. Не власти над природой и над самим собой, ибо эту власть человеку Бог дал, даже не властная жажда стать богом, ибо человек и так сакральное существо, а стремление сделать Бога слугой, рабом своих примитивных желаний. А. С. Пушкин в своей сказке о рыбаке и золотой рыбке (золотой!!!) сверхгениальным христианским чутьём постиг глубинный смысл греха на примере, доступном даже простакам и рыбакам. В то же время поэт прозорливо предупредил нас, что все попытки сделать христианство («золотую рыбку») средством любых своих целей завершатся разбитым корытом их жизни. Компьютерные игры прививают жажду дьявольской власти всем людям, чтобы лишить их даже той власти, которую они сохранили после греха. Власть-оригинал компьютеры подменяют копиями даже не власти, а безвластия человека перед взбесившимися копиями. Ни в каких сказках человек не становится богом, а тем более, властителем над Ним! А вот в компьютерных играх такое кощунство взвешено и продается. Компьютеры усиливают мозг человека. Для чего? Для производство во все больших объёмах денег — копий-образов жизни для питания смерти! Он орудие смерти, а не жизни, хотя рулит им живое существо. Компьютеризация готовит стадо для грядущей власти мировой копии, а стадовекам оригинал-реальность противопоказана. И не усиливают эти агрегаты мозг, а ослабляют, лишая его связи с оригинал-реальностью, заменяя ее копиями-призраками. «Экран» стал основным орудием греха и дьявола, воруя своими бликами и призраками жизнь.

Общая тенденция движения данного противоречия идет от разрушения, забвения оригиналов в пользу доминирования копий,

подражаний, отражений, призраков, симуляций. Реальный мир-оригинал заменяется миром паразитом, паразитическим миром, который все силы свои тратит на доказательство именно своей истинной подлинности. То же происходит и с человеком, христианский оригинал которого подменяется либидо, дивидами, игровыми копиями, постепенно теряющими телесную трехмерность, социокультурную идентичность, становясь призраками черной пустоты Великого Экрана.

Идет Великая Вселенская война, война невидимая, война даже во многом интересная, развлекательная и привлекательная для человека, но именно в силу своей глубочайшей сокрытости эта война самая страшная, ибо в ней мир и человек, не сознавая этого, сражаются против самих себя, сражаются за победу над собой смертельно опасной им силы. Идет война вселенская — война оригиналов и копий, война священная, война инфернальная. Основным оружием в этой войне служат копии-образы; человек, наивно полагая, что именно он создает эти копии-образы для своих идеальных и материальных целей, не видит до сих пор, что копии-образы стали уже давным-давно хозяевами его жизни, демонтируя (деконструкция Деррида) человека, вообще, все оригиналы вещей и мира, разлагая их на копии-симулякры, подражающие не своим оригиналам, отражающим не их содержание, а волю инфернального владыки черной тайны образотворения. Вспомним пример с образом человека в зеркале: миллиарды раз повторяющаяся мистификация без осознания ее инфернального назначения и смысла. Есть человек, есть зеркало, есть свет, и есть копия-образ, не принадлежащая никому из участников этой банальной инферналии! А планы автора и хозяина этого образа состоят в том, чтобы сделать Копии-Тени-Призраки первореальностью.

Сегодня мир находится в состоянии инфернальной войны копий, теней, призраков со своими оригиналами; идет охота за смыслами, имеющая целью десемантизацию ума, сознания, души и языка, а единственным содержанием бытия эти его отщепенцы пытаются сделать чисто комбинаторную игру симулякров («копий и теней, не имеющих оригинала», «денег, не имеющих ценности», «игру в бисер» (Г. Гессе)). Современность делает все, чтобы обеспечить права на жизнь копиям без оригиналов, теням без предметов. Говоря строгим языком социализма, паразиты пытаются внушить, что трудящиеся существуют именно для того, чтобы плодить и кормить паразитов, как

высшую ценность мироздания. Копиология постмодернизма философски узаконила этот вампиризм, отчасти она его и плодит.

И только Бог, и только Премудрость Его София никогда не превращаются в копии, а всегда остаются оригиналами, оригинальными Личностями вечности. А их творения — это не мертвые копии, а частицы их живой сущности, их бесконечной жизни. Поэтому без Божьей помощи и без Премудрости Его Софии мир и человек, все существующее обречено исчезнуть в inferнальных джунглях теней и копий, стать негативом бытия без всякой возможности его проявления. Миру и человеку уготовлено стать inferнальным фотоателе князя мрака. А поскольку чистые копии и тени — это сплошное нечистое ничто, то высшая цель человека состоит в том, чтобы изживать из себя ничто, устранять все свои теневые и копийные элементы, восстанавливать с помощью Софии по крупицам оригиналы своего бытия, в котором свободно действует призвание небесное, в котором не нужно распылять себя на вампирические мелочи — роли, копии, тени.

Всевышний и Его Премудрость София стоят на страже оригиналов, отвергая все образы-копии как соблазны, как прельщения змия лукавого. Подлинной реальностью и подлинным формотворением является не продуцирование вампирических, уныло одинаковых, копий, а умножение, усиление самих оригиналов, которые никогда не создают своих образов, подобий и копий, а творят другие оригиналы, которые всегда уникальны, всегда отличаются какой-то идеальной и смысловой мутацией, и которые всегда способны к самобытию, к самовоспроизводству, даже в кошмарных снах своих не зная ничего о вампирических образах-копиях. Да и вообще, кому и зачем нужно создание мертвых копий-образов, которые питаются субстанцией жизни и ее идеальных сил? Ислам вполне справедливо отрицает образы-копии Аллаха и его творений. Согласно преданию, Пророк спросил художников и скульпторов: «Вы можете дать душу и жизнь созданным вами картинам и образам? Не можете! Тогда зачем и для кого вы их создаете?». Вопрос и поныне висит над головами создателей образов как топор, ожидающий приказа прекратить растранивание жизни!

Без религии, без Софии Премудрости Божьей человеку и миру не устоять перед соблазнительной агрессией вампирических образов-копий, которые незаметно принуждают человека и мир воспринимать свое постоянное поражение как победы. Вот почему наряду с огромнейшей массой бесконечно умножающихся

разнообразных знаний, человеку и миру нужна еще и мудрость, оценивающая, судящая эти знания мерой их близости к своим оригиналам. *София-мудрость несет в себе оригинал самого знания как всеобщего сакрального бытия. Бог и София вне всякой симуляции, подражания, копирования.*

Поэтому вначале познание было всецело софийным, создавая не копии, а новые вариации оригиналов. «Плодитесь и размножайтесь!» относится не только к биологии; это — внутренний принцип нормального бытия. Познать — значит сотворить новые оригиналы, несущие в себе эстафету бесконечного творения и обновления бытия, его форм, законов и смыслов, а не создавать копии-образы, стремящиеся занять место оригиналов. Кстати, формотворчество оригиналов ограничено внутренней мерой и внешними условиями, а вот умножение копий не знает границ, превращаясь в унылую «дурную бесконечность» (Гегель) массового тиражирования и массового потребления пустоты, алчущей заполнения невежественными потребителями. Софиология доказывает, что даже образы и абстракции не могут быть сведены к утилитарной рациональности копий-образов, ибо в них все же остались следы софийного воспитания.

Грехопадение, видимо, вызвало соблазн большей свободы, которая возможна лишь в том случае, если человек свой божественный оригинал заменит копией лукавой. Конечно, копии обладают большей свободой, чем оригиналы, но в них обитает не жизнь, а смерть, ничто. После грехопадения (наделения копий бытием) все знания человека стали копиями не просто вещей, но и самого знания, т. е. они вовсе не знания, а симулякры знания. Поэтому не удивительно, что рост таких знаний неизбежно порождает кризисы, катастрофы, приближает общую гибель человечества. Больше знаний — больше бед, больше смерти, больше угроз, больше безумия и бессмыслицы! Без Софии-мудрости, владеющей знанием-оригиналом, для людей закрываются все возможные решения, подходы, видения их проблем.

И основным орудием соблазна стал разум, посредством которого искуститель внушил, что бытие в качестве автономной копии-образа дает большее блаженство, чем сохранение верности оригиналу. Разум в отрыве от Бога — это машина, производящая в бесконечных количествах любые копии-абстракции. М. Волошин поразительно точно назвал «разум творчеством наоборот»: если София, исполняя волю Бога, выводит мир из ничто к бытию, то разум, лишенный софийных

ориентиров, в своем творчестве снова сводит мир к ничто! И даже то, что гибелью грозит, разум может превратить в игру, доставляющую человеку безумное блаженство; быть хорошим симулякром человека может доставлять ему больше радости, чем быть плохоньким человечешкой. Компьютерные игры убедительно доказывают, что каждый миг растет число людей, которые с радостью меняют свое бытие-оригинал на двухмерную копию экрана. Может величайшая тайна и скрытое преступление разума в том, что он не может различить свой оригинал от своих же копий, и никто не знает, какую копию он может выдумать, и что она может сделать с миром оригиналов. Вот почему Бог нужен и для того, чтобы контролировать свой разум от блаженного суицида, чтобы уберечь себя от свободы своей же мысли.

Идет глобальная антропологическая деформация человека в разновидность виртуального экрана; а для этого нужно экранное сознание, экранный язык, экранный ум. Экранная же душа не невозможна без организма человека, а сам человек находится в руках женщины, а женщина — в руках дьявола, а дьявол — в руках смерти, а смерть — в руках Христа, а Христос в руках Св. Троицы, которая держит весь мир, охватывая и ничто руками своей софийной мудрости.

Без Софии знание не только недостоверно, но и опасно для человека, ибо, не имея опоры в небесах, оно не имеет опоры и в земном мире; остается только infernalная опора. Без Софии людей ждет самосуд их же разума, ставшего безумием. Люди своими науками, искусствами, создали мир копий, подготовив тем самым приход дьявола; и теперь, став ненужными для призраков, они ступили на путь самоуничтожения. Вся человеческая история под воздействием дьявола есть в этом плане попытка людей посредством копий и копий самих копий, вплоть до копий-симулякров, забывших о своих оригиналах или вовсе не имеющих их, создать новую оригинал-реальность, заменяющую реальность, их породившую. Или Истина Софии Премудрости Божьей, или infernalные копии, суррогаты, ведущие жизнь к гибели — таков закон цивилизации, предавшей своего христианского основателя.

Итак, София есть обозначение, выражение знания-оригинала, служащего порождающим и движущим принципом всех принципов и подпринципных начал мира, человека. София — первенец сакрального знания, его оригинал, в котором нет лжи и пороков. Именно софиология создала сакральный сан «Первого», «Старшего», возвела его в моральный и династический принцип власти. Единица имеет особый

чин среди чисел; у нее есть только последователи, но нет предшественников, а потому она прямо и непосредственно общается с Творче всяческих. Поэтому все существующее имеет смысл в меру своей близости и причастности к «Первотворению»; а все попытки скопировать, смоделировать «Первое», единицу лишь умножают копии, лишь удаляют от истины. Поэтому София предупреждает ищущих мудрости в многознании: «Во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь» (Еккл. 1, 18). Ведь мудрость – категория качественная, а не количественная и ее много или мало не бывает, ибо она есть знание Единого во всем мировом множестве и разнообразии. А такое знание или есть или нет, третьего здесь не дано. София-мудрость и ее радость вечная не имеют альтернативы; а скорбь и печали настигают людей, которые ищут Софию-мудрость в копияном многознании. Ибо любая наисовершеннейшая копия рано или поздно исчерпывает свой исходный потенциал жизни, превращаясь в источник умножающихся проблем, кризисов, катастроф. Нужно обращение к неиссякаемым силам оригиналов, но путь к ним лежит только через традицию Софии-мудрости, которую хранит для человечества софиология русской философии. Нужно увидеть ограниченность всего наличного знания, его методов и форм, нужно обращение к христианскому оригинал-знанию, к его полнзнанию сущего. И стремиться нужно не за новыми гносеологическими копиями и моделями, а за новым — софийным — типом познания, органически соединяющим в себе сакральность знания-оригинала и форм его проявления в различных сферах бытия. Только София уделит каплю своей мудрости чистым, любящим сердцам и развитому интеллекту, способному овладеть сакральной методологией — триалектикой.

Копии-образы, создав (образовав) виртуальный мир в качестве копии всех копий, успешно наступают. И вот под угрозой оказалась «Святая Святых» Запада — сама война, ибо массовое распространение по всей планете компьютерных игр, в которых абсолютно преобладают военные игры, копии-образы войны, сделали прямые военные действия почти невозможными, вернее, возможными лишь в качестве... реальных копий-образов. Войны в Ираке, в Афганистане, в Ливии — это военные спектакли, призванные «спасти» хотя бы саму идею войны в качестве полувойны-полусимулякра. Странные войны! Запад мог легко принудить эти страны принять свои планы посредством экономических мер и без войн, без НАТО, но

допустить превращение войны в игры, в копии-образы он не может, не потеряв своего лица и кошелька. Факт налицо: копии-образы войны обратились против реальной войны, но не потому, что она скверное дело, а потому, что она недостаточно хорошее дело, которым должны постоянно заниматься все люди на своих компьютерах и затем на улицах. Копии-образы не ослабляют, не отвергают войну, а пытаются сделать всеобщей реальией гоббсовский идеал «войны всех против всех».

Копии-образы стали сегодня важнейшим оружием; мгновенно распространяясь по всему миру, они внушают массе людей нужные представления более убедительно, чем военные победы. Копии-образы могут победу превратить в поражение и наоборот. Главное — настроить сознание и ум на нужные волны и смыслы. Так, перемутировав сознание, американцев можно сделать глобалианцами, а русских — афроамериканцами. Реальные войны подчиняет побежденных завоевателям. Но эту цель можно достичь материальным оружием, а можно посредством тотального прессинга виртуальных копий, которые, незаметно изменяя сознание людей, через сознание заставит их с радостью подчиниться завоевателям и без войны.

Да что там война! Самая кошмарная война разворачивается в психопатологии и в телесной уродологии повседневности, в которой копии, копирование и производство копий-образов сокрушает саму жизнь и плоть. Спустили на воду отслуживший всякие сроки лайнер, который стал совершать круизы по Волге. От оригинала самого корабля этого остался один призрак, облик плавсредства. Понятно, что копия, перевозящая пассажиров-оригиналов, затонула. Трагедия! Но самая страшная трагедия в том, что проходящие мимо корабли, лодки не оказали ни малейшей помощи гибнущим, а все усердно стали снимать катастрофу и гибель людей на мобильные телефоны, чтобы затем выложить за деньги или — бесплатно в Интернете. Пресса переполнена сообщениями об изнасилованиях (особенно — малолетних!), насилиях, убийствах, извращениях, о тупом и азартном попрании всего человеческого: и делается все это исключительно для того, чтобы превратить сцены адского беспредела (хотя в Аду все же есть пределы и законы; за дьяволом педофилия не числится) в видеокопии и выложить опять таки в Интернете! Авилайнер взлетает и падает, но провожающие и созерцатели с восторгом снимают катастрофу, сохраняя ее в качестве копии для Интернета! Все больше и больше человеческая деятельность

имеет целью не определенный результат, а свершается ради того, чтобы стать копией, попасть в эфир, на телевидение, в Интернет!

Власть копий в мире и над миром воплощена в анонимной диктатуре Интернета, который незаметно захватывает все новые и новые территории, новые поколения, детей, превращая все, что встречается на его пути, в копии-образы. И самый кошмарный кошмар в том, что люди воспринимают этот вид суицида с радостью, даже оплачивают его, борются, за то, чтобы стать первоочередниками-интернавтами в мире Интернавтики. Хотя малейшее размышление над этой гламурной гибелью сразу же вскроют опасную зависимость копиотворчества от смерти. Люди, для которых телевизор, экраны стали потребностью, не имеют будущего, ибо роком и судьбой ближайшего будущего является превращение всех реалий в копии какого-либо экрана; а медиоманы уже сегодня вкушают это будущее.

Своей двухмерностью копии и экраны намекают о том, как вещи думают о себе и о мире. К двухмерности стремятся шизофреники, безумные, но им мешают в этом язык, медицина и власть. Копии и экраны ничего не порождают, не создают и не устанавливают, а они сами открывают себя как источник хаоса и как микрохаосмоса. Копии и экраны суть саморазмножающееся ничто, умножающийся мрак. Копия и экран являются субстанцией потребляющей, производящей ничто и вампирически существующей. Вне копий и экрана нет ничего вообще самоценного. Человек глядит в экран, следовательно, он существует; экран связывает его с миром и дает ему реальность некую. А на деле: через экран на людей глядит ничто, смерть, готовя себе из них с помощью болезней различные блюда.

Поэтому копии и экраны появляются везде, заменяя трехмерную реальность мира и людей; все события пытаются перевести в режим двухмерности. И когда все реалии станут внутренним содержанием экрана и ничего не значащей копии, тогда исчезнет различие экранного и неэкранного, оригинала и копии. «Процесс пошел», проходя три этапа. Сначала копии и экраны активно внедряются в нашу жизнь как служебные средства. Затем копии и экраны требуют равенства с трехмерными реалиями; посредством гламурных технологий копии и экраны достигнут совершенства и уравниваются с трехмерками. В этом плане гламур есть ателье, в котором копии и экраны одеваются, чтобы скрыть свое ничто, и достичь максимального сходства с оригиналами. Наконец, копии и экраны

вытеснят и заменят все оригинальное. Уже есть технологии этой замены. Дигитализация разбирает все реалии на цифровые коды, чтобы затем собрать их уже в виде копий и экранов. Угроза вполне реальна для мира и мыслящих существ. Уже сейчас масса экранных уродов, комиксов приучают нас к постбытию в виде копий ничто.

Что же такое есть реальность, если она пронизана образами, копиями, фикциями, виртуальностью, как еж иголками? Ведь копии-фикции, став массовым явлением, подобно паразитам отнимают у реальности силу, энергию, превращая тем самым ее самое в фикцию. Между реальностью и копиями-фикциями идет постоянная скрытая дуэль, переходящая в войну; и результат этого сражения непредсказуем. Реальность вторгается в копии-образы как элемент страха, жестокости, соблазна и самозабвения. А копии-фикции, вторгаясь в реальность, придают ей видимость иллюзии, символа, мумифицируют ее, скрывают сакральные молнии ее возмездия. Не случайно мученики, нищие, страдающие, святые, герои являются врагом номер один для всех копий-образов, ибо их оригинал-реальность не только невозможно скопировать, превратить в образ, но перед реальностью страдания и священного все копии-образы исчезают «как дым».

София-мудрость имеет дело с реалиями, которых не могут сокрушить даже войны, авторами, инициаторами которых всегда являются копии-фикции, восполняющие войнами отсутствие полноценной жизни в своем inferнальном бытии. Копии-образы имманентно ищут себе имманентных свиней, дабы исполнить приказ Христа — стать свиньями и совершить свой последний имманентный прыжок в имманентное никуда!

В то же время София-мудрость позволяет исследовать и решать класс уникальных проблем, истинных проблем «отцов и детей». Будучи решением проблемы самой проблемности, возникающей из разделения реальности на оригиналы и копии, София отвергает ее inferнальную подоплеку и возвращает это разделение в соотношение оригинала и форм его проявлений, оригинала и его продолжения в других, иных оригиналах. В контексте софийного знания соотношение «оригинал-копии» преобразуется в соотношение «оригинал-другой, иной, новый оригинал». Копии-образы подчиняются этой фундаментальной задаче софийного философствования, ибо проблема «оригиналов-копий» не имеет позитивного, а только inferнальное,

свинское решение — от оригиналов к копиям и далее — вниз, в пустоту и в смрадный мрак.

София-мудрость позволяет исследовать и разрешать класс уникальных противоречий. Будучи разрешением всякой противоречивости, возникающей из паразитизма копий на оригиналах, София заменяет противоречия оригиналов и копий единоречиями оригиналов со своими же оригинальными «детешками», творениями для продолжения оригинал-традиции мироздания. А противоречия любые служат Софии лишь горючим материалом ее смыслового пламени.

София-мудрость позволяет исследовать и просвещать диалектику самой диалектики, преобразая вражду ее противоположностей в триалектику софиологии. Где дерутся двое, всегда выигрывает скрытый «третий»; София вытаскивает на свет за уши этого «третьего инфернала», преобразая всю конструкцию деструктивной диалектики в смысловые и жертвенные взаимоотношения оригиналов и их потомства по закону благодати Великой Святой Троицы. Диалектику как инфернальный блуд копий с оригиналами и с копиями София просвещает и укрощает триалектикой цельного сакрального знания-оригинала, в котором есть оригинал познаваемый, оригинал познающий, оригинал познанный и оригинал непознаваемый, хранящий оригинал самого оригинала — Личность Творца!

София-мудрость не учит, не определяет, не рассказывает, не объясняет, не пророчит, а побуждает человека самому открыть реальность своих невысказанных и невысказываемых смыслов, реально и неразрывно единящих его с Создателем и с другими людьми. София не дает канонов, не плодит «трудов» и «сочинений», а пробуждает сознание, разум, душу и речь, устраивает, настраивает их органы, наделяет их способностями постигать, определять, знать, понимать блага и дары Сущего; она указывает идеальным силам человека пути к истокам неизвестных смыслов, планов, решений, парадоксов, форм и законов Создателя относительно самих людей. Сам человек в поисках своего оригинала выходит на софийный путь, убеждаясь в том, что именно этот путь выше, богаче, загадочней, блаженней всех иных путей, скрывающих свои мрачные тупики в бессознательном.

София дает возможность ощутить, пережить, постичь первичный опыт идеальности, в которой рождаются оригиналы вещей,

заглянуть по ту сторону зеркала, копий, увидеть потерянные человеком реальности. Ибо оригиналы суть истинные властители вещей и самого человека; оригиналы недоступны и недостижимы человеку, но человек доступен и достижим для них, а потому влечение к ним необходимо, дабы сохранить целостность вещей и людей в изменениях и посредством изменений до сроков им установленных. Через Софию-мудрость на мир и человека идет вещание самих вещей, подслушанное, помысленное и обозначенное философией, христианством, искусством как истина. А сами вещи предстают в мире софийном как бесконечный ряд творческих актов, откликов, вызовов, уходящих к истокам мудрости Создателя. Софийность дарит людям способность общаться друг с другом и с вещами не только внешне, не только как с объектами, но и постигать их изнутри, как своеобразные «я», ибо каждая вещь, каждый человек внутри — мудрец, вовне — царь, хотя реально они и соотносятся друг с другом как рабы и скоты. София-мудрость иносказательно, предваряя опыт, чувства, знания (как семена предваряют плод!), просветляет ум, сознание, душу и язык, доводя их до уровня личности и культурной матрицы бытия людей.

Более того, и это, пожалуй, самое важное. София-мудрость есть не что иное, как оригинал сознания, ума, души и языка человека, оригинал самой идеальности бытия, достигшего за свою верность идеальности статуса божественной Личности. Ибо самое простое, неискушенное сознание, самый необразованный ум, самая непросветленная душа, самая неразвитая речь самим бытием своим не просто верят в Бога, а владеют знанием о Нем и даже — знанием об этом знании! Им присуще произвольное понимание, ведение! Им присуща способность терять потерянное, забывать забытое, а тем самым сохранять в себе смыслы, которые неподвластны изменениям, укрощая их неопределенность! Поэтому именно София, а не бессознательное, не физиология, не психология, не информация и даже не логика служат оригиналами, основаниями идеальных сил, самой идеальности, ибо все указанные слова обозначают не позитив, а отсутствие идеальных сил, их дефицит и пропажу в мутных слоях астрала.

3. София и зеркало

В контексте софийных и софиологических сюжетов нельзя обойти и проблемы, вещественным символом которых стало зеркало.

Дело в том, что взаимоотношения Софии-мудрости и Бога, Софии и человека, Софии и мира, Софии и вещей, Софии и ничто никак не укладываются в гносеологические парадигмы европейской мысли и науки.

Софийность не выражается через *субъектно-объектные отношения*, ибо София не может лишиться статуса субъекта и стать объектом. Поскольку София — субъект познания и придает это качество людям, то, сделав ее объектом, мы потеряем Софию и само познание; а, сохранив познание, мы не познаем Софию в нем! Безвыходный парадокс!

Софийность не выражается через взаимоотношения *оригинала-копии-образа*, ибо она не только образ-копия, не только подобие Бога, а личностное проявление Его творящей мудрости. И в соотношениях с миром и человеком София выступает как их внутренняя смысловая причина, движущая и управляющая, как оригиналами, так и копиями, подчиняя их интересам оригиналов.

София выражает отношения между отсутствием оригинала и его появлением, между данным оригиналом и его новыми качествами, между различными оригиналами, между оригиналом и его созидательной силой. В общем плане София выражает творческие потенции идеального, которое не просто и не только отражает налично данную реальность, — что делает любой человек, любой бес и без Софии, — но претворяет ничто в бытие, созидает новые оригиналы и новые качества, формы уже существующих оригиналов. Софийность — это идеальное праначало, которое служит целевой причиной, основой всего существующего, удерживая его от деградации и распада, в том числе — и от распада на сумму копий-образов. И это идеальное начало, созидая и определяя мир вещей, людей, идей, само должно оставаться неопределенным. Во всех случаях София-мудрость не является зеркалом, не отражает, не творит копий-образов, а всегда работает только с оригиналами сущего. Зеркалом ее можно назвать только метафорически как мастерицу. А вот в чисто человеческом познании и деятельности зеркало незаметно превратило всю жизнь в свою жертву.

В серьезной и шокирующей книге С. Мельшиор-Бонне «История зеркала» исследуется противоречивая и загадочная суть этой вроде бы невинной и полезной вещи повседневного обихода. Какие страсти кипели в истории вокруг зеркала! Целые государства (Италия и Франция) на исходе Средневековья использовали всю свою мощь для

сохранения тайны изготовления зеркала! Какое поразительное невежество и неисправимая тупость современного человека, не подозревающего, с чем он поистине имеет дело, что он поистине делает, глядя в зеркало! Какое поразительнейшее и воистину ужасающее воздействие оказывает эта вещь-символ, предмет инфернального обихода и сладостного суицида на людей!

С древних времен и по наши дни зеркало — необходимый атрибут жрецов, колдунов, магов, колдунов, ведьм. В Древнем Египте зеркала клали в захоронения, чтобы оживить в загробном мире лицо покойника. Зеркало породило множество мифических, фольклорных сюжетов. Согласно одному из мифов, хитроумнейшая Гера, ревнуя Зевса к земным красавицам, подарила людям различные игрушки, среди которых было и зеркало; и вот теперь женщины большую часть времени проводят перед зеркалом, любясь самими собой, и не высматривают богоподобных любовников. Иногда боги дарят героям зеркала, имеющие целевое назначение. Так, Персей победил горгону Медузу, обладающую окаменяющим взглядом, посредством зеркального щита, изобретенного и сделанного коллективным умом всех олимпийцев. Почему и как сие произошло? Сама Медуза была своеобразным видом смерти, которая из живого делала копии-муляжи? Зеркало же имитирует, моделирует вещи, представляя копии-образы, двойники предметов. И вот в подарке богов Персею Медуза встретила себя; таким образом, в щите-зеркале Персея встретились две смерти, взаимоуничтожившие друг друга; если два минуса при умножении дают плюс, то живая копия самой живой копии дает новый минус — гибель копиопроизводителя. Получается некий уроборос, змея, жалящая и заглатывающая самое себя. И в этом плане зеркало можно было бы считать волшебно-позитивной вещью, в которой смерть видит себя якобы живой, и тем самым уничтожает себя. Невинное зеркало стало бы сакральным оружием против смерти, которая не может избежать встречи в зеркале с самой собой! А поскольку ее функция заключается в том, чтобы все мертвить, то исключения она не делает и для самой себя. Парадокс, но смерть погибла бы от зеркала! Но... но! Смерть не погибает от зеркала, а скрывается в нем, обретая в нем жилище, защищая его от познания и защищаясь им от познания ее сути.

Зеркало обладает и губительными, инфернальными и демоническими свойствами, незаметно высасывая из людей и вещей бытийную, смысловую и жизненную силу, разменивая ее на

бесконечную сумму копий-образов Демокрита. Нарцисс, увидев свой образ в воде, влюбился в себя настолько, что забыл о жизни и зачах, являясь в этом плане прародителем жертв компьютерных игр. И не только вода, но все окружающие человека вещи являются в той или иной мере зеркалами, которые незаметно, непрестанно и неуклонно воруя посредством копий-отражений жизнь человека, смысловое содержание бытия, ускоряя приход смерти. Поэтому боги сочли, что любое зеркало — преопаснейшая вещь, которую от людей нужно прятать, как от детей спички. Кстати, Персей все-таки погиб от Медузы; используя ее голову-зеркало в корыстных целях, умерщвляя ею невинных стариков и детей, он вызвал на себя возмездие богов, которые по-простому убрали героя из жизни вместе с его сакральным и демоническим зеркалом. Парадокс, но человека убивают зеркала!

Правда, в символической сказке А. С. Пушкина зеркало выступает как бы в роли объективного судьи, да еще в таком сложном и скользком вопросе, как женская красота.

«Свет мой, зеркальце, скажи,
Да всю правду доложи,
Я ль на свете всех милее,
Всех румяней и белее».

Зеркало объективно ответило, что все же царевна красивее мачехи во всех отношениях. Но эта правда привела к гибели царевну, которую спасла любовь, а не зеркало, которое избегало дискурса со своей жертвой; да и красота ее не нуждалась в зеркале. Парадокс, но даже объективная правдивость зеркала опасна для человека.

Зеркало плодит и свою самостоятельную реальность Афродита родилась в море, а водная гладь — первое зеркало, в котором женщина осознает силу и мощь своей красоты.

Средневековые категорически отвергало зеркало, видя в нем ни мало, ни много, как... зад дьявола!³⁵ Сильно сказано! Интересно, что дьявол и бесы, всякого рода чудовища избегают зеркала, видя в нем нечто опасное для себя, нечто, обезоруживающее их мощь. Ведь они сами являются некими копиями, зеркалами, питающимися энергиями оригиналов жизни. Есть роковые и неведомые связи бессознательного и зеркала; поэтому то и другое служат пристанищем, рабочим местом чудовищ, бесов, призраков. В романе века М. А. Булгакова демоны выходят из зеркал и прячутся в них, но сами в них не глядят. Станный обычай: в доме умерших зеркала закрывают, остерегаясь, как бы

зеркало не превратило мертвого, случайно ставшего образом зеркала, в призрака. Нет, средневековую оценку зеркала — зад дьявола так просто нельзя отбросить. Зад дьявола, вообще зад — необходимая часть жизни, но она должна быть на своем заднем месте, а не торчать перед лицом. И оценивать человека нужно не только по виду, по одежде, но и по его сакральной сути, по его умениям и нравственной силе, которую не обнаружит даже зеркало самого зеркала.

Кстати, деревня с настороженностью относилась к зеркалу, ответив на его экспансию поговоркой: «разбилось в доме зеркало — жди беды». Крестьянское здравомыслие чувствовало, что зеркало в обмен на свои образы отнимает у людей душевное равновесие, здоровье и покой, принуждая их постоянно тревожиться из-за каждого прыщика и ждать беды! С зеркалом в доме поселяется неизвестный жилец с неизвестными правами и возможностями! А раз неизвестными, значит, нечистыми!

Зеркало утраивает или расстраивает реальность: есть предмет, есть его копия-образ в зеркале, и что-то есть и в зазеркалье! Зеркало показывает «одно», чтобы поглубже сокрыть «другое»! Древнейшая традиция, дошедшая до Платона и Демокрита, предупреждала, что отражения, копии-образы суть особые двойники человека, а потому смотреть на свои отражения опасно, ибо они тогда покидают тело, унося с собою и душу живую. Подлинными и живыми зеркалами для людей являются друзья и возлюбленные, в чьих глазах и душах они видят не свои копии, а свои оригиналы. Отражения воспринимались традицией как проявление чего-то тайного, сокровенного, сокрытого, чего не следует и открывать. А иллюзорная, оптическая свобода отражений сразу же была поставлена на службу гаданию, колдовству, магии, мистическим и волшебным опытам.

Какие жертвы были принесены на псевдоалтарь зеркала в ходе его экспансии! Крестьянам зеркала навязывали насильственно, как кабаки! Но, увы! Зеркало незаметно и постепенно отучило людей от самонаблюдения, самоосознания и самоанализа его души и жизни, сделав самооценку человека чисто вещной и внешней. Неживая вещь стала мерой живого человека, который сообразовывается во многом с ее показаниями. Зеркало незаметно и фундаментально искажает пространства и его обитателей, меняя местами правое и левое, соответственно — деформирует восприятия и сознание. Благодаря технике фотографии, кинематографа, интерна(е)втики власть копий-образов над оригиналами кажется неодолимой! Но только кажется!

Вот несколько фактов из чудной книги С. Мельшиор-Бонне. Страшно ревнивый любовник, узнав об измене своей подруги, закрыл ее на пару дней в комнате, где было все необходимое для жизни, но стены в ней были сплошь покрыты зеркалами. И что же? Вскоре любовь стала отвращением, и дама сошла с ума, будучи не в силах долго вынести преследующий ее же собственный взгляд. Другой любитель зеркал непрерывно смотрел в них, пытаясь уловить в них непостижимую тайну своего взгляда; и вот однажды зеркала превратились в лабиринт, в котором мелькали тени соблазнительных и манящих женщин-хищниц. Метафизически наивный человек потерял контроль над собой и пустил свое сознание на самотек, а утром его нашли лежащим у зеркал, в безумии истекающий кровью. Чем больше смотришь на себя, тем меньше себя видишь, понимаешь, тем больше себя забываешь, тем больше отдаешь своей жизни зеркальному анониму. Взгляд на себя в зеркало — это акт мгновенного безумия; и если долго смотреть, то придет и полноценное безумие. Зеркало и безумие — близнецы, забывающие то, что они видели, дающие искаженную картину мира, находящуюся во власти иррациональных фантомов, призраков, недоступных разуму и смыслу.

Есть «заболевание», когда человек не может идентифицировать себя, и не узнает своего отражения в зеркале; после того, как он сам разбивает зеркало, он исцеляется, но зеркало ему больше уже не нужно. Он видит себя в себе без зеркала! Здорово!

Селезень после гибели подруги постоянно держится у зеркала, воспринимая себя как свою подругу. А вот собак не провести: когда хозяин гладит собаку перед зеркалом, оно все равно смотрит на хозяина, всячески избегая зеркала. Видимо, люди любят собак потому, что они неспособны к притворству. Шимпанзе в одиночестве не отличали себя от образа в зеркале, а в стаде быстро учились распознавать себя через общение с другими особями, но не с зеркалом.

В корейской сказке XVIII в. жена торговца Пака мечтает о покупке зеркала. Найдя вожделенный предмет, она удивленно обнаруживает стоящую с мужем незнакомую женщину; дело в том, что жена Пака впервые увидела свое отражение и не узнала, что стоящая с ее мужем женщина, и есть она сама, а не любовница мужа. Дальше еще хуже; сам Пак, не узнавая себя в зеркале, принял себя за любовника жены; последовали ссоры, ругань и супруги отправились к чиновнику, чтобы тот рассудил их, взяв с собой зеркало. Но чиновник, в ужасе

увидев себя в зеркале, считает, что пришел его преемник, а его самого отправили в отставку. Глубокий смысл сказки прямым текстом говорит человеку, что рано или поздно зеркало отправит его в отставку, заменив его копией-образом.

Ж.П. Сартр представлял ад как мир, в котором нет зеркал, в котором все взгляды людей друг на друга становились материальными ударами. Правда, Сартр забыл, что такое возможно только с людьми, получившими гражданство в аду! А чем им могли бы помочь зеркала? Они ведь удара не выдерживают!

Зеркало всегда будет тревожить человека, ибо он не сможет уйти от мысли, что в зеркале скрыто живет нечто трансцендентное, непознаваемое, и ему известны все желания человека. «Зеркало дарило человеку обманчивый образ и пустую, бессодержательную, нереальную видимость; сходство, предлагаемое зеркалом, одновременно привлекало и вводило в заблуждение, если оно не отражало божественный лик».³⁶ Ибо истинность присуща лишь божественному взгляду. А что отражает зеркало, глядящее в другое зеркало днем и ночью? Пустоту и мрак! И XX в. подтвердил это, создав мир зеркальных джунглей; но в этом мире преобладают мотивы пустого, разбитого зеркала, скучного и приторно интересного зазеркалья. Странно и страшно: чем больше вокруг зеркал, тем меньше оригиналов вещей и людей! Мир становится одним глобальным зеркалом, отражающим пустоту и ничто, вернее, приглашающим людей стать обитателями этого мира-негатива.

В зеркале оригинал человека сталкивается с мастерски сделанной подделкой самого себя; если обличение фальшивых денег требует немалых умений, то обличение мнимого человека почти невозможно. Мошенничеством и софистикой являются рассуждения о том, что зеркало-де позволяет человеку познать себя, невидимые миры; тогда лучшим знатоком человека является тот, кто больше других глядится в зеркало. Зеркало представляет в себе «пространство шизофрении»,³⁷ незаметно перемещая человека в некое пограничное состояние между бытием и притягивающее к себе неконтролируемыми и неуправляемыми иллюзиями, слепящей бездной. Триумф зеркала над человеком стал возможен вследствие отказа людей от сакральных ценностей, посредством которых человек, познавая себя, познавал и обогащал новыми смыслами себя и «других». Зеркало возбуждает неутолимое любопытство, которое истощает человека, незаметно изливающегося и уходящего из себя в зазеркалье ничто. Зеркало-вещь

служит средством чудовищного обмана: человеку кажется, что в зеркале он изучает самого себя, а фактически посредством зеркала некий аноним изымает у него идеальные силы жизни, незаметно обесмысливая и пожирая ее. «Зеркало не является свидетелем нейтральным, пассивным, беспристрастным. Оно само идет в наступление, наносит ущерб и предает, когда его не протягивает субъекту любовь; психоаналитик формулирует это так: если первое зеркало, т. е. взгляд матери, не ответило, то тогда зеркало становится предметом опасным, угрожающим, предметом, на который не осмеливаются смотреть... Зеркало, предстающее в качестве господина, повелителя и великого мастера символов, представляет собой также лабиринтообразное пространство, уклоняющееся, ускользающее от любого способа коммуникации, от любого общения, пространство, представляющее угрозу для человека, оторванного от окружающей действительности и замкнувшегося в себе, для человека, страдающего аутизмом».³⁸ Ибо в зеркале сидит нарциссический аноним, плодящий страхи и кошмары, роющий могилу идеальным силам человека. В зеркале дан первый опыт клонирования человека; и этот опыт предупреждает об опасности этого дела, ибо возникший двойник, не успокоится до тех пор, пока не займет место уничтоженного оригинала.

И в философию зеркало принесло всю свою противоречивую, наивную и коварно губительную суть, став в качестве теории отражения основным оружием возмездия, посредством которого она вершит патологический приговор над собой и над миром. Законченным воплощением философского зеркала стал постмодернизм, объявивший симулякры, т. е. копии без оригиналов единственной реальностью, которая на всех парах мчится на свалку отбросов.

Только погрузившись в пучины и лабиринты зеркал, копий и образов можно в полной мере не то, что понять, а хотя бы оценить роль и значение религии, Софии-мудрости, хранящих в себе оригиналы сущие, без чего все эти физические, оптические, inferнальные игры с зеркалами и копиями завершаются командировкой в никуда.

Нет, от религиозного трагизма в понимании и порицании зеркала как местообитания обликов дьявола и смерти так просто не отмахнуться.³⁹ Хотя в современном десакрализованном мире, где жизнь и смерть сливаются в порочных объятиях, дьяволу и смерти, утративших свои священные смыслы, вроде уже нечего делать, разве что оформлять свои дела в пенсионных фондах.

Ибо только Бог, Его премудрость София являются не просто зеркалами, в которых вещи и люди видят, созерцают себя, а самодостаточными творящими оригиналами, с которыми возможны общение, диалоги, встречи, откровения, в которых люди и вещи узнают, видят себя, сохраняют себя как оригиналы от оригинала Сущего, а не только как его образы и подобия. Познать себя, стать самим собой можно не через свою же копию в зеркале, а через обращение к своему оригиналу в идеальном мире души, сознания, ума и языка. Истинным зеркалом являются оригиналы вещей и людей, в которых человек встречается с собой и с Творцом «лицом к лицу». Познать себя возможно лишь в крестном общении с Богом, лик которого устанавливает истинность и подлинность человека. Всякая вещь и существо могут общаться лучезарными оригиналами своих крестных смыслов, а не только посредством копий-образов. Крест — вот зеркало всех зеркал, в которых лукавый тщательно скрывает этот их оригинал. Понятно, почему зеркала стали самой распространенной вещью обихода; проще почитать себя в зеркале, чем помнить о крестных муках Спасителя. Понятно и то, почему обычные зеркала искажают образы, перевертывая их в пространстве, сводя их к двумерности и покрывая чувственной пеленой; в них лицо встречается не с лицом, а с двумерной картинкой. Христианин пронзает взором эти зеркала и видит в них и за ними пустоту и ничто, алчущих преображения в нечто. Зеркало есть краткий конспект старения и умирания человека, который видит всегда только обложку этого конспекта, но не его содержание. Между оригиналами и их отражениями нет взаимонеобходимых связей; отражения нуждается в оригиналах, а оригиналы вполне обходятся без отражений, выявляя и проявляя свои натуры во взаимодействиях друг с другом. Отражения — паразитические, вампирические, виртуальные стихии, замыкающие человека в душегубке нарциссизма Триумф фотографии и виртуальности завершает процесс «демократизации нарциссизма».⁴⁰

Нет, зеркало вовсе не безобидная, мертвая и послушная вещь человеческого обихода! Оно представляет мертвое в облике живого, оказывая коварные услуги; поскольку фундаментальными измерениями человека являются жизненность и смертность, то в качестве живого трехмерного существа, глядя в зеркало, он видит себя же в качестве неживого двумерного двойника, притворяющегося живым. А поскольку одновременно и в одном и том же месте невозможно быть живым и

мертвым, то кто-то должен уйти. Аноним в зеркале и говорит человеку: «Иди, иди ко мне, да поскорее; здесь тебя ждет беззаботность и веселье!». Вот почему человеку крайне трудно, да и невозможно вынести свой же взгляд, направленный на него из зеркала. Ибо в этом взгляде на него смотрят истина его жизни и смерть его истины!

И только софийная целостность идеального защищает человека от пагубных сил анонима в зеркале, подчиняя взгляд-отражение пониманию, в котором исчезают призраки зеркала, а проступает внутреннее содержание человека, может быть, и нежелательное, но целительное, ибо оно осенено софийным смыслом. Вне благодати софийной лицезрение себя в зеркале напоминает больного, употребляющего все лекарства подряд только потому, что они лекарства! И поскольку Запад предпочел Логос, который выражает технические аспекты идеального, то именно на Западе зеркало стало логосным инструментом и начало свое триумфальное шествие в мире, гипнотизируя и галлюцинируя сознание людей, не ведающих, что с ними творят посредством зеркал.

София-мудрость не зря предостерегает: «Кто нашел меня, тот нашел жизнь, и получит благодать от Господа; А все ненавидящие меня любят смерть» (Прит. 8. 22-31, 35-36). Кто не любит, не признает и не принимает Софию-мудрость, того полюбит, оценит и призовет смерть еще и при жизни. Но поскольку бесформенность смерти ужасает, то она скрывает свою пагубность в различных наслаждениях. Зеркало—не последнее из них.

Все же мифы, Отцы Церкви, христианские теологи, многие светские мудрецы и моралисты были не желчными занудами, а полнокровными людьми; они снисходительно относились ко многим слабостям и порокам людей, но с зеркалом они не допускали никакого компромисса! Разве только в метафорах! Само отражение человека возможно лишь посредством живого — реального и духовного — общения оригиналов людей друг с другом и посредством софийного общения с Оригиналом всех оригиналов. Если при этом нужны копии-образы, зеркала, то они должны служить познанию и самосознанию оригиналов, а не анонимам, сидящим в них!

Сладко-соблазнительная и анонимная диктатура зеркала наглядно свидетельствует о глубине отпадения и безвозвратного удаления человека от самого себя, от своего оригинала — идеального существа, созданного Личностью идеального и призванного хранить,

лелеять, возвращать, эту идеальную субстанцию мироздания, обогащать ее смысловыми ресурсами мысль, язык, душу и сознание, а через них приобщать к мистерии идеального все существующее. Через идеализацию содержание мира находит новые пути движения к своим оригиналам, к своим местам в вечности; эта же идеализация человеком сущего оправдывает его жизнь, его достоинство и назначение. Именно человек несет в идеальной своей субстанции неведомый и для самого себя оригинал мира; и в общении с этим оригиналом все существующее видит себя в сути своей и без физического зеркала. Замена идеального видения вещественными, иллюзорными копиями напоминает мертвящий взор горгоны Медузы, мгновенно обучающей людей быть вещами; а сами вещи сами по себе никогда не узнают об идеальном, не увидят в нем свои оригиналы, навеки останутся «вещами в себе» под заунывный метафизический стон Канта. Но зеркало — это и своеобразный поцелуй смерти, запускающий алгоритм умирания. Нет, основатели Христианской Церкви очень хорошо и очень много знали о загадках зеркала, но они знали и то, что должно быть и такое искушение. Горе тем, кто стал его пассивным материалом!

Именно софийное мышление раскрывает, что не человек глядит в зеркало, отражается в нем, а демонический хозяин зеркала посредством этого инструмента вонзается в человека и в предметы, воруя их облики и энергии для нужд inferнального мира. Поэтому в сакральном плане не человек и вещи отражаются в зеркале, а само зеркало есть взгляд и вопрос потревоженной истины, которая с укоряющей угрозой спрашивает: «Чего смотрите? Зачем уставились? Почему не живете праведно, по законам оригиналов своих?». Но этот взгляд и вопрос истины, ее угрозы может воспринять лишь религиозно и метафизически грамотный человек. Но чаще всего оригиналы людей читают и конспектируют демоны — копии-образы греха и возмездия.

Софийность — духовный якорь, общий принцип религии, философии, науки, искусства и жизни; она — во всем, она — везде, она — основание идеального всеединства сущего, смысловая связь ума, души, сознания и языка со своими высшими состояниями, уровнями, носителями; она определяет меру понимания человеком сакральную мира и самого себя, вообще, меру их бытийности и свободы от ничто.

Софийность напоминает человеку, что создан он не для смерти и тления, не для удовольствий и богатств накопления, не для плутаний в дебрях ничто и в безумиях мнений, а для постижения своей

знаниевой природы, знаниевой цели, знаниевого назначения и знаниевого оригинала. Дуновениями духа и дыханием души София нежно шепчет, что каждый человек должен узнать, познать и полюбить нечто такое, что не по силам никаким другим людям и даже — ангелам. Именно этим софийным вкладом в богатство мироздания оправдывается жизнь каждого пришедшего в мир человека!

4. Идолология Демокрита и идеология Платона

Впервые фундаментальность противоречия оригиналов и копий была осознанно представлена в философии Демокрита, который и предложил его решение в плане нигилистического реализма, ядерного демонизма и магического антропологизма.

Согласно Демокриту, мир, вещи, люди состоят из атомов и пустоты. Атомы представляют собой абсолютную плотность, непроницаемость бытия, не допускающего в себя пустоты. Беспредельна и пустота, дышащая небытием бытия. Управляет же атомами и пустотой, динамизмом вещей, необходимостью; а потому «мир неодушевлен», и все в нем «происходит неразумно». ⁴¹

Кошмары атомистики коренятся в вопросе о сути заблуждений. Откуда берется ложное и что оно вообще собой представляет? Если все вещи, душа, ум, само знание состоят из атомов и пустоты, управляемых необходимостью, то откуда в этой честной кампании появляется ложь, некий Икс, несущий в себе то, чего нет и не может быть среди творений, состоящих из атомов и пустоты?

Вначале Демокрит пытался объяснить ложь спецификой чувств, искажающих истину. Но вскоре он убедился в абсурдности такого подхода, ибо получалось, что чувства, состоящие из атомов и пустоты, постигая вещи, тоже состоящие из атомов и пустоты, создают нечто иное, чем атомы и пустота. Затем Демокрит исток заблуждений стал искать в мнениях людей, якобы искажающих истину. Но мнения тоже состоят из атомов и пустоты; повинуюсь только необходимости, они не могут принести с собой нечто Иное, т. е. Ложь. И ум не в состоянии объяснить, каким же образом из атомов и пустоты появляется неатомная и непустотная штука, т. е. ложь.

И Демокрит вводит аксиому, которая превращает атомистику в ядерную и ядреную мистику. Из всех вещей исходят невидимые

образы-подобия; Демокрит называл эти *образы демонами, идолами, призраками, копиями*. Попадая в органы чувств, эти образы порождают знание, а их смешение создает ложные представления, например, кентавр. Посредством этих образов вещи взаимодействуют, а люди воздействуют друг на друга. Образы (призраки, идолы, демоны) есть божественные и природные, огромные и малые, живые и неживые, полезные и вредные, известные и неизвестные.

На эту доктрину оживленно откликнулись почти все ученые, богословы и философы античного мира, ибо она давала, как казалось атомистам, убедительное объяснение познания и сути заблуждений. Оформившись в принцип («парадигму») эманации, эта доктрина стала гносеологическим принципом всей нехристианской истории культуры. Эта доктрина стала основой теории отражения В. И. Ленина, методологией инфернальных «искусств» и оккультизма. Но мы ограничимся лишь античной атомистикой.

Итак, кроме атомов, пустоты и состоящих из них вещей, мир полон еще и образами, идолами, демонами, видениями, отпечатками, призраками, духами, тенями, формами. Без этих агентов невозможны сами атомы, пустота и знания.⁴² Но какова природа, онтологическая роль этих образов (демонов, призраков) в атомистике?⁴³

Ведь если объективные образы суть тончайшие тела, исходящие из более твердых тел, в том числе и из самих атомов, то тогда рушится сама идея атомов как неделимых первотел, ибо из них исходят в качестве их частей другие тела – образы. Если же без образов ничего нельзя ни воспринять, ни помыслить и если атомы в силу своей несокрушимости не испускают образов, то откуда мы можем узнать тогда о самих атомах? С образами атомы теряют неделимость, без образов они теряют познаваемость. С образами атомы являются уже не «стойматериалом» мира, а самостоятельным миром со своими живыми обитателями. Без образов они становятся непознаваемой «вещью в себе», или знание о них доступны лишь магам.

Демокрит не замечает, что допускаемые им объективные образы более совершенны, чем вещи, от коих они изливаются. Эти образы могут быть одновременно в разных местах; они могут быть в вещах и вне вещей, в человеке и вне человека; они могут представлять бога и сами быть «божественными силами». А это значит, что атомы и пустота в образах оформляются в нечто единое некоей тайной силой, которая властвует над этими мнимо абсолютными началами.

И эта тайная и страшная сила является подлинным принципом атомистики, ее скрытым субъектом, определяющим функции атомов и пустоты во вселенной. Именно эта сила, действующая посредством идолов-образов, превращает атомистику в демонологию. Эти живые образы (демоны, идолы) являются уже самостоятельными микросубъектами, наподобие лилипутов Дж. Свифта, только гораздо меньше их и гораздо активнее их. Этот аспект образов крайне труден для анализа и понимания, ибо очень мало сохранилось текстов по данной теме, да и сами идолы достаточно защищены от любопытных взоров науки. Не случайно за Демокритом издревле прочно закрепилась слава ученого, способного «думать о темных и не поддающихся научному объяснению предметах».⁴⁴ Приоритет среди неподдающихся науке объектов занимают образы-идолы Демокрита. Даже в физическом плане образы-идолы составляют целый мир созданий, теснящихся и рождающихся внутри атомов. И поскольку образы-идолы непрерывно истекают из атомов и вещей, а обратно беглецы не возвращаются, то все предметы и их первотельца постепенно исчезают в этих образах, которые затем где-то и как-то исчезают.

Но если были бы только истечения образов из вещей без обратного их втечения, то все сущее слилось бы в пустоту небытия. Значит, атомы и вещи, ставшие образами (идолами, призраками), постоянно и вновь каким-то способом возвращаются к бытию. На этот счет у Демокрита нельзя найти никаких суждений. Но можно предположить, что все эти образы-духи, образы-идолы и образы-призраки конструируют себе жилища в виде атомов-домов и вещей-городов. И теперь уже не атомы и вещи порождают образы-идолы, а сами эти образы служат непосредственной причиной атомов и вещей. С этой стороны атомы, вещи (да и материя в целом) являются прибежищем, местообитанием образов, демонов, призраков и др. Атомы, вещи являются как бы телами, организмами образов-духов, идолов, создающих собственной активностью себе панцыри, дома и убежища.

Соответственно, высшим типом человека для Демокрита являются маги, волшебники, чародеи, колдуны, которые могут произвольно вызывать образы-подобия, копии вещей и людей, воздействуя посредством них на оригиналы, изменяя их, подчиняя их заклинателям. Демокрит считал себя магом, способным видеть и без глаз,⁴⁵ а, подчиняя своей воли образы-демоны, он практиковал медовое

омоложение и продление жизни, даже — воскрешение из мертвых. Главное — договориться о сотрудничестве с образами-демонами!

Атомные дома этих ядерных лилипутов людям не следует разорять, как не следует вообще разорять природу. Ибо невидимые и многочисленные обитатели атомов сумеют отомстить свои разорителям самым ужасающим способом. Поэтому всяк человек, расщепляющий атом, неизбежно будет сам расщеплен на атомы этим расщеплением под руководством и надзором образов-демонов, живущих в атомах. Таков демонический смысл радиации.⁴⁶ Неделимость атомов – это не столько физический, сколько оборонительный принцип образов-идолов-демонов-бесов и аморально-безумный принцип физиков, вздумавших обуздать демонические силы, которые и являются хозяевами даже наших мордашек в мире массовых зеркал. Ох, не просты, очень не просты самые простые образы! А какое коварство таится в их нематериальности! Образы верят, что оригиналы есть их творения, а посему они должны по законам диалектики и аморалки служить донорами образного потомства (образомства!). Демокрит излагал языком атомизма черную магию фригийских колдунов, которые посредством эвокаций вызывали демонов; а атомистика служила эмпирическим разъяснением эвокаций. Ядерные взрывы раскрыли подлинную суть «философии эвокаций» Демокрита настолько популярно, что ее постигли даже нобелевские лауреаты.

М. Борн утверждает, что в современной науке «слово «атом» употребляется... как синоним науки», и что «наше поколение собирает урожай, посеянный греческими атомистами».⁴⁷ Урожай-то оказался неожиданным и ужасающим. И не ученые, а демоны собирают урожай. Сам М. Борн хотя и на склоне лет, но понял, кому он реально служил в качестве физика и кому вообще служит наука как синоним «атома»!

Вот как описывает М Борн свое просветление: «Мы – атом и я – были дружны до самого последнего времени. Я видел в нем ключ к глубочайшим тайникам природы, и он открыл мне величие творения и Творца. <...> Но теперь он стал источником глубокой печали и опасений как для меня самого, так и для каждого человека. Со времени уничтожения Хиросимы и Нагасаки атом стал **чудовищем**, угрожающим уничтожить и нас. Мы сами вызвали духа, который какой-то миг нам верно служил, но теперь вышел из повиновения. Как это случилось? Разве нельзя было предвидеть, что созданное нами **существо** (Курсив мой – Н. Ш.) когда-нибудь перерастет нас и станет опасным? Не лучше

ли было не иметь с ним никакого дела? Или еще в нашей власти приручить его и использовать в качестве слуги?».⁴⁸

Поздно, господа ученые невежды! Вы, физики, изучаете атомы как материальные частицы, чтобы затем, расщепляя их, добывать из них энергию для поджаривания гамбургеров и японцев. Но в итоге из атома вылезает дух-Чудовище, который превращает мир в пороховую бочку и грозит уничтожить человечество. Ну, отчего, отчего, стало так нехорошо? Да ведь вы, физики, сами на самом ученом немецком языке черным по белому записали, что атом не только материальная частица, но и дух. Что отсюда следует? Правильно, отсюда следует, что во взаимодействиях физиков с атомами участвует ещё один род существ – духи, демоны, чудовища. А что следует отсюда? Что не только люди-физики интересуются атомами, но и атомные духи интересуются людьми, желая знать, отчего же человек так заинтересовался ими, что даже задумал их взрывать. И духи не просто любят героическими формулами физиков, которые поистине с нобелевской непробиваемостью не замечают этих духов даже тогда, когда вместе с ними сочиняют книги о причинах бедствий человечества. Духи действуют, защищаясь и нападая. Людям нужна энергия духов, а они нуждаются в энергии, возникающей из мучений и гибели человечества. Людей, потревоживших демонов в атомах, демоны не оставят на земле, а отправят к себе на родину в качестве сувениров бытия.

Кстати, атом в строгом смысле слова квантовой физики представляет не по аналогии с планетарной моделью, а трактует его как *петлю*, состоящую из меньших петеленечек. Частицы только кажутся нам частицами, а реально они являются колебаниями петель, ожидающих своих жертв. О, сколько нужно было учиться, чтобы понять смысл изречения: «Самому сунуть голову в петлю!». Оказывается, для этого нужно всего-навсего изучать атомную физику, которая может обеспечить петлями все человечество. И «процесс пошел!». Ядерное оружие — это петля; ядерная энергетика — это петля. И петля эта медленно, но неотвратно затягивается на шее обезумевшего человечества; вместо того, чтобы искать средство, с помощью которого можно ускользнуть из этой петли, прогрессивное (в своем безумии!) человечество само ускоряет ее затягивание, тупо продолжая талдычить, что без атомного технобесия прожить никак нельзя! А петли все

колеблются и колеблются, выбирая подходящие для себя головы и шеи, остановившись пока на японцах!

Для Платона в качестве оригинала всех возможных оригиналов выступает Благо-целостность, в которой все миротворные силы, все существующее, все боги и сама судьба организованы в единый упорядоченный, гармоничный, прекрасный и таинственный Космос, подчиняющий себе даже силы хаоса и Аида. В Космосе целое служит частям, сохраняя их автономию и свободу, наделяя их бытийными и смысловыми функциями, а части самоустраиваются по форме и аналогии с Космосом, становясь в итоге микрокосмосами. Человек — высший тип микрокосмоса, ибо он создает свою космическую миротворную сущность. Но и сам Космос есть проявление вечной мудрости, Знания, творящего из самого себя, из глубин своих первосмыслов мир и все его формы; эта вечная мудрость дает бытие, жизнь, умения, способности, искусность оригиналам, истине, идеям и копиям в формах вещей, уделяя самую малую долю реальности даже копиям копий, теням, призракам. Первомудрость как Единое и Благое начало всех начал призывает на сцену мира все свои творения, формы, силы. Первомудрости присущ целостный и совершенный Ум, который умеет творить цели, преобразовать хаос в организованные создания, самостоятельно добывать знания и придавать материи новые формы.

Но во взаимоотношениях Благо-оригинала и его копий нужно третье начало, которое присутствовало бы и в оригиналах, и в копиях, которое бы устанавливало их мерные соответствия. И таковым третьим началом являются идеи, образующие особый мир, стоящий между вечным Благом и преходящим многообразием вещей. Суть идей, их опосредующую, созидующую силу ведает лишь философия, которая должна, по Платону, исследовать и устанавливать критерии различения оригиналов и копий-образов, первичной, подлинной реальности и вторичных, производных, мнимых форм ее проявления.

Но мудрость доступна лишь богам, которые одарили смертных людей философией; будучи причастной и к оригиналам, и к копиям, она должна выявлять критерии различения творящего бытия от его вещественных, живых, человеческих и паразитических подражаний. Живым олицетворением, воплощением мудрости в Древней Греции стала грозная богиня Афина Паллада.

Соответственно и качества людей определяются их местом, ролью и функциями в матрице «оригинал-идея-вещь». Ближе всего к

оригиналам находятся мудрецы, жрецы, гении, творящие во всех областях, воспринимающие священные энергии оригиналов и передающие их смыслы посредством идей в мир вещей и людей. Особую роль выполняют философы, которые выявляет идеи, посредством которых осуществляется взаимодействие оригиналов и вещей. Эта небольшая элита выступает в роли свидетелей и судей реальности, различая подлинное и мнимое, формируя основной массив суждений языка. Дальше всего от оригиналов находятся онтологические паразиты, интеллектуальные иждивенцы, софисты, поэты, актеры, музыканты, всяческие подражатели, которые творят из копий новые копии, забывая в итоге полностью о правах оригиналов и идей. Но большинство людей обречено на неосознанный выбор: или двигаться к своим оригиналам, к прародителям своим, или же скользнуть по траектории копий в мир теней и призраков, а далее — в никуда.

Философия возникла в качестве суверенного арбитра, судящего тяжбы оригиналов и копий, подлинного и мнимого. В философии, с одной стороны, присутствует, выражается и высказывается оригинал Софии мудрости (всезнания), а, с другой стороны, философия отражает смысловые константы, которые мудрость расставила в мире вещей, людей знаний, но, с третьей стороны, философия сама создает логосные, моральные подобию и аналоги мудрости. Итак, есть оригинал мудрости Софии, есть ее следы во всех творениях мира и есть философия, в которой светятся и оригиналы, и отражаются смыслообразы мудрости во всех сферах бытия и ничто, и произвольно создаются копии оригиналов и копии копий. Кто властвует над этим пестрым и разнообразным царством знаний, мнений-копий, иллюзий? Кто упорядочивает его?

Здесь возможно только одно допущение. Царицей смыслового мира философии, искусств, наук, владычицей смысловых констант мира, вещей и людей служит именно мудрость Софии, которая нужна для того, чтобы предмет и образ его в зеркале сходились, но не сливались; чтобы они полностью не отделялись друг от друга, но и не подменяли арбузы образами. И чтобы подступиться к мудрости Софии, нужно предварительно очистить путь, к ней ведущий, и человека, ее ищущего. В раскрытии софийного смысла философии, софийных методов Платон достиг предельных высот в дохристианской культуре, опираясь на древнейшие софиологические сюжеты и смыслы мировой культуры.

В. И. Ленин, трактуя историю мысли в плане борьбы материализма и идеализма, связывал материализм с «линией Демокрита», а идеализм — с «линией Платона». В действительности же история мысли есть война софиологизма и демонизма, софиологии и демонологии, оригиналов и копий, проще — знания-оригинала и копии-невежества, ибо невежество в своей сути есть принятие копий за оригиналы!⁴⁹ Софиология и вера софийная защищают человека от страшного мира потревоженных и восставших духов, ставших «ядерными чудовищами» (М. Борн). Есть, есть в копиях какая-то страшная разрушительная энергия, мстящая миру и человеку за свое неполноценное бытие! Поэтому София-мудрость не только обогащает человека своими смыслами, но и защищает его от нашествий копий-демонов, дома-атомы которых этот же человек разрушает. Неожиданно, но София-мудрость имеет самое прямое отношение к ядерному огнебесию. Именно забвение, отрицание Софии-мудрости, которая учит, что с копиями шутки крайне опасны, неизбежно ведет к тому, что Дева Небесная заменяется поднебесными ядерными грибами и грибочками.

О древних духах сих не пой.

Они лишают нас покоя.

Но всё же пой о них своё

Слово софийное живое.

И. В. Гёте не знал апокалипсических последствий расщепления атома. Поэтому он видел иные перспективы в отношениях людей и сверхъестественного. Поэту открылось «нечто, дающее знать о себе лишь в противоречиях и потому не подходящее ни под одно понятие и, уж конечно, не вмещающееся ни в одно слово. Это нечто не было божественным, ибо оно казалось неразумным; не было человеческим, ибо не имело рассудка; не было сатанинским, ибо было благодетельно, не было ангельским, ибо в нем нередко проявлялось злорадство. Оно походило на случай, ибо не имело прямых последствий, и походило на промысел, ибо не было бессвязным. Все, ограничивающее нас, для него было проницаемо; казалось, оно произвольно распоряжается всеми неотъемлемыми элементами нашего бытия; оно сжимало время и раздвигало пространство. Его словно бы тешило невозможное, возможное оно с презрением от себя отталкивало. Это начало, как бы вторгавшееся во все другие, их разделявшее, но их же и связующее я называл демоническим, по примеру древних и тех, кто обнаруживал нечто сходное с ним. Я тщился спастись от этого

страшилища (курсив мой – Н. Ш.) и, по своему обыкновению, укрывался за каким-либо поэтическим образом. Хотя демоническое начало может проявиться как в телесном, так и в бестелесном и даже весьма своеобразно сказывается у животных, но преимущественно все же состоит в некой странной связи с человеком и являет собой силу, если не противоречащую нравственному миропорядку, то перекрещивающуюся с ним – так что первый, то есть миропорядок, может сойти за основу, а вторая – за уток. Для феноменов, порожденных этим началом, существует бесчисленное множество наименований, ибо все религии и философии в прозе и в стихах пытались разгадать сию загадку, раз и навсегда с ней покончить, но, увы, им и впредь предстоит заниматься тем же самым». ⁵⁰ В блестящей умозрительной картине мастера вызывает сомнение лишь бескорыстность страшилища. Да, оно бывает благодетельным к людям, к Богу (!), к вещам, к дьяволу (!), но его трудно назвать бескорыстным. Остается открытым, вернее, закрытым вопрос о цене этих благ. Что ищет оно в мире людей? Чего ему не хватает для покоя? А ведь великий поэт совершил великую подмену. Описанное им чудовище почти совпадает с автопортретом Софии-мудрости!

5. София, Дао, Веды, Логос

Исторически первым типом цельного, софийно обусловленного мировоззрения была мифология, ⁵¹ обеспечившая возникновение и расцвет самых древних общественных укладов, многие из которых сохранились и поныне, не угрожая ни природе, ни другим племенам, ни самому человеку. Мифология стала основанием античной философии, охватив своей истиной смысловые и технические ресурсы разума, логики, Логоса, науки, культуры, социальных и государственных форм. Мифология объединяет и поныне целеполагающие, организующие, познавательные, творческие и смысловые силы человека в единый живой организм, который не знает разрыва мысли и дела, невидимого и явного, справедливости и ответственности, долга и свободы. В мифологии и посредством мифологии создаются проекты-причины изменений мира, возникают сознание, ум, язык и душа человека; миф и мир обогащают друг друга своими замыслами и делами. Поэтому, несмотря на все культурные катастрофы истории, мифология сохраняется и поныне, напоминая человечеству о золотом веке,

подсказывая пути поиска утраченного рая. Мифология — тайный благодетель и хранитель нашего сознания, ума и языка, проекта золотого века и самой философии. Мифы стали первым творением софийной мудрости, первыми учителям и воспитателями человечества.

Затем мифологию сменило искусство, создавшее в эпоху Возрождения универсальное и цельное мировоззрение, которое включило в себя эвристический потенциал естественных и социогуманитарных наук, философии, религий, утопических проектов, мифов, жреческих учений египтян, арабов и халдеев. Но искусство нерелексивно, а потому оно не могло сделать свою софийность доступной даже для элиты. Оно остается и поныне уделом счастливых, избранных Муз; да и они не могут вполне осознать созданное ими мировоззрение, в котором действует воля и мудрость Софии.

Своеобразное софийное мировоззрение создала древнекитайская культура, сделавшая его мощным и эффективным оружием борьбы за место под солнцем. Хотя в этой культуре термин «София» и не используется, но многие аспекты Дао буквально совпадают с ее свойствами. Современный Китай создала и ведет его София — Дао. Поэтому подробности будут не лишними.

Основой этого мировоззрения является загадочно-открытое, постижимо-непостижимое Дао, физической субстанцией которого является небо, а движущей силой его служит действие противоположных начал Инь и Ян. Дао вершит свою волю надеянием, посредством свободы всех обитателей бытия; свобода действий всей стихий, растений, существ наиболее полно осуществляет основной миротворный проект Дао — преобразование усопших в общую субстанцию неба, которое глядит на землю глазами неисчислимых поколений китайцев. И как непреходяще небо, так и непреходяща связь родителей и детей, создающих единое этническое небо китайское. Дао является и мировоззрением, и самим миром, и незримым перводвигателем всех элементов, стихий и форм существующего. И философия служит методом, техникой познания великого властителя — Дао. Даже философия социализма нашла работу в небесной канцелярии Дао и в земных заботах Инь и Ян, обустроивающих бытие. Чтобы осуществлять свои сокровенные цели, люди должны стать сотрудниками Дао, сознательно исполнять его волю.

Анаграммный анализ Дао обнаружит в нем созвучия странные: Дао соединяет в себе и творчество «О, Да», («Да будет свет!»),

и Ад («О, Ад»), и Радость («ОДА»), и начала мира («До А»). Даосизм — поистине целостное мировоззрение, охватывающее предбытие, бытие, сверхбытие всех элементов мира, их продолжение в тайных недрах Дао, околодаомного ничто. В китайской культуре не человек стремится к вечности, а, наоборот — сама вечность незаметно участвует во всех деяниях человека, направляя их через Дао к совершенству. Не люди ищут, спрашивают Дао, а само Дао уже нашло нужных ему людей и мягко, но неотвратимо направляет их волю. В Дао, как и в Софии, есть все, все.., кроме уныния, отчаяния, психоанализа и постмодернизма.

Вот краткий автопортрет Дао, безличного и анонимного устроителя природы и Китая посредством своих неутомимых слуг Инь и Ян. «Как будто бы существует настоящий повелитель, однако невозможно найти его следов. Я уже поверил, что он может действовать, но не видел его тела. У него есть разум, но нет тела... Остановиться и не знать причины этого — это и называется *дао*».⁵² «Взаимное превращение *Инь* и *Ян* (соответствующее действию и противодействию небесных и земных явлений) управляет любой вещью. Воздействуя друг на друга, они создают всеобщее согласие, и в нем рождаются все вещи. Нечто связывает все нити мироздания, но никто не видел его формы. Уменьшаясь и увеличиваясь, переполняясь и опустошаясь, то угасая, то разгораясь, обновляясь с каждым днем и преображаясь с каждым месяцем, оно трудится каждый день, но никто не видит плодов его труда. Все живое из чего-то рождается, все умершее куда-то уходит, начала и концы вечно сплетаются в мировом кругообороте, и никто не знает, где его предел».⁵³ Само это Нечто, проявляющее себя в любых формах, вызывающее любые формы из бесформенных состояний, остается вечной загадкой и тайной, никому не приоткрывая своей творческой натуры. Вернее, это Нечто-Дао не столько само творит, сколько побуждает все существующее и даже нерожденное просыпаться от вечного покоя и вступать в бой за торжество китаизма.

Вот образцы софийного диалога. «Дунго-цзы спросил у Чжуан-цзы: «Где находится то, что мы называем Дао?»

— Нет такого места, где бы его не было,— ответил Чжуан-цзы...

Чжуан-цзы сказал ему: «Ваши вопросы, почтенный, совершенно не касались существа дела. У вас не было необходимости спрашивать о местопребывании Дао, ибо Дао не отделено от вещей.

Дао неслышимо, а если мы что-то слышим, значит, это не Дао. Дао незримо, а если мы что-то видим, значит, это не Дао. О Дао ничего нельзя сказать, а если о нем что-то говорят, значит, это не Дао. Кто постиг Бесформенное,⁵⁴ которое дает формы формам, тот знает, что Дао нельзя дать имя. Дао как целое остается всегда непоименованным, тайной! Отвечать на вопрос о Дао — значит не знать Дао. А спрашивающий о Дао никогда не слышал о нем. О Дао нечего спрашивать, а спросишь о нем — не получишь ответа. Вопрошать о недоступном вопрошанию — значит спрашивать впустую. Отвечать там, где не может быть ответа — значит потерять внутреннее. Тот, кто утратил внутреннее и спрашивает впустую, вокруг себя не видит Вселенной, а внутри себя не замечает Великое Начало». ⁵⁵

«Дао существует доподлинно и внушает доверие, даром что не действует и не имеет облика. Его можно воспринимать, но нельзя передать, можно постичь, но нельзя увидеть. Оно само себе ствол и само себе корень. Еще до появления Неба и Земли Дао существовало с незапамятных времен. Оно одухотворило божества и царей, породило небо и землю. Оно выше верхнего края Вселенной, и ниже самого низа. Оно родилось прежде Земли, а век его не долгий. Оно старше самой седой древности, а возраст его не старый». ⁵⁶

Не задумывайся и не размышляй — и ты познаешь Дао. Нигде не находишься, ни в чем не усердствуй — и ты претворишь Дао. Ничему не следуй, никуда не стремись — и ты обретешь Дао.

Дао есть нечто сущее, а то, что есть воистину, не может не быть. Дао обозначает то, что мы идем. «Нечто совершает» и «ничто не действует» — только две стороны вещей, как могут они быть Великим Простором? Если осмысленно говорить, то, сколько ни скажешь, все будет относиться к Дао. Если же говорить неосмысленно, то сколько ни скажешь, все будет касаться только вещей. Предел же Дао и вещей не высказать ни словом, ни молчанием». ⁵⁷

«Великая Чистота спросила Бесконечность: «Вы знаете Дао?»»

— Нет, не знаю,— ответила Бесконечность. Потом Великая Чистота задала тот же вопрос Недеянию, и Недеяние сказало: «Я знаю Дао».

— А есть ли у твоего знания число? — спросила Великая Чистота.

— Да, есть.

— Что же это за число?

— Мое знание Дао может возвысить и может унижить, может связать и может разъединить. Вот как можно считать благодаря моему знанию.

Великая Чистота спросила об этих словах у Безначального: «Кто же прав: Бесконечность, которая не знала, или Недеяние, которое знало».

— Незнание глубоко, знание поверхностно,— ответило Безначальное. — Не знать — это внутреннее, а знать — это внешнее.

Тут Великая Чистота вздохнула и сказала: «Значит, мы знаем благодаря незнанию! А не знаем из-за знания! Кто же знает знание, которое не знает?»

— Дао неслышимо, а если мы что-то слышим, значит, это не Дао, — ответило безначальное. — Дао незримо, а если мы что-то видим, значит, это не Дао. О Дао нельзя ничего сказать, а если о нем что-то говорят, значит, это не Дао. Кто постиг Бесформенное, которое дает формы формам, тот знает, что дао нельзя дать имя». ⁵⁸

Дао вне истины и заблуждения, ибо «когда ясно проявились правда и неправда, *дао* был нанесен ущерб», так как человеческие пороки стали считать плодом дао, хотя «*Дао*, которое проявилось, не есть настоящее *дао*». «*Дао* обладает чувствами и верностью, оно неактивно и бесформенно. Дао можно передать, но нельзя взять; можно постичь, но нельзя увидеть. Оно само для себя начало, само для себя основа. Оно существовало издревле, уже давным-давно, когда ещё не было ни неба, ни земли. Оно одухотворило духов и верховного владыку неба, оно породило небо и землю. Оно опережает праначало... Дао создает полноту и пустоту, но само не является ни полным, ни пустым. Оно создает дряхление и смерть, но само не является ни дряхлением, ни смертью. Оно создает начало и конец, но само не является ни началом, ни концом. Не постигнув *дао* совершенномудрых, нельзя стать ни хорошим человеком, ни действовать как разбойник Чжи. Когда рождается мудрец, тогда появляется и большой разбойник. Поэтому если расправиться с совершенномудрыми и отпустить на волю рабов и разбойников, то в Поднебесной воцарится порядок. С ограниченным грамотеем нельзя говорить о *дао*: он скован своим образованием. ... Знание—это незнание, если иметь даже ничтожные знания, то это приближает человека к беде». ⁵⁹

Итак, Китай сознательно руководствуется неопределенным, неопределимым и неуловимым принципом — Дао. Но это

неопределенное начало формирует социальное бытие, устраивает жизнь людей, начиная от тотальной планетарной колонизации и кончая мельчайшими и тончайшими ритуальными нюансами чаепития.

Правда, остается два юаня! Согласно первому юаню, Дао принимает любые формы, действует в любых условиях. Но вот с личностью отношения Дао не складываются: Дао действует в личности и посредством нее, но само стать личностью то ли не может, то ли не желает, то ли такое воплощение никому не нужно. Отсюда парадокс: мощная страна, развитая культура не предлагает никаких миротворных инициатив в устройении человечества, эффективно используя лишь инициативы, изобретения других стран. Видимо, бессущая суть Дао не позволяет в полной мере раскрыться его личностной натуре!

Второй юань. Деньги — лукавая штука (*зла-то* — в русском языке означает зло). И если лукавый решил прославить Китай деньгами, то нужно очень и очень остерегаться, чтобы от юаня не осталась одна... рвань. В финансовых играх с лукавым народ и человек временно может и победить, но в итоге... читайте в «Заколдованном месте» Гоголя, когда казак в Аду обыграл чертей, тайком крестя карты, и принес домой шапку с выигрышем. «Что ж бы, вы думали, такое там было? Золото? Вот то-то, что не золото: сор, дрязг... стыдно сказать, что такое». Видимо, Китай знает ответ и на этот постыдный метафизический вопрос.

В древнеиндийской культуре аналог софийного мировоззрения содержат Веды, в которых Традиция нашла и утвердила знание-субстанцию, знание-субъекта, знание-творца мира и всего существующего.

Веды вырастают из оригинал-знания, о котором можно говорить лишь то, что он есть, но не более. «Туда не проникает глаз, не проникает ни речь, ни разум. Мы не знаем, не распознаем, как можно учить этому. Поистине это отлично от познанного и выше непознанного — так слышали мы от древних, которые разъяснили нам это. Что невыразимо речью, чем выражается речь, — знай: то и есть *Брахман*, а не то, что почитают в этом мире люди. ...

В действительности смысл любого текста Веданты заключается в том, что сознание любого существа, обладающего знанием, тождественно *Брахману* (поскольку само познание Высшего Тождества уже реализовано). Какое-либо определенное знание возможно в отношении всего, что может стать объектом познания: но оно невозможно в отношении Того, Кто не может стать таким объектом.

Это и есть *Брахман*, который является субъектом любого познания, и такой субъект способен познать все вещи., но он не может стать объектом самопознания (поскольку в «границах» его тождества с самим собой... невозможно провести никакое различие между субъектом и объектом, и сам этот субъект не может перестать быть «познающим» ради того, чтобы стать «познанным»), подобно тому как огонь может сжигать любые вещи, но не способен сжечь сам себя. И уж тем более нельзя сказать, что *Брахман* способен стать объектом познания для кого-то еще, кроме самого себя, так как вне его нет никого и ничего, что может обладать знанием (всякое знание, даже относительное, является не чем иным, как частицей знания абсолютного и высшего).

Если ты считаешь, что хорошо знаешь *Брахмана*, то, несомненно, ты лишь немного знаешь образ *Брахмана* — относится ли это к тебе или к богам. ... Я не считаю, что хорошо знаю, и не знаю, что не знаю его. Кто из нас знает его, тот знает его, и не знает, что не знает. Кем *брахман* не понят, тем понят, кем понят, тот не знает его. Он не распознан распознавшими, распознан нераспознавшими». ⁶⁰

В этом очерке ведического знания прекрасно выписаны сущностные стороны Софии-мудрости, которая всегда остается только субъектом познания; и задача этого субъекта — всегда поддерживать и хранить огонь познания, ибо, став познаваемым объектом, она оставит безнадзорным сам огонь, который быстро потухнет.

Именно софийное знание, облачившись в покрыва мистики, стало самой надежной защитой народов Индии как от внешнего закабаления, так и от внутреннего порабощения неизбежностью смерти. Человека освобождает и спасает софийное знание, которое достигается путем познания мира, затем — познанием самого себя, затем — знанием самого знания, и наконец — осознанием себя в качестве смысловой и порождающей силы знания, в качестве самого знания. Вначале софийное знание неведомо для человека стало человеком, который теперь должен пройти обратный путь, возвращаясь по ступеням духовного созревания в свое первичное состояние. Вещи, тела и жизнь людей есть смерть сакрального первознания, которое становится в них лишь копией материи. Поэтому в гибели вещей и людей умирает и сама смерть, а восстанавливается первичное знаниевое тело человека, возвращаются все его универсальные возможности. Смерть человека становится рождением и возрождением его прачеловеческого бытия в качестве сознающего себя знания, посредством которого человек может

вселяться, посещать любую форму реальности, не сливаясь и не порабощаясь ни одной из них. Через достижение софийного знания человек становится софийным, софиоликим существом, софиовеком или софиоликом.

Прекрасные, возвышенные перспективы, но личности в них места тоже нет. Все пути к Абсолюту уже открыты, известны, а главное состоит в том, чтобы найти свой путь и правильно прошагать его. Личность не рубит новых путей в бездорожьях мироздания, ибо она сама всего лишь преходящая форма ведического знания. Атман (душа) и Брахман сливаются в ведическом знании, преодолевая в нем свои личностные и божественные (!) ограничения. Проблемы личности решаются путем ее перехода в безличное вечное знание, как капля спасается путем исчезновения в океане. Это мировоззрение в Индии не осталось чистой теорией, а создало себе национальный организм, стало уникальным образом его жизни. Человек познает мир вещей и самого себя только потому, что они созданы ведами (Софией) для знания.

Поэтому монахи, йоги, стоики, аскеты отказываются от всех желаний ради освобождения, стоящего по ту сторону желаний и мечтаний. Желания лишь отвлекают человека от главного дела его жизни — слияния с абсолютным знанием, уводя его на тропу самосожжения в пламени неудовлетворенных вождлений, которых даже смерть не может насытить. Поэтому жизнь должна зависеть не от желаний, языком которых глаголет мрачный рок, которому ведома пустота и бесцельность желаний, ибо он их автор и творец. Чем меньше желаешь и ждешь от жизни, тем больше она дарит своей благодатью софийной. Нужно искать целое, частью которого ты являешься, ибо это целое тоже ищет и ждёт тебя. Нужно искать именно то, что только ты и можешь найти, решить, сделать. Нужно исходить из того, что самое главное в мире ещё не найдено. Нужно услышать голос Софии-мудрости, обращенный к тебе! И этот голос всё откроет, скажет, сделает твои желания орудиями оригинала твоей сути.

Ведическое мировоззрение создало и хранит поныне Индию от нашествия евроамериканских духовных суррогатов, обеспечивая её народам нормальное общение с вечностью. И вот парадокс: отрицание абсолютного статуса человека, растворение его в безличной субстанции налично оборачивается чудовищной плодовитостью этой культуры, вынужденной даже проводить сдерживающую демографическую политику. В то время превращение личности в абсолют порождает

демографический кризис, ибо этот человек-абсолют не желает продолжать жизнь. Исполняя волю ведического Первопринципа (Софии), люди сохраняют себя во всех смертных превращениях.

Философия может сохранить в древнеиндийской культуре свой малый смысл и свою значимость лишь в качестве исходной ступени восхождения человека к Абсолюту, идеальный мир которого дарит человеку высшее освобождение — свободу от самого себя даже в самом совершенном виде. Вначале человек освобождается от насилия внешних социально-экономических и политических факторов; в этом освобождении важную роль играет философия, создающая проекты оптимального устройства общества. Затем человек с помощью философии освобождает свой ум, свое сознание, свою душу и свой язык от чуждых, ограниченных смыслов, наполняя их смыслами вечности; и в этом аспекте философия играет важную роль, вырабатывая для них регулятивные и путеводные принципы идеального мира. Затем человек освобождается от ограничений, которые накладывает на него сама форма его индивидуальности, которую консервирует философия, не видящая своей собственной ограниченности перед полнотой мудрости и целостности идеального. Это преодоление индивидуальности человека и выявление его родовой сущности возможно лишь посредством метафизики и Софии Премудрости Божьей, которые только и могут ввести человека в царство идеального (Царство Божье), где он действует не как ограниченный, хотя и совершенный индивид, а как субъект идеального, как его творящая сила, выводящая из ничто, порождающая из самое себя новые формы мира и бытия. Раб Божий — это самый свободный человек, ибо он повинуется императивам идеального, которое раскрывает в нем его сокровенную природу.

Соответственно, на данной ступени освобождения человека освобождается и философия от самое себя, от своих автономных странствий в поисках недостижимой истины, возвращаясь в целостность мудрости и духовной жизни, Философия преодолевается и сохраняется в качестве формы, органа и функции мудрости, в качестве Софии Премудрости Божьей, в качестве элемента Вед, в качестве органа и посредника Дао, в качестве логоса абсолютной истины, в качестве маяка на пути к миру идеальному. А идеальное само уж позаботится о том, чтобы сознание, ум, душа и язык человека стали его адекватными собеседниками, стали небесно обновленным типом личности.

Софийный огонь Востока проник в 6 в. до н. э. в девственную душу Эллады. «...Факел софийного понимания философии первым зажег Пифагор, от Пифагора он был через посредников передан Сократу, от Сократа — Платону, от него через века — Плотину, от Плотина — Проклу, от Прокла — Дионисию, от него — Николаю Кузанскому, от того — Бруно, от Бруно — Лейбницу, от Лейбница — Канту, от Канта — Шеллингу, от Шеллинга эстафета перешла в Россию. ... Без софийного начала, без стремления к Абсолюту человек станет игрушкой стихийных сил, им же самим порожденных, и неизбежно погибнет...»⁶¹.

В XIV веке по совершенно непонятым и загадочным причинам в Европе произошел слом софийной Традиции. Если до этого одну форму традиции ломали во имя другой, сохраняя ее софийное содержание, то теперь Традицию-Софию заменили антитрадицией, антисофийным знанием, которое ослепило, околдовало, гипнотизировало Европу и повернуло ее на путь одностороннего научно-технического прогресса.

Новой идеологией, призванной заменить софийную традицию и религию, стала оскопленная атеизмом и наукой философия. И в Греции Древней, и в Индии, и в Китае было нечто похожее на философию модерна, но философии как самостоятельной дисциплины не было. Платон, Гераклит, Аристотель были не философами, а идеологами традиции и религии, но религии, страшно далекой от нас и непонятной нам. И наука тоже была в традиции частью религии и мифа.

На Западе Модерн возник в эпоху Возрождения, а его оформление в целостную доктрину завершило Просвещение. Европеизация стала синонимом Модерна, который разрушил целостность, структурность и смысловой центр традиции — католичество. Правда, Модерну остались все же неподвластными софийные смыслы христианства, сокрытые в православии; да еще inferнальные аспекты религии, сокрытые в демонологиях. Но философия просветителей выполнила основные задачи Модерна — выбила из голов людей религию, а сегодня то, что заменяет философию и религию, не является ни философией, ни религией, а некоей эклектической помойной смесью, недостойной даже упоминания.

В западноевропейской культуре сложилось два типа антисофийной идеологии. Первый тип нашел свое выражение в философии И. Канта. Универсальной основой для общения мысли с вечностью, для исследования вечных вопросов у Канта стала

антиномичная логика, запрещающая софийные темы. Кант ближе всего подошел к пониманию глубинной антисофийной сути западной философии как противоречащего самому себе, своим целям и задачам антиномического мышления, ставящего вопросы, на которые разум не может дать ответы, но и не ставить их он тоже не может, ибо они выражают его статус как силы, определяющей природу человека и познания. Разум спрашивает, конечен ли мир или бесконечен; есть ли нечто наипростейшее или же всё погружено в безмерную сложность; есть свобода или же свободы нет, а есть лишь одна необходимость; есть ли Бог или же Бога нет? Разум-то спрашивает, а его же логика одинаково как доказывает, так и опровергает эти тезисы и антитезы, отрицая в зародыше саму возможность ответа и самой мысли. Антиномии, самопротиворечивость разума не позволяет ему мыслить, но и не мыслить он не может! Ужас! Какой же выход? Философия, по Канту, возможна лишь как критика чистым разумом самого себя, своих устремлений познать «вещи в себе», которые в сути есть софийные оригиналы знания. А недостижимое знание, в котором взаимоотрицающие положения соединились бы в единую целостность понимающего мышления, Кант справедливо нашел в религии. Тем самым вопрос о неразрешимых противоречиях внутри самого разума стал вопросом о взаимной толерантности разума и веры, т. е. опять-таки разума в форме логики и разума в форме воли, разума логического и разума волевого. **Я ограничил разум, чтобы освободить место вере, не замечая, что это положение суть тезис разума, а не догмат веры.**⁶² Нужно было бы сказать, что я ограничил безумства французского разума без Бога, чтобы с помощью веры сохранить вменяемость разума. Сам антиномизм держится в мысли благодаря религии, преодолевающей его посредством Св. Троицы. Антиномизм уже отошел от абстрактного монотеизма, но ещё не дошел до Троицы, воплощающей нераздельность и неслиянность противоположностей в абсолютной Личности. Да и сомневается в том, стоит ли выходить за пределы антиномий. Кант абсолютизировал противоречивость мысли, возведя ее в ранг неразрешимых антиномий. Целостное мировоззрение возможно лишь в качестве его отрицание. Канту совершенно чужда софийная идея христианства, преодолевающая антиномии. София содержит в себе все противоположности, творит, хозяйствует ими, никогда не оскудевая в своем содержании. Она есть всё и даже более чем всё; она — метавсё.

Открывая себя через антиномии, она не меняет своей природы, обогащаясь дарами, коими она сама наделяет твари.

Для Гегеля не философия — часть мира, а мир — часть, форма проявления вечной логосной и логической сущности философии. В этом плане учение Гегеля можно было бы рассматривать как одну из форм софийной метафизики, объективного знания-мудрости. Если бы не бы! Гегель видел суть философии в логике, суть логики — в диалектике, а суть диалектики — в конкретности. Логос, логика служат основанием, орудием, движущей силой, высшей целью, истиной всего материального и духовного миров. Гегель перешел от противоречий диалектики к их синтезу в конкретности посредством логики, признав ее перводвигателем всех форм бытия и мысли. Противоречия мира и разума, творения и Творца преодолеваются в абсолютном тождестве их логичности, но не преображаются в единоречия софийного знания.

Но логика выражает технические, а не смысловые начала мировоззрения. У вора и у Гегеля действует одна и та же логика, но один тащит чужое, а другой отдает свое сокровенное. На основе средств невозможно создать цельное мировоззрение, которое коренится в целях, а не в средствах, допускающих самые разнообразные цели. Запад в духе своего имманентного утилитаризма стремится и поныне все существующее принизить до уровня средств денежного богатства. Отсюда его поклонение не Софии-мудрости, а Логосу, который представляет орудийную сторону бытия, мысли, истины, жизни. Но этот же принцип, обеспечивая триумф средств над целями, в итоге и сам мир богатства делает средством немира, антимира, ничто.

Итак, в китайском мире София-мудрость отчасти действует через Дао, отчасти — вместе с Дао; в индийском мире София-мудрость действует в качестве ведического знания. И только евроамериканский мир заменил Софию-мудрость Логосом. Но Логос не справляется со своими функциями, превращая все реалии в средства; создавая чудовищный мир средств, он теряет над ними контроль, становясь вместе с ним орудием инфернального нигилизма, посредством которого Запад навязывает свои извращения всей планете. Земля отвечает пока точечными ударами, готовя окончательный ответ любителям зла-та.

6. Идеальное как онтология мудрости-Софии

Какие предметные реалии и сакральное содержание онтологии Софии-мудрости? Ответы коренятся в четырех типах онтологических и феноменологических взаимодействий.

1. Взаимодействие **«материальное — материальное»** реализуется в земледелии и ремесле, целиком определяясь силами природы, человека, используемых животных. Идеальное выполняет здесь служебную роль, не выводя человека за пределы материальных обменов и превращений.

2. В рамках взаимодействий **«материальное — идеальное»** человек посредством хитрости разума создает машины, дабы уйти от ига труда. Но закон возмездия неумолим: любая машина, созданная для блага человека, оборачивается новым рабством и новым оружием. Желая освободить себя от ига труда посредством машин, человек на деле освобождает своих врагов, которые заменят его машинами. Идеальное не может быть средством, оно всегда — самоцель. А когда его насилием и хитростью превращают в средство богатства, то оно, применяя хитрость к хитрецам, превращает их вместе с их богатством в средства милитаризма-самоцели.

3. В рамках взаимодействий **«идеальное — идеальное»** европейцы сотворили цивилизацию, в которой любое научное открытие, любое изобретение направлено на замену человека искусственными тварями. Даже мудрость они ухитрились заменить философией, философию — наукой, а науку — блудоскукой. Искусственный интеллект — высший продукт этого типа взаимодействий и наглядная демонстрация судьбы homo sapiens. В итоге сам этот тип взаимодействия извращается, заменяя идеальные силы виртуальностью, копиями, симулякрами, которые обесценивают бытие, превращая смыслы и знания в информацию, в концепты и дискурсы, в новояз людей, ставших сырьем сетевой эксплуатации. Высшим плодом виртуальности являются призраки — копии жизни и проценты — копии смерти.

4. Во взаимодействии **«идеальное — материальное»** идеальное действует как софийная сила мира, как субъект оригинал-реальности, как художник бытия, как хозяйка домостроя, как сакральный разум, в общем — как София-мудрость. Все материальные формы суть воплощение, инобытие (!) своих идеальных оригиналов. Но идеальное воплощается и в языке, и в

искусстве, и в морали, и в праве, и в личности. Идеальное образует «третий мир» знаний, чисел, мер, форм, а софиология изучает формы, способы воздействия идеального на материю, способы исцеления пораженной материи, ее преобразования в субстанцию вечности. В предельно обобщенном виде София представляет суть идеального как первоонтологии и первокосмологии мира; в то же время София выражает всю полноту творческих потенций, идеальной мощи Бога. София представляет собой извечную чистоту (Чистота — доверенный атрибут Дао!), которая необходима для всякого творения, исцеления, возрождения и спасения, являясь в этом плане носителем идеальности как материи вечности. Она действует как сверхчеловеческое, созидающее объективное знание, заменяемое сегодня обездушенным и обесмысленным брендом «информация».

Исключительно важно то, что в Софии идеальное выступает как творящая сила, способная создавать реальность из самой себя. Для идеального творить из ничего, творить из себя самого, превращать невозможное в реальное суть равноценные деяния. Самолет, мобильный телефон веками были невозможностью, их не было в природе, но идеальное извлекло их из ничего в бытие. Поэтому для идеального нет тупиков и невозможностей. Оно всегда трудится в режиме чуда, магии, волшебства и мифа. Но его чудеса срабатывают лишь тогда, когда люди прозревают его идеальную (т. е. всеильную) повелительницу — Софию-мудрость и становятся ее слугами.

В истории этот тип взаимодействий был столь редким и казался людям столь необычными, что его называли мифами, сказками, чудесами, святостью, волшебством, магией.⁶³ Хотя на деле речь идет о воздействиях идеального на материю. Как сие происходит, мы почти ничего не знаем и сегодня, но невидимое и нематериальное формирует материальное по своим проектам. София-мудрость и софиология — это уникальнейший и спасительный прорыв христианства и русской философии в райские, неправдоподобно райские, небеса мироздания. Это стало возможным благодаря тому, что именно идеальное своим сакральным животворящим светом спасает материю от деградации, энтропии, исчезновения.

Само воплощение Сына Божьего в облике человека есть первопример спасительного воздействия идеального на погибающую материю. Христианство вооружило человека подлинной, спасительной,

«инновацией» — «Новым Заветом», в котором представлен сакральный алгоритм воздействия идеального на материю, которая без идеальных начал рассыпается или взрывается. Но человек не воспользовался благодатью неба, замышляя свои инновации, которые лишь ускоряют деградацию социума. Не принимает человек и сверхъестественное, которое представляет собой естественное спасительное воздействие идеального на материю. София воплощает и выражает этот первичный, подлинный, план бытия, превращая идеальное в мозг, в анатомию и в физиологию материи. Этот идеальный строй бытия определяет всю нашу жизнь; вплетаясь в ее «повседневность», он постепенно покрывается непробиваемым панцирем практицизма. София обобщенно и лично представляет идеальное как богочеловеческие, священные, сакральные взаимодействия мира, которые наиболее полно проявляются в творчестве, мастерстве, умениях, в изобретательности, искусности, универсальности человека. А почему мудрость человек представляет именно в женском облике Девы? Видимо, только женщине ведом уникальный опыт идеального и кровно-родственного сродства оригинала и его творений-продолжений без вмешательства копий, образов и подобий. В опыте деторождения женщина постигает неслиянность и нераздельность «Я» и «Другого»; и эту мудрость мужчине может внушить незнаемо как только женщина. Только женщине ведомо при жизни абсолютное тождество субъекта и объекта; а мужчине это тождество доступно лишь в жертвенном подвиге.

София выражает (не раскрывает, а указывает) тайну высшего, динамического, созидającego равновесия между идеальным и материально-вещественным; это вовсе не означает равноценности этих полюсов, а соразмерность частей целого, подчиненность материального своей мере, представленной идеальным миром сознания, языка и мысли. Смысл этой меры и динамизм её равновесий находится за пределами наук, искусства, ибо он связан с христианской мистерией воплощения трансцендентного в имманентном, с тайной материнства и всяческого произрастания. София довольно рационально обозначает, выражает благое, созидающее воздействие идеального на материальное, преобразование материального энергиями, целями и смыслами идеального. В то же время София служит творческим медиатором, трансформирующим провиденциальные воздействия вечности в реально земные и предметные формы человеческих призваний и творческих порывов, храня в себе прообразы всех людских

умений. София никогда и ни с кем не враждует, примиряя и умеряя диалектически неразрешимые противоречия в составе и по аналогии Св. Троицы, преобразуя диалектические антагонизмы в триалектические единоречия любви, жертвуя даже своей таинственной личностью и небесной репутацией. София преодолевает как онтологическую отчужденность творения от Творца, так и антропологическое тождество человека с творением и с Творцом, устанавливая их смысловую слитность и материальную неслиянность. В Софии и посредством Софии Бог воздействует на все и присутствует во всем, а все многообразие творений через Софию имеет возможность приобщаться к своей Первопричине, использовать её идеальные ресурсы. София готовит боговоплощение, открывая, преодолевая непроходимые границы имманентного и трансцендентного, видимого и невидимого.

Реальность, соответствующая своему закону, находится в софийных пределах между физическим и метафизическим, идеальным и материальным, естественным и сверхъестественным. Софийность возвещает об этих пределах, устанавливает их в сфере творений и человека.

Воздействие идеального на материальное в фольклоре обозначается через категории сказки, волшебства, магии; в религии — через категории чуда, пророчества, Откровения, сакрального, святого и священного. В самом Боге идеальное становится созидающей Софией, Премудростью. В искусстве — идеальные воздействия выражаются посредством категорий таланта, творчества, мастерства, вдохновения, фантазии. В философии же нет даже термина для обозначения акта воздействия идеи на материю.

Предчувствие идеальности, влечение к ней, тоска по ее отсутствию составляет софийное качество мира, вещей, человека; и это качество отражает, хранит и лелеет философия, которая и сотворена идеальностью. Вот почему стремления человека к идеальному есть стремления к совершенству бытия в бессмертии; и эти стремления не беспочвенны, ибо идеальное, совершенное и бессмертное предшествуют материальному, несовершенному и смертному логически, бытийно и лично в самой мудрости Софии.

В этом плане любая философия, наука, любое искусство, любая профессиональная деятельность являются идеализмом, ибо все они стремятся к максимальному совершенству своих творений, к их соответствию своим идеям; а совершенство, как и вечность, как и

завершенность, как и продуктивное преизобилие, как и способность творить из самого себя, из ничего, как и волшебные неожиданности, как и невозможные чудеса, как и любовь, являются атрибутами идеального, которое служит основанием, движущей силой и целевой причиной всего существующего. А София и мудрость её представляют идеальность самого идеального, его высшую ступень в форме существа, личности.

Поэтому христианство Византии и Руси, гностики предпочитали философии многоликую и скрытую Софию-мудрость, признав её высшей священной Истиной, Девой Небесной, мастерицей и художницей, вечной радостью Его, исполнителем всех его творческих замыслов и миротворных проектов. А «любовь» прибавлять к Софии нет смысла, ибо она вся есть Любовь. Само название «философия» дискредитирует ее, предполагая, что возможна мудрость без любви и любовь без мудрости. И лишь в софийном контексте «философия» соединяет в себе любовь и полнознание мудрости. Хотя София сотворена, но не в мире и с миром, а до мира в покоях Св. Троицы; но и погибающих София не покинула, разделив с ними их горестную участь.

София — это не только сакральное лицо и божественная сила, не только священная ценность всех религий мира, но в ней действует и какая-то смысловая прареальность Бога, обозревающего своим умозрением грядущее творение как целое. И вся полнота благодати этой прареальности (отдающей себя миру, ничего не требуя взамен!) не постигается логикой, суетным прозословием, стихоблудием; эта полнота выражается священным безмолвием иноков,⁶⁴ икон, храмов умозрительных символов, России, софийной метафизикой.⁶⁵ Но софийное молчащее понимание становится в человеке сознаваемыми софийными смыслами. Это софийное празнание лежит в подоснове религий и искусств как их единый творящий дух, названный Традицией, «Sophia Perrenis», «Вечной мудростью», вновь переоткрытой Р. Геноном и Ю. Мамлеевым. Оно лежит в основе и всех наук, ибо в нем знающий, знаемое и знание существуют в нераздельном, но и в неслиянном братстве правды бессмертной, воплощая в себе строгость математическую, кротость моральную и музыкальную свободу импровизаций. Но «Sophia Perrenis» разделяет и страдания мира, действуя в нём как душевная и смысловая кровь, вызывающая самооткровения изучаемых вещей и пробуждающая спонтанное мышление людей. «Sophia Perrenis» хранит в себе сакральность, истину, благознание, милосердие, точность, логосность. И мудрость софийная

вооружает знанием-жалостью тех, кто достоин спасения, кого она хочет сохранить в качестве знания. Христианство и философию не обижало, сделав её служанкой богословия; и эта служанка благодаря высокому покровительству достигла немалых успехов, создав схоластическую культуру мысли, т.е. искусство размышлять о духовных, душевных, смысловых и логосных реалиях. Без схоластики (софийной школы мысли!) были бы невозможны науки и университеты.

Софийность — тайнооткрытое, благодатное качество цельного и совершенного знания, нужного всему человечеству, миру; эта-то мудрость и служит щитом Персея против Медуз, философствующих смертью и о смерти. Эта мудрость и проросла в человеке философией. София — Небесная Дева, Дева Солнечная, Премудрая Жена, Царица Небесная несёт свою спасительную мудрость посредством мифов, религий и культур всем народам мира, независимо от того, признают её или же вовсе не ведают о ней. Она на службе Всевышнего, соучаствуя в исполнении его творческих проектов.

София-мудрость есть объективное первознание человека, предшествующее его бессознательным данным, предшествующее самому телесному бытию человека и последующими добытыми им знаниями. До этого знания у предчеловека было только Слово, хранящее в себе смысловой код человека. Это знание всегда хранит в себе часть самого оригинала, а потому оно не может быть отраженной копией, образом. Природа, социум, культура, человек суть лишь софийные иконописцы своего собственного бытия. София-мудрость реализует миротворные инициативы Св. Троицы, её творческие замыслы.

Но София – не только знание, истина, но и существо; если бы она не была живой личностью, она не была бы мудростью, ибо ей были бы неведомы тайны личности. София пробуждает в вещах и людях смыслы, которые побуждают их к жертвенному служению своему высшему — личностному — началу. София не абстрактная любовь к мудрости, а сама мудрость как полнознание, творящее полы и через их влечения творящее жизнь.

На Юге почитали Софию в качестве миротворного мастера. На Востоке Софию почитали как невысказываемую мудрость Бога, не имеющего во всём мире достойного выражения. На Западе Софию подменяли Логосом, Разумом, Рацио, способными создать свой искусственный научный, технологический и финансовый мир. Россия

почитала Софию как самоценную мудрость Бога, мира, людей. Поэтому и философия России сокрыта в софийной метафизике.

Хорошую формулу софийности вывел В. Микушевич: «Весь мир возникает из особого отношения числа три и числа два. Троично Божество, двоично творение. В таких словах, как Логос, Слово, София, три буквы сочетаются с двумя; самим своим написанием они являют главный принцип творения. Пять букв суть соединение триединства и двоичности. Эти слова – у истоков творения, они являют нам нечто самим своим начертанием. Здесь мы вступаем в область зыбкую и сложную: Софию нельзя определить философски, ибо София сама есть философия. А для того чтобы определить некое понятие, нужно выйти за его пределы. Нам не дано выйти за пределы Софии, мы не можем мыслить вне Софии. Все, что мы говорим о Софии прозой, искажает ее чистый образ. София не вписывается в догматику, догматика лишь предостерегает нас от еретических злоупотреблений домыслами» Поэтому «православное вероучение о Софии выражается не в догмате, а в иконописи. София – не отвлеченный принцип, а существо; если бы она не была существом, она не была бы совершенна. Совершенство включает в себя личность, включает в себя лик. Женственный лик творения, обращенный к Творцу, явлен райским садом. София не могла пасть, ибо она совершенна, но София по доброй воле искупает грехопадение вместе с тварью, которая пала. Таково целомудрие Софии. Таков подвиг Софии, таково деяние Софии-путеводительницы на земном человеческом пути».⁶⁶ София пробуждает в вещах и людях смыслы, которые побуждают их к жертвенному служению миру, осуществляя этим служением древнейшее арийское богославие Белой Даме. Но София не бессильная любовь к мудрости, а ее творящая сила.

София Премудрость Божья является православной святыней, дающей пределы, решения и меры всем, обращающимся к ней. Символом проблем служит Двоица, вызывающая вражду, войны, борьбу, противостояния (Пифагор). А символом, всеобщим алгоритмом решения любых проблем является Троица, связывающая многое в единство узами любви, меры, единоречия и ответственности. Поэтому тема Софии Премудрости Божьей — древнейшая, загадочная и связанная с глубинными корнями христианства, вообще, с истоками ума, сознания, знания и языка человека, его умений, самой его универсальности. На протяжении двух тысячелетий христианства эта тема не стала разделом богословия, хотя она пронизывает сочинения Дионисия Ареопагита,

Оригена, Григория Богослова, Симеона Нового Богослова. Эта тема породила русскую философию, храня в себе семена самой русскости.

София провозгласила свою мудрость в Библии, воплотила в главном соборе столицы Восточной Римской империи, освященном в IV веке во имя Софии, а также в соборах Киева Новгорода, Полоцка, построенными в XI веке. София провозгласила свою мудрость и в трансцендентном откровении своих миротворных и праздничных икон, неся в себе план спасения человечества из заточения в невежестве.⁶⁷ В авраамических религиях Бог творит мир посредством своей воли из ничего; а это равнозначно творению из своего знания, из своей мудрости, посредством своей мудрости и в своей мудрости. Божественное знание представляет собой абсолютную реальность, Первоум целостный, оригинал ума, силами, а не копиями которого становятся сотворенные вещи и существа. И вот обозначается этот особый статус, высшая истинность сакрального всезнания категорией Софии Премудрости Божьей. Именно благодаря священной мудрости человек обладает своим ограниченным умом, своими неточными знаниями, хотя может и постигнуть отблески софийного знания, которое само дается как благодать Софии.

София осуществила свою мудрость и через умения, мастерство человека, через его философские искания. Вначале София-мудрость воспринималась как свойство человека, выражая его умения, мастерство, искусность; затем она стала восприниматься как субстанция, в которой и посредством которой возникают миры и люди. Софию-мудрость мифы изображают уже в качестве живого существа — богини Афины Паллады, которая выступает исполнителем замыслов Зевса, защищая и людей от внешних и внутренних опасностей.

София ничего не отрицает, не отвергает, не прибавляет, а выявляет, актуализирует мудрость всякой твари,⁶⁸ которая умело, с мастерством, изобретательностью устраивает свои малые дома в бытии. София-мудрость представляет нереализованные творческие силы твари, вызывая в ней взрыв умений и мастерства. Муравьи

София — не только феномен религии, но это и метафизика, методология, умозрение, которые идут не от человека, а от сакральных сил мира. Само творение, сам мир есть Божественное Существо, в общении с которым возможно взаимооткровение и откровенческое познание. Ребёнок бессловесный, воспринимая ласку матери как милость Бога, не отличая оригинала и творения; потом опыт горькой

жизни скажет ему и другое. Но забыть то, что он знал до всякого знания, он уже не сможет, ибо он был в стране Софии. И каждый человек имеет софийный опыт бытия. Только не все об этом знают. Постоянным напоминанием об этом софийном опыте жизни служит философия.

Царства, люди и вещи погибают не из-за неправильного устройства, а из-за утери ими своей СВЯТЫНИ, которая оправдывает их бытие. А святыней всех святыней является идеальность — вечная и единственная субстанция Бога-Любви и Софии-Мудрости. Люди, отринув идеальность Рая, умирают, ибо не живут и не могут жить по закону идеальности на земле. Смертность — свойство материи, а бессмертие — суть идеальности, которая остается тождественной и в материи, и сама по себе. София-мудрость — это идеальное как личность, соответствующая замыслам Творца и недоступная всем искушением «того» и «этого» миров. Без такой абсолютной знаниевой личности невозможны даже греховные, порочные и безличные люди, предавшие Бога, Землю, самих себя, и называющие свою апокалипсическую агонию прогрессом, свободой, демократией.

7. София — универсальная творческая сила оригинал-знания

Начинать разговор о любых вещах нужно с Софии, ибо вначале было Слово, и не просто Слово, а Слово Софийное, Премудрое, Слово-Художник Домов и домиков Божьих, Слово-Хозяин миров жизненных, Слово-Мастер дел человеческих, Слово Творимое, Несотворимое и Творящее, Слово-София и Слово с Софией; и если Слово-София стало миром, человеком, то София-Слово стала загадкой, тайной мысли, ума, сознания, души и языка. И в то же время их разгадкой, ибо при встрече с Софией, даже в одном стремлении к ней все вопросы становятся на путь ответов. Человек не может отвечать на основные вопросы бытия и своей жизни просто потому, что он сам по себе является безответным вопросом и неразрешимой проблемой, которую пока умеет решать лишь смерть. А ответы знает только вечность; об этом говорит сам корнеслов «от-веч-ать», выступающий как акция и реакция вечности на боль незакрывшихся ран её же страдающих детей. А исцеляет и закрывает их раны София-мудрость, для которой нет бессознательных бездн, незнания и мрака. Даже вопросы о смерти и посмертной участи людей становятся в ней ответами.⁶⁹ Ибо люди суть словесные существа, воплощенные смыслы Софии, исполняющие её

волю посредством стремлений к мудрости. Но есть избранники Софии-мудрости, роковая жизнь которых является ответом на все вопросы бытия. Эти люди, постоянно общаясь с вечностью, лишают всякого оправдания рабов по природе, занятых мнимыми вопросами и проблемами, и не видящих того, что они сами суть безответные вопросы и проблемы. Да и не они ставят вопросы и проблемы, а сами вопросы и проблемы выставляют на аукцион Преисподней их обаямные головы.

София! Странное, таинственное, чарующее, сладкопевное Слово, притягивающее к себе своей благодатной силой! Уже простой обзор его смыслового универсума принуждает к пониманию мира и своего призвания в этот мир.

София действует в мире провиденциально — как творящий ум Отца и как жертвенный ум Сына; феноменально — как мастерство и умелость всякой твари созидать, хозяйствовать, украшать свой дом; сакрально — посредством Священного Писания, иконописи, литургии, храмов; идеально — как софиология, ищущая знаниевую суть мира и творений; благознанием — как философия, ищущая высшее оправдание человеческого бытия именно в софийном Граде. Софию нельзя видеть, созерцать, ибо она сама просветляет, возвещает, извещает, сообщает нам о себе, наделяя наш ум, сознание, язык и душу способностями к постижению, общению и пониманию. София — это сама способность видеть, мыслить, сознавать, творить, выражать, изобретать, понимать. Например, есть труд как сумма определенных видов профессиональной деятельности (земледелец, столяр, кузнец, металлург, шахтер, летчик и др.); но есть и труд как способность вообще, как способность учиться мастерить, изобретать, понимать, как способность выявлять, созидать из самого себя новые способности. София, софийность как раз и порождает, культивирует, опекает эту волшебную способность созидать новые способности и умения. В то же время оно осуждает лень, глупость, тщеславие, алчность, уныние, злобу, блуд, загоняя их в пещеру бессознательного. Поэтому в Софии мудрости нет места миазмам и маразмам иррационализма, психоанализа, мистики и статистики; уродство, зло, жестокость, ложь, смерть сами бегут от ее благостного огненно исцеляющего взора. Не случайно, самые прекрасные, самые сильные своими духовными порывами и смысловыми дарами храмы человечество посвятило именно Софии Премудрости Божьей.

София-мудрость выражает и оформляет свои смыслы в мифологии, в фольклоре, в языческих мистериях, в иудейской,

христианской сакральности, в иконописи, в храмо­строительстве, в литургии, в искусстве, в литературе, в софиократии, в хозяйстве, в природных творениях. В том числе — и в философии. София-мудрость утверждает себя в формах субстанции, знания, духа, субъекта, личности, персонажа; она в центре Св. Троицы и в каждой её ипостаси, представляя Троицу как миротворное бытие, выступая как творящая сила сознания, ума, языка и души. София не ипостась, хотя и причастна этому священному качеству. В отличие от философии и науки, София выступает как абсолютная целостность Творца и творения; и в этой целостности они неразделимы, но и не сливаются. Все известные человеческие знания и умения всего лишь малая часть мудрости. София — начало, проявляющее свои священные художественные дарования в небесных, природных, человеческих, идеальных, символических мирах, охраняя их от тлетворных и злотворных сил, от всех миазмов inferнальных, от за-пад-ного мертвящего дыхания. София-мудрость везде и во всём, в конечном и в бесконечном; поэтому доступное человеку разумение возможно лишь на основе, посредством и в контексте Софии Премудрости Божией. Анаграммный же анализ обнаружит в «Софии» «Иосиф-а», опекающего вселенную как единую общесакральную собственность Господа, упорядоченную единым вселенским хозяйственным планом!

София, мудрость извечная во всех культурах мира воспринимается как мать умений людей, особенно — как умение человека сохранять себя именно в качестве человека. Тяга, влечение к Софии-мудрости генерирует и поныне огромную и непостижимую смысловую энергию. Тайны софийные нас опекают, духи софийные нас берегут, смыслы софийные нас просветляют, правду софийную нам отдают. Парадоксальную тайну Софии-мудрости оглашает апофатика русского фольклора: «Пойди туда — не зная куда, принеси то — не зная что». И разгадкой этой тайны является разум; причем, разум не как безличная рациональность, а как некое невидимое и анонимное существо, бескорыстно служащее мудрости и людям. А в отрыве от мудрости разум идёт, не зная куда, открывает, несёт в себе, на себя, от себя, не зная что. Разум сам по себе не может определить своё назначение, становясь слугой безумности.

В софии (Софии) представлен феномен всезнания, всепонимания, феномен сущего ума, постигающего Первопричину и конечные следствия, угрозы деяний людских, роль человека в планах

Провидения. И русский язык сразу принял в свою семью слова «софия», «мудрость», хотя многим другим словам он ожесточенно сопротивляется и поныне. И в Софии-мудрости Вл. С. Соловьёв, С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский нашли, вернее, вспомнили извечный путь христианского, сакрального ума, вообще, путь любой мысли, любого духа. Дао, Брахман и Логос, переключаясь друг с другом, тоже ищут неизреченную истину сокровенных смыслов Софии-мудрости.

Мифы были первыми хранителями Софии-мудрости как целостного ведения, охватывающего цели и ценности, законы и формы, знания и умения, созидающие силы мира и людей. Об этом косвенно намекает очень важная гипотеза Ф. Бэкона, гласящая, что мифы только для нас являются изначальным знанием, а сами по себе они суть плоды некоей нам неведомой и недостижимой традиции.⁷⁰ Этой традицией может быть только мудрость Софии.

В 6 в. до н. э. начался кризис мифологии, повлекший за собой глобальное крушение царств, культур, искусств, наук, идеологий, хозяйств. Но именно этот кризис породил в Элладе философию, заменившей Софию любовью к ней. Вместе с философией на роль носителя мудрости в Древней Греции претендовали математика, софистика и мистерии. Но победила философия, которая в силу своей близости к софии и стала основным фактором преодоления кризиса, используя при этом в качестве средств науки, риторику, искусство. Победу философии обеспечили три её фундаментальных открытия. Философия открыла субстанцию мудрости — Благо как целостный миротворный ум (нус), интеллектуальную технику — Логос, логику и математику, новый тип человека — личность, способную использовать эти открытия. Тем самым философия заложила основы научно-технического прогресса, во многом предопределив апокалипсический ход истории. В последующем своем развитии философия постепенно стала забывать о мудрости-Софии, пока целиком не сосредоточилась на логике и методологии познания, на технических аспектах ума, сознания, души и языка, сослав мудрость в сферу этики. Философия неотвратимо уходила в отрыв от мудрости Софии, становясь прислугой производственных, управленческих, учебных, информационных технологий, теряя вообще всякий философский смысл в цехах позитивизма. Но софия-то осталась Софией и после предательства философии, которая скрыла свою измену за словом «любовь».

Термин «софия» («мудрость»), начиная с античности,

обобщает многообразное содержание человеческой искусности во всех сферах быта и бытия, став универсальным определителем ее сути. Сам корнеслов термина «софия» означал в древнегреческой культуре мастерство, умения создавать полезные и красивые вещи обихода, понимать их устройство. Эту мудрость древние прямо связывают с «искусством» и «ремеслом». Мудрость — это умения править колесницами, судами, войсками, царствами, умения властвовать над людьми. Мудрость — это умение врачевать, умение пользоваться своим телом в состязаниях и на войне. Далее, мудрость есть умение видеть, созерцать гармонии и целое раньше частей. Особо ценилась мудрость как умение создавать семью и дом. Видом мудрости, «софии» является и умение пользоваться умом. Мудрость — это органическое единство целетворных, познавательных, духовно-практических, управленческих умений самой жизни как самосозидающей силы. Далее, мудрость рассматривалась как субстанция мира, ибо все природные, искусственные, чувственные, числовые, образные, эйдосные формы создает некая смысловая сила, правящая самим творчеством. София есть некая миротворная сила, действующая посредством творящего, ремесленного, семейного, правящего хозяйствования в телесно-пластических формах. Мудрость — это целевая причина, энтелехия всего существующего. Кратко: мудрость это умение оформлять материю, упорядочивать хаос, множества, видеть во всем меру, истину и благо.

Откуда в человеке эта универсальность, эти творческие, созидательные силы? Откуда в человеке эта страшная масса всевозможных умений? Он сам не знает, что он умеет и что он может сотворить в мире и с миром, в себе и с собой? Он идёт упрямо своим путём, полностью не доверяя ни богам, ни героям, ни демонам; и даже своей свободе не доверяет он вполне! Куда он идет? Кто инициатор всех его инициатив? Кто или что руководит ими?

Поиски ответов ведут вперед, на небо и к свету. Если есть умения, мастерство в различных деяниях людей, то нужно признать, что эти умения и мастерство в более совершенных формах проявляются и в отношении Космоса как целого. Сделав ещё шаг, мы придем к неизбежному выводу, что есть существо, которое уже владеет высшим совершенством в любом умении и мастерстве. И это существо — София, обладающая универсальными и совершенными творящими силами. Без Софии-мудрости не понять самые важные реалии бытия! Ибо лишь она

одна соизмерима и с совершенством Творца, и с несовершенством творения, выражая их общие связующие смыслы и символы!

И философия как любовь к мудрости, знанию, тоже была элементом первичного хозяйствования, вырабатывая и совершенствуя умения видеть, созерцать умом невидимые элементы жизни, превращать их в знания. Мудрость есть знание о знании, всезнание и всепонимание. Но сразу же народное благочестие останавливало себя, заявляя, что такое ведение доступно только богам, а люди молву лишь одну повторяют. Ксенофан заявил, что истину человек не знает; и даже если случайно набредёт на истину, то он всё равно не узнает её, ибо истина — это дело бессмертных, и блага ее не для них. Правда, изречение «Истина неведома человеку», Ксенофан считал истиной, доступной и смертным.

И если есть люди неумные, малознающие, если есть люди многознающие, если есть люди умные и сведущие в делах мудрости, то из этого неизбежно следует, что есть, должно быть существо, которое всё знает и понимает, которое обладает полной и совершенной мудростью. И мудрость эта воплощена в Боге. А поскольку в Боге всё живое, а неживого в нём нет, то и мудрость в нем тоже олицетворяется, персонифицируется, становясь живым существом, Софией.

Итак, внутренняя эволюция постижения мудрости как истинного знания постепенно ведет к осознанию её в качестве божества. Носителем мудрости во всех мифах выступает дева, наставляющая умным делам и обрядам мужей многоопытных. В античной мифологии олицетворением мудрости становится Афина Паллада — многодаровитая мать всех умений, художеств, искусств и мастерства людей; особо она опекает и защищает коллективистские, гражданские блага, которыми устроятся законы, дома, города. Афина представляет как бы второе дыхание человека в экстремальных ситуациях, вызывает неведомые силы царств и городов в их сопротивлении бедам и нашествиям; она рождается из головы Зевса сразу взрослой, вооруженной и обладающей всей полнотой власти над хаосом, ложью, обманом. Афина — парадоксальное необычное божество даже среди богов, выступая как дева, дочь, мать и хозяйка, как исполнительница воли и замыслов Зевса, как чистая демиургия, создающая орудия обихода, устои семьи, городов, царств и мироздания. Афина — дочь Зевса, но рожденная без матери из головы отца; она — жена, но не рожавшая, а создающая из себя семьи, общины, города, государство, все

бытовые, гражданские, ремесленные, художественные и умственные способности, сам язык; она — мать, не знавшая и не имеющая мужа, но возвращающая своих «детей», охраняющая их даже от гнева Зевса; она — дева чистая и непорочная, обучающая и научающая людей нравственным и гражданским добродетелям, целомудрию. Так и София, имея женский облик, не является женщиной, находясь вне половых различий, хотя может принять любой нужный ей пол. Парадокс, но факт!

Уже изначально слово софия (мудрость) выполняло творческую, гармонизирующую, медиативную, посредническую роль, соединяя в себе смыслы земных и небесных, человеческих и божественных («олимпийских») реалий, деяний. Но в древнегреческой культуре мудрость лишь обожествляется, олицетворяется, а сама лица еще не имеет и лицом не является.

Уникальная таинственность и парадоксальность мифических образов, их неисчерпаемо буйные метаморфозы обусловлены тем, что все существующее ищет свою высшую — личностную — идентичность. Творческую свободу космоса, начиная с его хаотических первосмешений и кончая устройением олимпийской деревни, выражает мифологема, она же — теологема, она же — идеологема, она же — софиологема, она же — филосогема Софии Премудрости Божьей. Но в философии это стремление к высшей личностной идентичности в сфере мудрости Софии выступает как безответная любовь, вне которой остаётся унылое сожительство со всяческими подобиями, отребьями знания и людей.

В полной мере сущность, роль, назначение и деяния феномена Софии-мудрости раскрылись только в христианстве, став его Софией Премудростью Божьей. Строго говоря, софийность нельзя определить стандартными логическими методами, ибо она сама определяет содержание, которое человек может познать, принять его откровение в своё сознание и логику. Софийность делает возможной логичность, саму логику, а не наоборот. Вещи, мир познаются через Софию, а потому они становятся открытыми и доступными человеку. Изначально, до греховной катастрофы, познание было софийным и софиологическим.⁷¹ Познание было аспектом софийного, религиозного акта общения сотворенных вещей, людей с Творцом, а уже потом, искусственно обособившись, оно стало гносеологическим феноменом.

Знаниева сущность Софии означает как открытость творений Творцу, так и смысловую опеку Творцом своих созданий. София говорит, что мы не брошены Богом, но мы не должны быть иждивенцами Его, а

должны постоянно доказывать свою христианскую сущность совершенствованием своей жизни. Ибо христианство и совершенство не мы имеем, не нам присущи, а они имеют нас, мы им присущи.

В ветхозаветной традиции личностный облик Софии-мудрости становится абсолютной необходимостью. В Ветхом Завете творение максимально удалено от Бога, который невидим, недоступен, трансцендентно несоизмерим с жалким человеком, дрожащим от страха перед случайным концом. Но опыт веры, сама вера как жизненный факт возможна лишь через присутствие Бога в творении. И этим присутствием становится София Премудрость Божья.

София — многоумелая помощница и хозяйка Творца. София представляет пассивное знание-начало, в котором и посредством которого Бог творит небо и землю. Дом — главный символ и принцип библейской Премудрости, через которую идет самораскрытие трансцендентности Бога в Доме природы, в Доме народа, в Доме семьи, в Доме души и ума, в Доме личности человека, в Доме Знания. Символ Дома выражает дух согласия и мира, сплывающий людей в малые и большие общности, в царства. И лик Премудрости не растворяется в Христе, в Св. Троице, сохраняя всегда открытыми ворота между трансцендентным бытием Святого и земными реалиями жизни. Образ и лик Софии Премудрости открыт во всех направлениях, неся просветление, просвещение, осмысленность всему существующему.

С. С. Аверинцев находит в Софии и теократический принцип. «Благоверное царство и благочестивая ученость — вот две равновеликие формы проявления Софии в мире людей».⁷² Поэтому главный храм христианского мира был освящен 12 декабря 537 года в Византии именем Софии, которая вновь и вновь напоминает нам о союзе власти и мудрости, преодолевая метафизическое сиротство, метафизический изоляционизм людей, делая их полноценными гражданами смыслового мира Духа и культуры, давая им понимание низшего и открывая их для благодати небес. В то же время София соучаствует с человеком в создании философии, призванной изучать превращение её идеальных сил в меры и формы материи, содействовать разрешению материи от бремени идей и смыслов.

София выражает меру и тайну сакрального (идеального) достоинства творений и человека. Слабым подобием её служит стоимость, которой тоже присуща антропологическая мистика: стоимость действует как некий анонимный субъект, иногда

показывающий Адаму Смиту свою невидимую руку, но чаще всего творит этой рукой кризисы. София представляет высшую, подлинную стоимость, показывая, что подлинным её источником является неэквивалентное сакральное благо.⁷³

София есть символический ключ к Тайне самих тайн. Тайна предшествует миру, завершает его, раскрывая себя в человеке, назначение которого — хранить тайное как исток жизни. Тайна раскрывается в Слове, Слово — в Боге, Бог — в мире и в человеке, человек — в богочеловеке. Слово не только обозначает вещи, но и творит их, становится мирской реальностью, выражая совпадение начала и конца в их продолжениях.⁷⁴ София роднит людей и поднимает их на уровень богородства.

София — абсолютное знание-первоначало. В Софии онтология, гносеология, методология и метафизика неотделимы, становясь в ней сотериологией, спасающей вещи и человека от невежества, возвращающей им благо чистого бытия как знания-оригинала. В Софии знания не превращаются в копии, а становятся реальными субъектами, живыми существами.

София-мудрость — это особое знание, охватывающее трансцендентное и земное содержание; это знание само открывается и проявляется, но при условии наличия жаждущих и ждущих ее смысловой скорой помощи, при условии, когда сама антисофийная реальность терпит катастрофу и взывает к мудрости небес. Софийное знание тогда само находит нас, открывается нам, входит в нас через смысловые константы мира, но лишь в том случае, когда мы знаем о нем, зовем его, ждем его, работаем на него. Даже простой радиоприемник ловит ультракороткие волны лишь тогда, когда в нем есть приемное устройство этих волн.

В этом плане София-мудрость как непознаваема, так и познаваема, о чем свидетельствуют Священное Писание, храмы, Церковь, иконы, богословие, русская философия, софиологические споры, которые без особого трансцендентного знания были бы невозможны. София-мудрость познаваема только как субъект и автор всякого познания; но она непознаваема как объект, ибо она никогда и нигде не может быть объектом ни в познании извне, ни в самопознании. Объектом внешнего познания София-мудрость не может быть просто потому, что она является субъектом, а познание — ее внутренним событием, а потому даже вещи при встрече с ее мудростью обмениваются

свою профанную объектность на сакральную субъектность. Абсолютная личность Софии-мудрости не может быть объектом, ибо она начало, проект, путь, средство, цель, инициатива, созидание и ценность любого объекта. София является субъектом любого предмета еще до того, как он станет объектом, так как в Софии ничего мертвого и несубъектного нет. Но и познавать самое себя, быть объектом самопознания София-мудрость не может, ибо она стоит выше знания и незнания, выше оригинала и копии, будучи оригиналом всех оригиналов, их творящим началом, которое не допускает фиксации, о-предел-ения свой созидательной свободы. Сама София как субъект постоянно убегает от всех своих попыток сделать себя объектом, скрывается в своем неизвестном мире. София есть сакральная личность, в которой идеальное скрывает свои тайны и загадки; раскрытие этих тайн и загадок сделает ненужным идеальное, мудрость, а вслед за ними исчезнут смыслы мира вместе с самим миром. София-мудрость — это полнознание, которое делает возможным любое знание, но с — «минус 1». Эта минусовая единица делает человека человеком, а, одолев ее, он станет величиной неопределенной и неопределимой, а вечно становящейся неизвестно чем, воплощением возмездия.

Эта тайна Софии-мудрости как субъекта без объекта, необходима миру и человеку, ибо без этой загадки полнознания мудрости, недоступной людям, человек не сможет познавать и отчасти понимать все остальное. Цвет не имеет цвета, температура не температурит, сам холод не холоден, огонь сам себя не обжигает, вода сама себя не увлажняет и т. д. Мы привыкли к подобным явлениям, смирились с ними. Нужно смириться и с тем, что Софию невозможно познавать как объект, а как субъект она сама владеет знанием и незнанием, не нуждаясь в нашем познании ее.

Поэтому в размышлениях о Софии-мудрости человеку остаются лишь косвенные, окольные описания ее полнознания. По плодам вы узнаете ее, но истоки плодов, закон их произрастания можно изучать лишь по аналогиям.

Все нереализованные возможности, силы таятся в идеальной сфере трансцендентного. Поэтому София представляет особый, «третий», мир, в котором трансцендентные идеальные силы воздействуют своими энергиями на земное, преобразует материю своими ценностями; но через Софию земное стремится приобщиться к небесному, а материя — стать сакрально значимой реальностью. В

Софии субстанциальность знания, идеальных смыслов достигает уровня субъекта, личности, Девы. София — пограничная зона между трансцендентным и земным миром, разделяя и соединяя их.

Этот третий мир софийной мудрости необходим даже для возникновения и существования веры, являясь её основанием. Ведь не только человек верует, но и бесы веруют и трепещут. А человеку присуще софийная вера, пронизанная рефлексией, пониманием того, что сознание, ум и язык есть небесные дары, соединяющие людей с Богом вопреки даже их губительному своеволию. Радикальный монотеизм исключает непосредственно личностное общение трансцендентного, потустороннего и несоизмеримого Бога с миром и с человеком. Но, чем дальше Бог, тем большая нужда в понимании, тем острее потребность в милосердии и спасении. Требуется некая особая реалья, в которой проявляются, действуют имманентные силы Бога, в которой возможны трансцендентные прорывы, выходы человека за пределы своей смертной доли. Сам Бог невидим, а говорит, проявляется действует посредством Славы, Силы Своей, через ангелов (вестников). Необходимо некое привилегированное творение, существующее вместе с Богом до создания мира и служащее органом, который и сотворён, и сам творит, и наделяет творческими способностями все свои создания.

Наиболее полно действенные силы Бога выражает его Премудрость, София, в которой сверхъестественный, невидимый Бог действует естественным способом знания, а ум, сознание, душа и язык человека могут действовать по логике надежды, которая прорывается к нему из трансцендентного мира. София неотделима от божественной мощи, но она и не сливается с ней; она безлична и в то же время это особая личность, Дева Небесная, Хозяйка, Художница Бога; она открывает во всём существующем промысел Господа и в то же время побуждает все творения стремиться к познанию, осознанию, ословесниванию своего бытия; как творение, она неотделима от Творца, но и не сливается с ним, обладая всей полнотой полномочий в отношении остальных творений. И такова София Премудрость Божья — оригинал и существо, тайная встреча Бога и творения ещё до создания мира, в созданном мире и в мире, которые создают Его творения.

Поэтому «начало Премудрости — страх Господень» (Пс. 111,10; Притч. 1,7; 9,10). Почему именно страх? А потому, что контакт неба и земли молнии подобен, это — страшное место и страшное событие, радикально изменяющие жизнь, обретшую опыт встречи с

молнией. София преображает страх и опасность встречи с Господом в особое, откровенческое знание, которое становится источником других знаний и умений людей. Это софийное знание предстаёт как несокрушимый Авторитет, как тайный Приказ и как внутренний Долг человека. София ни с кем и ни о чем не спорит: в спорах истина не рождается, ибо при родах не спорят. Сами споры наглядно показывают последние судороги истины, её агонию в субъективизме человека. Вне софийного контекста истина человеку недоступна. И страх Божий вызывает не данный мир, не трансцендентность, а встреча этих двух миров, проникновение высшего мира в низший, оригинала — в мир его копий и образов, мнящих себя единственной и последней реальностью. Именно этот страх открывает в человеке врата для вхождения в него истины, вразумляющей, исцеляющей от губительных знаний мира сего.

София-мудрость представляет уникальный тип сакрального рационализма и христианского интеллектуализма (умославия). София имеет свое тонкое и развернутое понимание соотношений «ума-разума-рассудка» — важнейших и определяющих категорий философии.

Ум познает целостность предмета, разум — его систему, а рассудок — его части.

Ум выражается целями и идеями, разум — категориями и понятиями, рассудок — абстракциями.

Ум творит принципы, разум — законы, рассудок — правила.

Ум ищет цели, разум — средства, рассудок — пользу.

Ум движется по циклу «общее (единое) — частное (многое) — общее (единое)»; разум — по циклу «частное (многое) — общее (единое) — частное (многое)»; рассудок движется по прямой: «частное — общее»; «частное — частное»; «общее — частное»; «общее — общее».

Ум движется «сверху — вниз», разум — «снизу — вверх», рассудок движется по горизонталям.

В уме мысль открывает, в разуме — обобщает, в рассудке — сообщает.

Ум стремится к бессмертному, разум — к смертному, рассудок — к мертвому.

Закон ума — мудрость, закон разума — диалектика, закон рассудка — аналитика.

Ум — начало божественное, разум — начало космическое, рассудок — начало антропологическое.

Ум — объективно-идеален, разум — идеально-субъективен, рассудок — субъективно-психологичен.

Ум эмануирует, разум — прогрессирует, рассудок — эволюционирует.

Ум понимает, разум — знает, рассудок — мнит и представляет.

Но София-мудрость остается превыше всех и всяких разделений, превыше даже самого ума. Поэтому софийный ум познает Святое, разум — мирское, рассудок — инфернальное. Ум дл для Софии — это способность не делать зло. Дело в том, что ум сам по себе — величайшая бестия, которая не позволит придумать, найти нечто лучшее, чем он сам. Люди все придумывают с помощью ума, а он не позволит придумать нечто лучшее себя, даже если таковое и имеется. И только София-мудрость находит управу на ум, принуждая его служит благу, претворять ничто в нечто, ословеснивать бессловесное и осмысливать словесное.

Поскольку Слово — это Бог, присутствующий во всех словах через мудрость Софии, то отрицание Бога невозможно, ибо тогда нужно отрицать язык, становится бессловесным и безумным существом. Суждение «Бога нет» есть акт безумия.⁷⁵ Божественные имена несут в себе софийные смыслы, которые служат ключом ко всем остальным словам и языкам. Все слова — софийные имена Бога, хранящие в себе замыслы провидения. Софийность защищает ум людей не только от безумств повседневной жизни, но и от гибели в объятиях науки. Софийный ум целомудрен, охраняя целостность своих домов, общин, городов, царств. И эта задача делает Софию персонажем, персоной, фигурой, действующим субъектом, священным лицом, неотделимым от Бога, но и неслиянным с ним. София постоянно и везде взыскует града небесного, несёт в себе идеал должного, оригинала всех вещей, слов, мыслей, желаний. София — эзотерическая литургия познания, превращающая его в свидетельство о живом присутствии Бога в мире.

8. София- мудрость: Истина личности и Личность истины

Все народы искали ключи к оригиналам мира, вещей и людей в мудрости, в цельном абсолютном знании, которое отождествлялось с Софией-мудростью. Но только Европа признала, что мудрость доступна лишь Богу, дьяволу, судьбе, а человеку остается лишь стремление,

влечение, любовь к мудрости, ставшее со временем философией. Восточный мир признает мудрость, допуская возможность полного слияния человека с истиной Абсолюта; поэтому Восток и не нуждается в философии, усматривая в недостижимых влечениях, в бесплодной любви, которая стремится к истине, но не достигает ее, трагедию распада человеческого ума и сознания.

Так оставим ненужные споры.

Мир себе уже все доказал.

Первый спор и последний — в Софии.

О бесспорности её начал.

Человеческая деятельность имеет целесообразный, орудийный, опосредованный характер; причем, средства незаметно выходят из-под контроля человека, становясь самоцелью, а в качестве целей становится неосознанное стихийное движение в никуда, именуемое прогрессом, для которого конечные цели — ничто, а само движение к этому ничто наполнено смыслами, открытиями, войнами и прогрессирующим безумием и самоотрицанием. Прогресс создал цивилизацию средств, пригодных и предназначенных только для самоуничтожения. И отсутствие целей восполняется присутствием бесцельности, т. е. безумств гибельной свободы. Телеология человеческих деяний неизбежно завершается нигилизмом, триумфом ничто и никуда.

София представляет в этом плане высший, сакральный тип детерминации, в котором нет разделения на средства и цели, а каждый момент является и самоцелью и средством, добровольным служением, самопожертвованием всего существующего своей Первопричине во имя своего сохранения и воскрешения как живой монады вечности. В Боге нет целей и средств, а есть свободные деяния творений сообразно своим внутренним сакральным смыслам. Сова, муравей, слон, кит, реки, моря, горы и другие творения существуют сообразно своей сакральной смысловой мудрости, а не как средства и не как цели внешних к ним авторов. Их причиной является их же собственный смысл, в котором и через который действует мудрость Господа. София Премудрость — это и орудие, и средство, и условие, и цель, которые выступают в творении как единая качественная сила, обладающая статусом живого лица. София — это стремление всего существующего стать лицом живым, персональной и персоналистической причиной.

Во всех религиях встает одна и та же проблема средств и целей Бога. Поскольку телеология человеческой деятельности неприменима к Абсолюту, то возникает вопрос о том, посредством каких орудий, органов, средств осуществляется сакральное творение. Ответ один и тот же, простой и неотразимый. Бог творит посредством своей мудрости, своего цельного всезнания и всепонимания, реализующих свои планы и замыслы непосредственно в миг их рождения. И поскольку для Бога все живые, а мертвого нет вовсе (даже смерть, мертвое бог воспринимает как живое, ну, хотя бы в обликах дьявола и бесов!), то и мудрость, божественное знание тоже становится живой личностью — Софией, которая является Первым творением, а потому служит Помощницей, Художницей Бога, Домостроительницей, Учителем всякой твари, разделяя с ней ее радости и невзгоды. Поэтому София Мудрость — это не просто воплощение, олицетворение абсолютного, истинного знания, а сакральная антропологизация знания, преобразование, возвращение знания к Тому, Кто стал первознанием, подарив человеку этот бесценный дар, в котором человек видит лишь утилитарную пользу, а не свою небесную перспективу.

София — это божественное знание в силу своей истинности и совершенства, ставшее Личностью Абсолюта. Как вещи и люди, достигнув гносеологически критического уровня, когда им некуда и незачем больше развиваться, становятся знаниями, человеко- и вещьобразными оригиналами, так и знания, достигнув критически антропологического уровня, могут становиться и становятся вещами вещими и людьми мудрыми. Все эти превращения настолько парадоксальны, необычны, диковинны, что реалистам они кажутся абсурдными и невозможными. Хотя смерть, которая своим абсурдом (утверждает бытие небытия?!) превосходит любую невозможность, они признают естественным событием. Ведь человечество так и не может постичь код смысла смерти; а вот домофон смерти открывается сам при виде человека, как в двери в супермаркетах.

Софийное знание — это первознание, знание-оригинал, выступающее как умная первоматерия самого Бога; эта первоматерия, став живым существом, Софией, воплощается в многообразии форм мира. И познавая мир, избранники Софии наряду со своим гадательным знанием, незаметно соприкасаются с элементами первичного внечеловеческого знания, из которого состоит субстанция всех вещей.

Однако, софийное познание не завершается порождением нового оригинала знания, и не сводится к нему. Софийное знание спасает даже в копиях сакральные элементы вещей и людей. Эти элементы не улавливает разум отдельных людей, их коллективный разум, ибо они доступны только оригиналам в мудрости Софии. Но София — это и знание, которое достигнув истины, становится личностью, говорящей, поучающей, вразумляющей; София есть личность самого чистого знания, воздействующего на мир идеальными силами своими. София – это высшее знаниевое существо, сотворенное Богом. Премудрость Софии служит проектом, органом, душой, праидеей Божественного Домостроительства: она участвует в творении, связана с искупительной жертвой Спасителя, Судным Днем и воссоединением человека с Богом. София внутренне связана с миром и природой, снабжая их знаниями и умениями, необходимыми им для жизни; она постоянно обновляет их, принося новые силы жизни, плодородия и радости. Она заботится и о людях, учит, просвещает, ведет их и спасает, посылая им пророков, учителей и вождей. София ищет тех, кто ищет свой оригинал, наделяет их даром воспринимать ее откровения.

Различие между софийным знанием и обычным человеческим знанием можно провести по аналогии с различием между золотыми и бумажными деньгами. Золото имеет ценность и вне своей денежной функции, а бумага без придания ей иного статуса сама по себе имеет ценность небольшую. Как многие операции с золотом незаконны, так и софийное знание отчасти конспирологично. Софийное ведение соединяет знания, данные в откровениях как благодать с трудными и трудовыми мнениями человека. Во всех случаях влечение, стремление к софийному знанию выражает ущербность, неполноту человеческого знания, которое может дополнить, возродить свои смысловые энергии силами оригиналов. Человек ищет, добывает нужные ему знания, не ведая того, что именно ему нужно; софийное знание само находит людей, добавляя к человеческому знанию вести, послание оригиналов мира. К своему оригиналу неосознанно стремится каждая вещь, каждое существо, каждый человек, каждая страна, конечно, если у них есть такие оригиналы, а сами они не мнимости копий из копий. И это стремление выражается в строительстве храмов Софии Премудрости Божьей. Храм Софии, построенный в Византии, воздвиг саму Византию. Храм Софии воздвиг и Киевскую Русь. Софийные храмы — соучастники строительства Московской Руси. София была тайным соучастником

даже созидания СССР; общенародная собственность, организованная единым хозяйственным планом возможна лишь благодаря подсказкам Софии-мудрости, которой ныне внимает, кажется, лишь Китай. И сегодня софиократия является общей идеей всего христианства, общей идеей Церквей, государства, университета, Дома, Семьи. София Мудрость незаметно воздвигает и Дом России для Второго Пришествия... И все же София остается символом тайны самой тайны, недоступной даже мудрым. Каждому свой ранг! Должно быть Нечто, недоступное не просто людям, но и Всевышнему! И это Нечто не только «Должное», но оно и в сущем есть: скажем, Рай был не совсем Раем, если в нем произошло столь ужасное событие! Значит, был в Раю и скрытый большущий изъян, ставший смертью! А грешников можно было и иначе покарать, а не смертью!

Итак, София-мудрость сама по себе, как всеобщий сакральный феномен, опирается на объективный смысл, разлитый по всем модальностям мироздания и служащий их целевой причиной, сохраняющей все многообразие бытия от поглощения черными потоками времени.

В чисто описательном плане мудрость изменчива и неуловима как форма костра, который не имеет постоянного пространства. Мудрость — это мысли, которые все люди всегда понимают, которые все объясняют, сами не нуждаясь в объяснениях в силу присущего им самообъясняющего дара. Мудрость — своеобразный перводвигатель мира; это — смысл, умеющий находить, создавать созидающие смыслы. Как смысл, закованный в термины, мудрость можно определять, руководствуясь стандартами даже математической точности. Как смысл, находящийся в процессе рождения, мудрость допускает окольные, косвенные пути, методы аналогий, притчи, сказания, парадоксы, разномыслия, апории типа Ахилла и черепахи, даже рискованные эвристические приемы, губящие самоуверенных наглецов.⁷⁶

Далее, в мудрости можно видеть стремление, потребность, умение претворять все реалии в смыслы сознания, ума, в душевные и словесные силы. Но мудрость не просто создает идеальные образы мира, а ищет его идеальные оригиналы; создание же чисто субъективных копий этих оригиналов — это дело софистов обаянных. Аристотель полагал, что каждому человеку присуще любопытство, которое таит в

себе влечение к мудрости, стремясь найти в ней причину своего беспричинного волнения.

Мудрость является совершенным, священным сознанием, исцеляющим человека от духов злобы поднебесной, от вражды и агрессивности, от алчности и тщеславия. Ибо все, что прошло испытание сознанием, умом, душой и языком человека, уже не может быть враждебным человеку. Сила мудрости в ее абсолютной нравственности. Мудрость — это нормальное полноценное сознание, превращающее язык, мысли, ум и душу в органы абсолютной нравственности. Разум, мысли, душа и язык вне нравственности, вращаются в губительной пустоте пороков, ибо нет сознания, ума, души и языка без нравственности, как и нет морали без этих идеальных сил. Самые возвышенные элементы бытия не войдут в идеальный мир ума, сознания, души и языка, если они не прошли нравственного испытания. Мудрость приемлет уныние, горести, измены, зло лишь для того, чтобы питать ими костер любви и понимания. Беда и радость крестятся и очищаются, прежде чем подступить к мудрости, а в мир пошлости они уныло плетутся как бараны на бойню.

Без мудрости невозможно адекватное понимание, истолкование познания, которое включает в себя и признание Всезнающего, и суждение — не только логическое, но и нравственное о добре и зле. А такое полноценное знание самостоятельно и без софийной благодати добыть человеку невозможно. Для постижения добра и зла нужно стоять выше этих начал, что для человека невозможно в силу греха; поэтому человек как судья всегда будет подыгрывать злу, ибо оно ниже человека. Запрет познания добра и зла говорит людям, чтобы они не пытались поднять скалу, ибо надорвутся. Но люди всё же подняли скалу, раздробив её взрывами на части, не зная теперь, что с этими частями делать, ибо целое-то исчезло.

Обычно религиозное познание измеряют и оценивают наукой и философией, хотя следовало бы поступать наоборот. Ведь религии мудрее наук и философии хотя бы возрастом своим, перенесёнными ими испытаниями, своей конструктивной ролью в создании цивилизаций, своей жизнеустойчивостью, обусловленной несомненно трансцендентными причинами.

Не следует смешивать мудрость с умом и разумностью. Очень умны грабители банков, но они не мудры, ибо мудрости эти банки даром не нужны. Можно допустить, что, мудрость есть очищение и

преображение разума человеческого божественным умом, наделяющим человека всевидящим сознанием.

Поэтому убежища и спасения от мрака жизни следует искать не в разуме, а в мудрости, ибо суть человека не в разуме, а в нравственности; мудрость же невозможна без гармонии ума и доброты. В разуме нет любви, а центр мудрости — любовь. Двери разума открывает мудрость, которая находится вне разума; разум же находится в садах мудрости. Разум закрывает двери перед злом, запрещает, исключает, уничтожает его, отступает перед ним, но он не знает дверей своего добра. Мудрость же приводит в порядок хозяйство разума, увеличивая его смысловые резервы. Поэтому мудрость это не порождение разума, а выражение исконных страданий человека об утраченном всеведении и скорбь истины о падшей душе. Разум — лишь часть мудрости, которая обитает выше оригиналов и копий. Поэтому мудрость свершает поступки, которых разум не одобряет или скептически оценивает. Мудрость говорит разуму, что нужно платить добром за зло, любить врагов, делать из них своих друзей. Разум, стиснув челюсти, допустил это безумие, но не принял его, а стал совершенствовать оружие. Мудрость же не довольствуется вразумлением врагов, а идет дальше, ищет истоки вражды и зла. Мудрость оправдывает и любит все существующее, лишь за то, что Творец дал ему таинственный дар бытия. Она ищет дороги от видимого к невидимому, от любимого, к тому, что мы будем любить. Она срезает пути, которые нас не радуют, открывая все то, что будет нас утешать и помимо нас. Можно даже сказать: раз люди есть, значит, они чем-то интересны Софии-мудрости даже в своем предельно падшем состоянии. Интересно бы узнать ее оценку современного человека? Человек ли это?

Таким образом, есть огромные слои смысловой реальности, целый смысловой мир, который не охватывается чисто человеческим умом, сознанием, душой, языком, но который настойчиво требует своего признания; его признания требует и сама жизнь, ее идеальные силы и ценности, зашедшие в тупики прогресса и процветания. И этот смысловой мир признает, работает с ним, дает ему задачи лишь особая сила мироздания — мудрость, вырабатывающая цельное знание и понимание сущего, охватывая и оценивая своим взором все ясные, точные и туманные, неясные, интуитивно даже не схваченные идеи.

Но что же представляет собой мудрость уже не сама по себе, а в человеческом разумении? Не нужно стремиться определять ее слишком точно, ибо это значило бы заключить ее в немудрые оковы. Это напоминало бы ученого, который умерщвляет животное для того, чтобы познать жизнь. Мудрость не имеет определенной формы, ибо сама жизнь еще не определила своей сути.

Мудрость не любит слишком ясных и понятных идей, видя в них подозрительные тени лжи и мрака. Поэтому математики, геометры и программисты не бывают мудрыми. Ясные идеи направляют внешнюю жизнь, но смутные идеи царят во внутренней жизни; а жизнь видимая всегда подчиняется жизни невидимой и страшной, ибо в ней кара сразу же следует за виной. Глубинные пласты своей жизнь таит в незнании, а в знаниях она внешне выражает свою незнаниевость.

Декартовская совершенная ясность идей есть признак их усталости, исчерпанности, даже — опасности, ибо они настырно навязывают себя в качестве спасителей мира, хотя на деле они представляют собой лишь его блестящие надгробия. Великая идея — это смысловая энергия, которая сжигает материальные стены тюрьмы жизни; а такая идея всегда и немного ясная, и во многом совсем неясная, возбуждающая силы души, ума, сознания и языка, побуждающая их искать в наличном бытии невозможную реальность правды. «Как трудно видеть то, что ясно вижу» (Шекспир). «Все ясно» глупцам и безумцам. «Ничего не ясно» пронырам и хитрецам. «Кое-что ясно, а остальное мрак» — девиз спекулянтов и мошенников; «Во мраке есть свет неугасимый, а в свете есть мрачный глаз, который не видит света» — таков закон мудрости. Поэтому следует иметь много ясных идей, но для того, чтобы разбудить в своей душе возможно большее число идей смутных, которые питают своей смутностью жизнь.

Христианство в этом плане самая совершенная мудрости из всего известного человеческому роду. Все идеи христианства и ясны и весьма темны, они просветляют благих и ослепляют злых, они дают знания нуждающимся и делают безумными книжных умников и утилитарных хитрецов; они несут в себе реальность чуда и терпение жестокой банальности серого, тусклого существования; они спасают в человеке вечное и губят смертное; они безумны для ясновидящих и разумны для сомневающих; они светят каждому человеку и в то же время гасят свет понимания у злодеев; они делают ясной смерть и тем самым губят ее, делая в то же время загадочной вечность, чтобы

максимально мобилизовать людей на штурм неба; они несут новую жизнь, но они сохраняют и благостность жизни вообще; они строги, точны и непротиворечивы, но они многозначны, парадоксальны и полны самых немислимых антиномий; они возвышают человека до Бога, но и принижают до праха, дабы человек мог охватить всю полноту жизни, необходимую для того, чтобы остаться человеком; они смиренны и покорны, но они сильнее всякой силы, всех империй, которые склонили перед ними свои пустеющие головы; они полны философии и науки, но они и преисполнены софийным светом, который озаряет пути науке, искусству и философии.

И люди, видимо, существуют лишь потому, что Бог, следуя советам своей мудрой Софии, еще не решил, как поступить с этим своим творением. А нерешенность антропологического вопроса в сакральных мирах порождает в человеке злобу и агрессию: люди недовольны собой и особенно недовольны другими людьми по самым разнообразным и ничтожным основаниям в силу своей предельно извращенной природы, которая извращается все больше, следуя законам прогресса.

«Мы малодушны, мы коварны,
Бесстыдны, злы, неблагодарны;
Мы сердцем хладные скопцы,
Клеветники, рабы, глупцы;
Гнездятся клубом в нас пороки»

(ПУШКИН А. С.)

Как могут думать, жить и поступать подобные существа? Для них есть только одна возможность — считать себя, свой образ мысли и жизни нормальными, а всех остальных нужно исправлять, совершенствовать, хотя некоторые исправители рода человеческого согласятся с тем, что они тоже нуждаются в основательной переделке и перестройке.

Но вот вопрос? Планов переустройства и совершенствования человека ровно столько, сколько исправителей неправильных людей. Какому же плану следовать? До сих пор ни один проект совершенствования не улучшил, а ухудшил людей, ускорив их движение по пути всеобщего суицида. Нет никаких гарантий, что совершенствование, перевоспитание, переделка людей сделает их лучшими. Тюремь, исправительные заведения только углубляют и совершенствуют преступные дарования малых и старых.

Итак, как быть? Остаться человеку в данном состоянии невозможно (если не использовать дурман материи и психизма!), в чем большинство и само признается, стремясь найти панацею от всех пороков своих в прогрессе. Но если мы допустим, что свершилось чудо, что все люди, или большинство, стали настолько совершенными, как от них требуют идеалы, совесть, уставы Царства Божьего! Что же тогда произойдет?

А ничего особенного! Люди будут по-прежнему грешить, но уже новыми, более совершенными пороками, опять будут недовольны друг другом, да и каждый самим собой, опять будут сочинять моральные кодексы, благодатные биоинформационные ошейники, чтобы в итоге опять-таки переделать существующих и уже переделанных людей в некие новые совершенные существа. И конец этому бессмысленному и ненужному совершенствованию предвидится только вместе с жизнью.

Итак, оставаться в данном состоянии человеку невозможно (смерть и болезни съедят!), совершенствоваться в другое качественное состояние рискованно, сомнительно, да и проблема-то постоянного переделывания человека во что-то иное останется все равно нерешенной.

Думается, что и в вечности, в Царстве Божьем найдутся новые люциферы, которые доказывать будут: «Так жить нельзя! Мы мир божий чуть-чуть подправим, кто был благим, станет дурным!». А дурной возлюбит и захочет вечный бой ради самого же боя и разрушений.

Итак, каков же возможен выход для неумного человека, ищущего себя и свое законное место в мироздании? «Все течет, все меняется и пустотой кончается!». «Все стоит, все останавливается и люциферуцией кончается!». Остается последний шанс Софии Премудрости Божьей: «Ищите мудрость, а кто ищет, тот находит отечество, семью и друзей!». Вернее, сама мудрость Софии находит ищущих и открывает им благие пути к смысловым сокровищам бытия. Вот в таком сообществе и на таких путях Св. Троица творит золотые гармонии и благомерия Св. Духа! Творит и хранит!

Без мудрости Софии человек осужден на вечное переделывание, переворачивание, совершенствование мира и самого себя; и даже мучениями Преисподней эта перестройка и совершенствование не завершается, ибо нет предела в совершенствовании и мучений! В итоге вся эта прогрессирующая и

бессмысленная суета превращается в тягостный кошмар, от которого человек спасается безумием и смертью! Хотя в небытии ума и жизни покоя, смысла тоже нет, а есть свой прогресс и свои кошмары бесконечного переделывания и совершенствования! Как ни крути, но исход единственный и лучший, Софии мудрости принять исход, дарящий понимание, покой и смыслы, и исцеление от вселенской суеты и маеты!

«В глубоком знании жизни нет» (А. С. Пушкин). Поэт прав в том плане, что в несофийном знании, в знаниях-копиях, даже в наилучших копиях жизни нет, ибо её нет в копиях вообще. Какая жизнь может быть в фотографии, в самом совершенном портрете? Жизнь — дар и тайна Бога, которую он доверил лишь своей Софии мудрости. А вот софийные знания и есть сама жизнь, в которой эти знания воплощаются, которую они питают своими средствами и смыслами.

В этом плане софиология является особым жизнетворящим знанием, в прямом смысле порождающим и продолжающим жизнь вопреки козням всех её врагов. Не будем касаться крупных проблем, а взглянем на «мелочи». Когда мать зачинает, вынашивает, рождает дитя, ухаживает за ним, учит его ходить,— все её действия являются жизнетворящим знанием, сочетающим в единой мудрости знания и любовь. Воплощением этой мудрости является семья и царство, сочетающие в себе знания, умения, искусство, мужество, созидающая из них Домострой народа, который и является хранителем софийных и софиологических смыслов.

Мудрость (рост дум) — это не просто и не только исследовательское знание, а творящее, изобретающее мышление, работающее в условиях полного отсутствия всяких ресурсов, в условиях, когда нет никаких условий, когда остается один выход — породить, создать самого себя, свою реальность и все необходимое для нее из самого себя. Но, воспроизведя самого себя, ум умножает свои смыслы, порождая вместе с ними и новые формы реальности самосушей. Творение из ничего есть по сути творение из самого себя, а последнее есть ни что иное, как созидание знанием-оригиналом форм своего проявления. Гераклит заметил, что психее (душе) присущ самовозрастающий Логос, спонтанное творение новых смыслов и форм. Во всех катаклизмах и катастрофах истории наибольшая преобладающая способность сохранялась именно по линии знания. Другое дело, что не все сохранившиеся знания мы понимаем, не всеми умеем

пользоваться. Наш критерий знания, наше понимание знания о знании далеки от той реальности оригинал-знания, которая служит источником и порождающей силой всякой реальности.

10. София и философия

Согласно преданию, термин «философия» (любовь к мудрости, любомудрие — по-русски) впервые ввёл Пифагор, употребляя его чисто эзотерически. Но смысл этого термина остаётся и поныне нераскрытой и неосознанной тайной познания, рефлексии, теории, разума.

Ведь даже математикой Пифагор занимался не в чисто теоретическом или (и) практическом ключе, а в нравственно-религиозном плане; вообще, теорией в те времена занимались только жрецы, прошедшие религиозные посвящения. И все их интуиции, ставшие основаниями наук, культов и практик, питались энергиями религиозного духа. Поэтому и подлинное содержание философии объяснимо только глубинными импульсами сакрального духа, охватывающего всю полноту жизни и реальности. Сохранившиеся данные о жизни и творчестве Пифагора переполнены легендами, кстати, весьма реальными и здравыми. Но в целом эти сведения показывают, что философия у Пифагора означала не только теорию, но и новый, преображенный мудростью, образ жизни.

Во-первых, Пифагор полагал, что даже самые великие умы могут лишь любить мудрость, дожидаясь её отклика-откровения в своей жизни; не оглашать её смыслы, а испытывать, исследовать свою пригодность к пониманию её. Тем самым Пифагор впустил Эрос в самую суть познания, а познание — в сердце Эроса. Эрос стал силой познания, проникая в суть истин, недоступных существу без любви, а познание стало внутренним зрением любви, видящей истины, недоступные чистому разуму Канта нечистого. Любовь стала высшим познанием мудрости, а сама мудрость — деянием подлинной любви.

И это понимание философии не осталась у Пифагора декларацией или манифестом философской партии мира, а стало особым микрокосмосом реальной и крайне необычной даже для греков духовно-практической жизни, устроенной именно философией.

Пифагор и безмерно преданные ему ученики создали школу-общину, некий орден, живущий по заветам философии. Умеренный

спорт рассматривался как философское орудие сохранения здорового тела. Вегетарианство культивировалось как философская диета, очищающая душу человека от общения со смертью в виде убитых животных. Утренние и вечерние распевания религиозных гимнов, молитвы и музыка служили философскими средствами очищения души от суеты и возвращения её к общению с богами (Богом). Математика служила философским средством восстановления ума, загрязненного и притупленного работами на службе у корысти; занимаясь изысканиями практически бесполезных гармоний, теорем и смыслов чисел, фигур, ум восстанавливает свою первоначальную силу и целостность. Человеческое общежитие философия очищает посредством идеи справедливости и устраивает на основе дружбы как высшего блага. Изучение философии готовит людей к семейной жизни, а семья выступает как философская форма возвращения нравственности и благочестия, как защита от полового безумия. Школа служит основным философским инструментом очищения, исправления государства и власти, ибо в школе правители и граждане приучаются повиноваться своему общему властителю — мудрости и её учителям. Собственность ордена сочетала в себе общие и частные элементы: члены ордена могли отдать в общее пользование всю свою собственность или только часть, или вовсе ничего не вносить в общий котел; никаких привилегий и ограничений прав собственность не давала. Школа Пифагора представляла собой уникальную коммуну, в которой превыше всего ценился культ мудрого человека, свободно живущего по заветам мудрости богов, готового добровольно в любой миг принести себя в жертву во благо отечества и своих друзей. И хотя для приема в школу Пифагора нужно было пройти весьма неприятные испытания, такая простая, но насыщенная тайными смыслами жизнь влекла в орден Пифагора массу людей. Власти Кротона косо смотрели на этот новый источник власти, набирающий силу не по дням, а по часам. Терпение отцов города кончилось, когда в школу Пифагора пошли дети олигархов, променяв богатство на праведную жизнь. И мэр Кротона велел ночью тайком сжечь школу вместе с её учителями и учениками. Но вместе с пеплом по миру разнеслась и философия праведного общества. Легенда гласит, что Пифагора спасли, спрятали, орден стал нелегальным и живет поныне, укрывшись в математических сообществах.

Школа-община Пифагора — это не просто внешнее практическое применение, воплощение философии, а это ее живое

бытие. Организм человека — это не применение идей головы, а их наличное телесное бытие. Почти все древние философы не просто размышляли, но и превращали свои знания в школы-общины. Платон и неоплатоники пытались даже превратить философию в государство! Таковой была первая мудрость, София, действующая в облике Афины Паллады, первых мудрецов Эллады, первых её философов, первых творцов быта людского. Вход в философию, представляющей мир софийной мудрости, возможен только через коммунистический, коллективистский опыт жизни, а чистые штудии философских текстов порождают не философию, а текстологию (в лучшем случае). Да и подлинными отшельниками, пустынниками, мудрецами могли стать только образцовые коллективисты и коммунисты. В средневековой культуре вход в философию был возможен только через Церковь.

София-мудрость не приемлет навязанный лукавым способ учебы путем зубрежки, заучивания, вдалбливания знаний, а она стремится учить исподволь, косвенно, чтобы человек и не замечал, что его чему-то учат. Таким незаметным способом София обучает малышей родному (!), родному языку; внешне кажется, будто они сами по себе усвоили язык, на изучение которого другие люди тратят всю жизнь. Незаметное и непонятное усвоение ребенком первичного знания служит неопровержимым доказательством того, что София-мудрость есть, и что она постоянно опекает человека, снабжая его знаниями, без которых он бы погиб; но ни знаний этих, ни методов, ни источников их получения человек не может понять, хотя и осознает их.

Причем, речь не идет о пресловутом «25-ом кадре», когда человеку в бессознательном, гипнотическом или невменяемом состоянии внушаются некие сведения, даже пагубные для него. Да и эффективность этих inferнальных методов сомнительная, ибо нет ни одного человека, который выучил бы таким способом иностранный язык. София-мудрость пользуется не бессознательными внушениями (в Софии бессознательности, гипноза, невменяемости вообще нет!), а всей полнотой дарований и умений идеального, чтобы человек сам в полном здравии и в уме, осознанно и с доверием воспринимал знаниевую помощь мудрости. Подлинные знания — это знания, **родные** для человека, а потому он должен усваивать их, подобно воздуху, незаметно и с радостью живого существа. У сытого человека, у сытого животного принуждение к пище вызывает неприятие, отвращение, отторжение; а если и сломить сопротивление организма, то эта пища станет ядом или

принесет вред. А вот знания, в соответствии с демоническим и атеистическим проектом Просвещения, начиная со школы, насильственно вдалбливаются, вколачиваются в детей, преданных на заклатие Молоху Просвещения. Редко кому удастся избежать школьной муштры и стать гением, т. е. просто нормальным человеком. Видимо, не случайно современные школы, казармы и тюрьмы имеют больше сходств, чем различий: та же вооруженная охрана, непреклонные уставы поведения, наказания и уродование школьников, большинство из которых усваивают одну убийственно лукавую истину, гласящую, что учеба есть лишь средство, и нет в ней такой цели, достижению которой стоит посвящать жизнь. Да и знания ли дает образование, если их усвоение идет рука об руку с насилием? Экологическая катастрофа биосферы дает адекватную живую оценку этим мнимым знаниям, этим мертвым копиям знания, потерявшим свои оригиналы и ставшими орудиями насилия.

Софиология осознала тупик, в который ведет человечество тюремная система образования просветителей; поэтому она ищет софийные проекты познания, учебы и образования, в которых доминирует не насилие и принуждение, а софийная умелость, творческие дерзания при встрече с родными для человека знаниями, указующими пути к вечной истине. И, скажем, советский проект образования во многом был выстроен в соответствии с софийными замыслами; это образование доказало свою истину порывом к софийной мудрости, которая завершилась прорывом в Космос.

Уникальность и самобытность философии, как софийной субстанции, (а не как интерпретаций философских текстов) состоит в том, что она существует в качестве особого мира, состоящего из множества миров — известных и неизвестных. Философия — это сумма самых различных, даже — абсурдных, учений и в то же время это — строгая логическая наука со своей таблицей ум-ножения; философия — это необходимый феномен жизни и в то же время творческий стимул её свободы; философия — это и особый образ жизни и в то же время власть самой власти; философия — это мудрость, но мудрость падших людей, ищущих свое искупление. Поэтому философия выявляет, ставит, не может не ставить вечных вопросов, адекватное изучение, смысловая аналитика которых возможны лишь в контексте целостного мировоззрения, охватывающего религию, науку, искусство, хозяйствование.

Издревле такое мировоззрение именовалось Софией-мудростью, которая гласит, что ответом на вечные вопросы, является сама вечность, которая от-веч-ает на любые вопросы скитальцев во времени и в безвременных мирах. Что есть начало, середина и конец? Зачем и для чего существует мир и человек? Куда идут, куда ведут пути-дороженьки эволюции, изменений? Может ли смертное существо познать бессмертную истину, истину бессмертия? Есть ли Бог? А если есть, то зачем он допускает всевозможные мерзости на земле? Зачем позволяет геноцид детей, преступления против Себя? Зачем человеку дан разум, если мир и сам разум служат безумию? «На что дан свет человеку, которого путь закрыт, и которого Бог окружил мраком?» (Иов. 3.23.). Какой смысл пустоты, ничто, исчезновения, смерти? Зачем возникла и существует Россия, не признающая и не принимающая никаких форм жизнеустроения? Откуда, куда и зачем идет человек? Что ищет, что хочет найти он в своем непрерывном изобретательстве? Что желает он открыть посредством всех своих открытий?

Посредством философии жизнь выявляет и осознает эти вопросы своего темного и хищного рока; в философии жизнь делает предметом самое себя и видит, что вне софийного света все ее вопросы остаются безответными, вернее, на них отвечает смерть. Но выполнить свою жизневопрошающую, богоумоляющую и вечностью исцеляющую роль философия может только в составе и посредством софийного мировоззрения. Поиски такого мировоззрения и составляют эзотерическое содержание истории философии.

Но философия — не только познание, но и духовно-практический образ праведной жизни, охватывающий всю целостность её проявлений. Даже в качестве мыследеятельности философия возможна лишь как часть мифологии, религии, хозяйствования, метафизики. Философия только выявляет софийные смыслы, чтобы с их помощью человек мог не только познавать, но и совершенствовать свою натуру. В отрыве от софийной почвы философия сама по себе неизбежно завершится научным атеизмом насилия и патосексологии.

Вот в каком духовном, социокультурном облике предстала философия. Знания — это лишь часть философской мудрости, которая возможна лишь в качестве цельной личности праведного общества. Зародившаяся философия сразу же восприняла мудрость в качестве субстанции и смысловой онтологии человека, мира, богов. Для Платона и Аристотеля мудрость есть самостоятельный и божественный род

бытия, некое автономное знание, несущее в себе начала, источники и причины сущего. Мудрость есть мировой ум, в котором мыслящее, мыслимое и само знание сливаются в едином демиургическом творчестве. Мудрость ранней философии буквально совпадает с волшебством сказок, в которых самое важное творится помышлением, велением воли, смирением своего «Я», умением слушать все создания бытия, повиноваться их смыслу, почитать их тайны. Поэтому философия должна бытийствовать как особого рода софийное художество мысли.

София-мудрость является высшей и совершенной формой знания, которое позволяет человеку знать и видеть себя без зеркала посредством смыслового общения со своей душой, которая, по словам Аристотеля причастна ко всему существующему, а потому она есть вещее и вещающее знание человека о самом себе.⁷⁷ Душа все знает, являясь живой книгой идеальности сущей, буквами и словами которой служат смыслы, составляющие кровь душевную. Острее и полнее всего эту книгу понимают поэты: «И с отвращением читая жизнь свою//, я трепещу и проклиная//, И горько жалуясь, и горько слезы лью//, Но строк печальных не смываю» (А. С. Пушкин). «Пергаменты не утоляют жажды// Ключ мудрости не на страницах книг// Кто к жизни рвется каждой жилкой.// В душе своей находит их родник» (И. В. Гёте). Душа состоит из знаний-оригиналов, которые составляют ее тело, но не из копий, не из отражений. В центре души находится оригинал вечности.

София-мудрость рассматривает все существующее не как **объекты познания, не как средства человека**, а как самоценное, суверенное бытие, как субъекты вселенской сакральной федерации. Софийность противостоит потребительской эксплуатации не только людей, но и вещей, самого бытия. Люди должны быть друзьями природы, соучаствуя с нею в бытии на равных правах. Суть предметов не сводится к той роли, которую им навязал человек в своей практике. Объект — это не качество природы, а полицейский императив рассудка.

В Софии истина дана как собственность человека, а как недостижимая цель его жизнедеятельности. Скорее, человек дан как частная собственность истины, которая через Софию выводит его из «египетского рабства» научного субъективизма.

В отличие от науки, создающей копии, модели вещей, софийное знание не моделирует вещей, а мысленно, умозрительно общается с ними как с особыми оригиналами, используя при этом и

научные методы. Во-вторых, софийное мышление постигает предмет не только как объект, но и как субъект, как своеобразное, другое «Я». Наука создает голографическую картину дерева, а философия имеет дело с самим деревом. Поэтому софийность наделяет познаваемое как свойствами предмета, так и свойствами субъекта. Поэтому знание человека без софийных опор не может обосновать самого себя; человек не уверен даже в том, знает ли он то, что он, как ему мнится, знает.

И клеточками софийного мышления являются не понятия, а идеи; понятия представляют результат мышления, копии-образы познаваемого, а идея представляет оригиналы предмета и знания о нем в качестве первотворений. (Отсюда языковые императивы: «По идее должно быть так-то и так-то!»; «Идеи правят миром»; «Отдать жизнь за идею»; «Навязчивая идея» и др.). Поэтому идея запускает познание, идя от вещей-оригиналов к мысли, а понятие идет от мысли-копии к оригиналу предмету. Идея представляет оригиналы предметов и знания в мысли, определяя границы их отклонений от самих себя. Поэтому идея предшествует предметам и познанию, позволяя оценивать меру, степень проявленности сути предмета и меру точности, адекватности наших понятий. Понятия творятся разумом, а идеи даются нам Истиной вместе с бытием нашим и вместе с предметами, нас окружающими. Идеи целиком не выражаются в понятиях, сохраняя в себе непостижимую бездонность оригиналов, коренящихся в Уме Творче всяческих. Идея ничего не высказывает о своем предмете, ничего не показывает в нем, а лишь дает его смысловой автопортрет, который человек должен постичь в понятиях. Своей неисчерпаемостью идея близка к символу, отличаясь от него своей почвенностью. Идея порождает, кормит, направляет понятия и категории к Абсолюту (Гегель). Без идей (= оригиналов) нет вещей и мыслей, которые тем не менее не могут выразить их целостное содержание.

В идеях идеальное предстает в качестве мира оригиналов, «вещей самих по себе», связанных с миром явлений, копий-образов. В вещах нет ни одного качества, которое присутствовало бы в них с идеальной полнотой; да и само их бытие ущербно, ибо оно не достигает совершенства своего оригинала. Поэтому вещи изменяются, пытаются восполнить свою ущербность, а идеи вечны и неизменны. Софийность, идейность, первозданность суть слова-синонимы. Лучшим доказательством софийной природы идей служит тот факт, что без предварительного и неизвестно откуда пришедшего знания об

изучаемом предмете невозможно само познание. Знанию предшествует идея как «знание о незнании оригиналов вещей и знаний». Сократ представил этот факт в форме парадокса: нельзя познать истину, если не знать ее, ибо неизвестно, что же мы ищем в познании и даже найдя ее, не будем знать, что нашли именно истину; но если мы уже знаем истину, то каков смысл ее дальнейшего познания.

Божественное, вечное, идеальное суть слова-синонимы; виртуальное, inferнальное, демоническое тоже суть слова-синонимы. А истинной философией является христианская София Премудрость Божья. Ибо сущности вещей и природы требуют не человеческого знания, имеющего дело с копиями, а знания божественного, черпающего свои смыслы из самих оригиналов. Бытие, вещи сами по себе, сущее, сущность, ипостась, субъект есть проявления свойств идеального, его софийных, смысловых и знаниевых высот.

Именно смысловые недра софийной мудрости предопределяет роль познания и философии в жизни. И философия возникла как софийная идеология самосохранения человека во времена эсхатологические. Философия была экзотерической частью софийной мудрости, призванной творить новые реалии из ничего или — что то же самое — из самого себя, из своих Неизвестных и Несказанных смыслов. А поскольку все идеи таят в себе неведомые власти, ищущие своего неведомого царя, который ищет свою софиократию, то философия есть поиск истинной власти и истинного царя. Хотя почему неведомая власть? Речь идет о единой и целостной власти, возникающей из безысходных кошмаров техногенной глобализации, из удушающего ростовщичества, из нашествия виртуальных призраков. И эта власть может быть только органическим единением Церкви, Университета и Государства. Идеологией, связующей эту власть с обществом, с народами и этносами, может быть только философия хозяйства, ибо без хозяйства даже мертвые, даже бесы и князь их не могут обойтись. Посредством философии сакральная власть творит новую реальность, из которой произрастают новые смыслы.

В последующей истории дух отрицания (разложения!) раздробил философский организм на части, превратив философию в чисто познавательную деятельность. Почти вся философия всецело увлеклась познанием, забыв главное: сама-то София-мудрость остаётся значимой и без философии, имея собственные смыслы и права. И только в русской философии Вл. С. Соловьёв, П. А. Флоренский, С. Н. Булгаков

обратились к самому корнеслову философии, создав софиологию, которая вызвала острые споры среди богословов. Софиологии были во многом неправы, пытаясь с помощью Софии модернизировать догматический строй православия, не замечая, что догматы тоже выражают глубинные и вечные смыслы софийной мудрости. Но софиологи правы в своих поисках путей, форм, способов действия трансцендентной божественности в земных реалиях; а, с другой стороны, они пытались оправдать формы культуры, которые формируют в человеке способности познавать мир не посредством копий и образов, а посредством творческих преобразований материала и самого себя. Русская мысль искала переходы от противоречий инфернальной диалектики к единоречиям сакральной триалектики! От двуединого богочеловеческого Христа к единой христовой сущности вместе с преобразенным человечеством! Христос ведь стал богочеловеком не навеки, а только на время спасения человечества; после завершения своей трансцендентной миссии он возвратится в Отчий Дом Троицы. Они искали смысл Царства Божьего как особого рода власти именно в софиократии. В размышлениях о Софии-мудрости русская философия искала спасение идеальных сил человека, самой способности мыслить и понимать. И в наше время философия является всем чем угодно, но только не любовью к софии. И сегодня для того, чтобы не разучиться мыслить вообще, нужно думать только о самом главном и возвышенном. Только мысль о Софии мудрости сохраняет мысль от всяческих симуляций. А вообще, человек, завалив райский экзамен, показал, что он может знать философию на тройку с минусом; Бог оценил свою мудрость на большое «Хорошо!». А на «отлично!» ее, наверное, знает лишь София Премудрость Божья? Отлично знать, вообще, знать что-либо возможно лишь при условии знания и понимания смерти (ничто). А, не зная смерти, все остальное теряет смысл, становится самообманом.

11. София, Россия и русская философия

София и Россия! Россия и София! О, сколько тайн, загадок, вещей смыслов в словах этих переплелось! Сколько чудес, надежд и упований несут они для нас! Сколько вопросов, парадоксов, антиномий и апорий хранят они для недругов своих. Сколько заветов покаянных, дум и cogito окаянных, жизни влечений окаёмных они испытывают в

нас! Сколько идей, прозрений, озарений, сколько восторгов неземных и просветлений они дарят нам в святой последний миг!

Истоки русской культуры уходят в смысловые недра софийной мудрости, которая предопределяет роль познания и философии в жизни. Святая Русь — молчальница, хранящая, пожалуй, в имени своём тайное, сакральное слово, не подлежащее всеобщему разглашению и утилитарному использованию. Это Слово-Софию Русь выражала в иконах и в храмах, в исторических и природных знамениях, в умозрительном постижении потусторонних — запредельных и допредельных реалий. Это слово Россия выражала и в Лицах святых, вообще — в лице человека, ибо лицо тоже говорит много и без слов.

Наиболее последовательное продолжение софиологическая тема нашла в византийской и русской философии. В русском мире основой цельного мировоззрения и философии могла стать и стала только София, выступающая как личностное воплощение и творческое деяние Премудрости Божьей, живого сакрального знания. Через Софию философия, культура входят в религию на правах субъектов сакральной федерации, преображаясь и обновляясь в ней, не теряя своей автономности, и не претендуя на ипостасность. Но София в русской культуре воспринимается и как созидающая, охраняющая, спасительная сила Отечества. Россия всегда ощущается её народом как некая действительная таинственная смысловая и сущая реальность, логически неопределимая, но, тем не менее, имеющая какую-то историческую обоснованность в мире «сакральной сверхценности» Софии. Екатерина II осуществляла все свои государственные проекты, руководствуясь именно софийной идеологией, которая не случайно стала ядром русской философии. Несмотря на исключительную важность и творческую роль Софии в созидании Руси софиологическая проблема и поныне остается полузапретной темой, которой избегают даже видные философы и богословы, которой остерегаются даже видные философы и богословы, пытаясь всеми путями ее закрыть.⁷⁸ Исключение составляют разве исследования иконописи, в которой мудрость-София прочно завоевала свое какое-то особое и до сих пор не понятое сакральное место. А полузапретной софийная тема является потому, что ее исследование неизбежно завершается софиократией, хранящей в себе тайну грядущего и последнего правителя России.

Острые софиологические споры о сути, месте и роли Софии-мудрости в православии начале 20 века, искусственно заглушенные,

имеют судьбоносное значение для всего русского мира. Софиология не случайно стала самобытным ядром русской философии, которая пыталась донести до сознания и ума общества какие-то очень важные идеи, выразимые только софийными словами и творениями. Русская философия уже давно осознала, что парадигма западной цивилизации исчерпала себя, и Запад перешел в состояние перманентной войны со всем миром. А тема Софии-мудрости, была выдвинута не только в творчестве Вл. С. Соловьева, П. А. Флоренского, С. Н. Булакова и их соратников; софиологические мотивы пронизывает всю историю человечества, начиная с ее истоков.⁷⁹ Да и рассудок говорит о том, что если ключи к высшим смыслам веры, жизни, бытия, человека даны не в Софии-Премудрости Божьей, то где же их тогда искать? Не в глупости же, не в безумии и не в математике? Или же в ядерной физике и в клонировании их искать?

София поддерживает и сохраняет радостную атмосферу творения и поиска форм его выражения. Откуда у человека дар Слова? От Творца, но через Софию? София — творящее Слово, сказанное раньше нас, до нас и для нас. Русская философия создавалась не для писания книг, не для лекций и экзаменов, а для спасения жизни в тупиках мрака. София позволяет исследовать конспирологическую суть России. Поэтому учение о мудрости Софии, поскольку оно всё же отличается от богословия, нужно называть не философией, а софиологией в духе того, как есть геология, филология, биология. А вот антропософия, теософия со своими ценными прозрениями всё же идут не к мудрости, а в никуда.

Из каких проблемных ситуаций жизни и мысли вырастает софийная идеология? Во всех религиях труднейшей задачей остается вопрос об инструментах, орудиях, посредством которых Творец создает мир, оформляет его, наделяет его способностями, умениями, силами, законами. Так, Брахма творит мир по аналогии с пауком; он создает мир и по аналогии с пахтаньем масла, но чаще всего мир возникает из его снов. Знание же, Веды служили лишь материалом, субстанцией творения. В древнегреческой культуре боги выступали в качестве демиургов — своеобразных гончарных мастеров, создающих мир и вещи из однородной глины на основе идей-образцов. В древнейших мифологических сказаниях можно найти массу самых невообразимых миротворных вариантов.

Но именно в Софии-мудрости Великая Традиция видела выходы из всех тупиков жизни, власти, домохозяйства, человеческого

бытия. Весь фольклор держится софиологемой мудрости. Нет проблем, решения которых не ведала бы Василиса Премудрая, знающая языки всех стихий и обитателей универсума. А С. Н. Булгаков, создавший наиболее полный смысловой портрет Софии-мудрости, услышал в ней весть о Втором Пришествии Спасителя. А посредством споров вокруг Софии-мудрости выявляется, изживается инфернальная косность философии, богословия, политической и духовной жизни. Величайший подвиг и благоразумие русской философии, особенно — С. Н. Булгакова, сказались в том, что она обратилась именно к этому первоисточнику всех смыслов — человеческих, сакральных, хозяйственных, домостроительных, государственных. Н. А. Ваганова, автор лучшей книги о софиологии С. Н. Булгакова, с горечью пишет о том, что «Булгаков пока что нами не прочитан, и в этом — но уверена, не только в этом — отношении он является тем великим мыслителем, встреча с которым у нас еще впереди. ... Сама дерзновенная попытка русского мыслителя, стремившегося в своей философско-богословской системе разрешить фундаментальные антиномии бытия и в конечном счете софио-логически нерушимо связать мир с Богом — в эпоху мировых катастроф и распада всех и всяческих связей, — представляется духовным подвигом огромного и пока не оцененного исторического значения».⁸⁰ Посредством софийной идеи русская философия свершила всемирно-исторический прорыв существующего к началу XX века горизонта познания трансцендентности. Этот прорыв воочию раскрывает бесплодие всех социально-экономических, политических теорий, сверхточных, точных и «нананаук», художественных течений, практических реформ, войн и революций, которые, несмотря на свое разнообразие и разнонаправленность, все же неотвратимо держат курс в бесконечные тупики ничто и тоски, ибо все свои творящие смыслы они уже исчерпали. Надежды на технический прогресс лишь углубляют тупики ничто, решая проблемы путем отрешения человека от бытия. Ибо лишен он главного — сакрального навигатора, без которого он ведет людей не к благу, а в бездны. И лишь в софиологии жив луч света для современного мира, испытавшего все возможные теории, учения, проекты, идеи, но так и не нашедшего в них даже малейшей надежды на спасения от ничто. В Софии мудрости свершено какое-то немислимое и непостижимое слияние религии, науки, философии, искусства, хозяйства и власти; в этом синтезе автоматически исчезают проблемы, возникающие из-за разделения этих сфер активности человека.

Тотальный и глубинный кризис европейской философии (культуры, науки) был осознан русской культурой. Человек и его философские поводыри оказались на троопуты. Фрейд и постмодернизм ведут нас в бездны Преисподней, превращающей Землю в одну планетарную свалку отходов. Истина-де состоит в том, что все сущее стремится стать мусором и отбросами. И мысль, язык, сознание тоже становятся отходами и мусором виртуальных миров. А философия должна стать мусорологией истины и культуры. Или идти путем «кулака», войн и революций? Или же смиренно возвратиться к Софии Премудрости Божьей, и взять у неё смысловой заем для поиска потерянной истины. Русская культура крепко приникла к груди Софии и вопреки всем испытаниям доказала, что единственным выходом из тупиков бездны и кулака является путь софийной философии, софийной метафизики. Начался метаисторический процесс трансформации философии в лоно софийной идеологии.

Русская философия осознала ограниченность логосного, технического разума и его философии; но она не пыталась восполнить эту ограниченность иррационализмом, алогизмом в духе Шопенгауэра и Ницше, а искала исходную цельность и полноту разума именно в Софии Премудрости Божией, признающей и сохраняющей в себе малейшие проявления рацио-логосных умений человека и свойств мира. София представляет данному человеку его подлинную, догреховную реальность, хотя и невозможную в земном мире, но и не совсем забывшую свою софийную родину.

София представляет «третий путь», путь Троицы, выводящий из тупиков диалектики с её кровавой борьбой противоречий на сакральный путь единоречий и триалектики, на путь, единственно приемлемый для живых существ и мира, сакрально одобряемый и поддерживаемый небесной благодатью.

София представляет единственный путь, единственную альтернативу всем противоборствующим альтернативам мысли — идеализму, материализму, диалектике, скептицизму, релятивизму, агностицизму, модернизму, догматизму, капитализму, социализму, либерализму, тоталитаризму и прочим «-измам».⁸¹ Мироустроительный сакральный проект Софии-мудрости всегда остаётся открытым для новых смыслов, интеллектуальных дерзаний, инициатив истины, закрывая путь всем спекуляциям и переинтерпретациям очень убедительным способом.

Русская философия создала новый тип философствования, сохраняющий свою автономию благодаря постоянному обмену энергиями между религией, искусством, наукой, хозяйствованием и практическим служением России. Мифологемы, теологемы, философемы познания в ходе обобщения стали органами единой софиологемы.

Слово-Имя «София» открывает перед искренним исследователем, целый мир новых, необычных и в то же время близких, укорененных в самых глубинах человека смыслах. София-мудрость питает своими энергиями духовные и практические поиски человеком сакрально-мирской меры своего бытия, в котором будет царить единая воля, как на небе, так и на земле. А подземному, бессознательному мраку и страху нет места в солнечном мире Домостроя Софии, занятой устройением грядущего мира, спасающего человечества в Доме софиократии.

Софиология в силу своего вселенского смысла, с одной стороны, и универсальной мифопоэтической, сакральной и жизненной укоренённости, с другой, реализуется в религии, в богословии, в иконописи, в храмостроительстве, в искусстве, в интеллектуальной, политической, хозяйственной и экзистенциальной жизни людей. Возникновение, смысл, содержание, дела и судьбы философии и России тоже всецело обусловлены тайной миссией Софии-мудрости, исполняющей провиденциальную волю вечной философии.

Русофобия питается тем, что большинство людей уже познали самих себя, но не могут познать и понять русских, а потому видят в них нечто опасное для себя. А понять русских не могут в силу неприемлемости и чуждости для них Софии-мудрости. Софийный, русский и победный — в сути глубинной своей слова синонимы. Русскость — это субстанция человечности, ищущей софийную форму своего проявления, своей личности; без этой субстанции человек становится чистой индукцией, субъектом смерти. А субъект отличается от личности тем, что он не спасется, ибо не сознает своей греховности и смертности, заменяя софийные оригиналы истины знаниями-копиями.

Философия хозяйства, софиология при всей внешней ненаучности (математики, систематики, аксиоматики, статистики мало) остается последним смысловым резервом человеческих поисков выхода из тупика. Так и Россия: чтобы человечество ни делало, все закончится

крахом, а русская бесхозяйственность останется высшим типом хозяйства в условиях катастрофы.

Русское сознание вполне надолго не доверяет уму, ни своему, ни чужому. А чему же оно доверяет? Тому же, чему доверял Христос — Софии Премудрости Отца. Ф. М. Достоевский очень точно сказал: «В России истина почти всегда имеет характер вполне фантастический». А это фантастика обусловлена сакральным контекстом русской мысли, которая во всех формах и видах знания, в самой религии ищет софийные знаки, указатели, смыслы и откровения. Ищет и находит их в неиссякаемой фантазии Великой Художницы мира Софии. Область фантастики находится целиком в ведении Софии мудрости. Кроме того, только фантастика и миф обладают вечной, неповторимой свежестью, самообновляясь в каждой эпохе, извлекая с помощью Софии прибавочную стоимость для бытия в небытии. А вот в математической точности русская мысль видит не только средство, метод и технику познания-копирования, но и послания смерти, которая превосходит в точности саму математику. В копиях возможно бесконечное совершенствование их точности, а вот оригиналы следуют закону меры, а не точности. Софийная же мудрость превращает как точное, так и неточное, хаотичное, в живые, осмысленные создания. И софийная логика — это не человеческая логика, а логика надежды как миротворного начала неведомой реальности. Быть, иметь реальность — значит откликаться на Слово, но на Слово софийное, вступать в общение с ним, находиться в его смысловой ауре.

Софийному знанию присуща самая высшая из всех наиреальнейших реальностей реальность: но в то же время оно содержит в себе и цели, осуществление которых выходит за пределы этого мира, всякой реальности вообще в мир сакральной неизвестности. И эти сверхреальные цели определяли, определяют, формируют внутреннее духовное и социогражданское бытие России даже независимо от меры их осознания ее народами и ее властью. Эти цели, как и средства, условия, времена их осуществления определяются сакральными субъектами Провидения, хотя и все население России (а, пожалуй, и все человечество!) тоже участвует в реализации идеи ведомо-неведомого русского мира. Несмотря на трагизм, муки, тоску и бездны России (а отчасти и благодаря им!), в ней скрывается невероятный и парадоксальный по смысловой силе заряд сакральной правды и метафизического возмездия, которая выстрелит в час Авроры.

Россия в большей мере нужна не людям, а она нужна вечности и сакральному миру, которые утверждают через нее свою неисчерпаемую творящую силу. Поэтому Россия даже если бы возжелала, не сможет отречься от своей неведомой святости, от самой себя просто потому, что ее оригинал-идеальность не отрекается от нее, не позволяет познать свои смыслы науке и безбожному уму. Корыстному познанию недоступны софийные смыслы, охраняющие Россию от последнего шага как в бездну, так и в рай. Право на софийное полноведение нужно заслужить, пройдя через все страдания, искушения, через кошмарную тоску и безысходную печаль бессмысленного умножения познаний.

12. София как принцип сакрального креационизма

С эпохи Возрождения inferнальные стервятники закружили над Европой, превратив её в сплошное побоище. А философия предала мудрость, выступив против своей матери — Софии Премудрости Божьей, чей голос стал почти неслышен. Немецкая культура XVIII середины XIX вв. вернула философию в лоно христианства, где и находилась именно та София, любовь к которой философия провозгласила своим предметом и своей целью. Но этот духовный опыт оказался не по плечу последним людям.

В начале 20 века сложилась уникальная катастрофическая ситуация, когда даже сам дьявол и его смертоносные деяния оказались меньшим злом по сравнению со злом, исходящим от беспредельно свободного человека; дьявол создаёт какой-никакой строй, обслуживающий интересы смерти. А беспредельный умелец идет лишь путём разрушения, разрушая даже само разрушение, саму смерть, растворяясь в бесформенности и в неопределенности.

И философия вне софиологии объективно направлена на сокрушение человека и его божественного облика; в рамках же софиологии философия служит первой ступенькой к храму мудрости.

Поэтому сегодня нужно в первую очередь набираться ума и знаний мудрых, которые неотвратимо уходят, исчезают, заменяясь информационными суррогатами. Деньги приходят и уходят, а вот ум и знания открываются человеку и скрываются от него. Носителями ума и знаний становятся последние из могикан софийного мира. Знания из Интернета — это не знания, а информация, которая вместе с

электронными носителями стоит между человеком и познаваемой реальностью, уводя его в мир призрачного никуда. Наследственность человека это — набор возможностей, а выбор за нами. И мы ещё до рождения выбираем, кого убить, чтобы самим родиться. Кого убивает Интернет, чтобы продлить свое виртуальное мошенничество?

Чудовищные катастрофы, потери в жизнедеятельности людей идут от неправильных решений, которые порождаются неправильным сознанием и неправильным умом, неправильность которых обусловлена неправильным пониманием мира, смысла жизни, людей. Мир, жизнь и человек существуют в качестве дома и жилищ Софии Премудрости Божьей; и, значит, все усилия во всех областях своей деятельности человек должен направлять во благо мудрости, для совершенствования, усиления ума, сознания и души, языка как высших сакральных творений Бога. Только тогда станет доступным человеку высшее благо — принятие правильных решений. Все в мире определяется мерой и уровнем того, насколько ум, сознание, душа и язык понимают, осознают, помнят и выражают свою софийную сущность во внутреннем строе, в ладе и во внешних формах бытия.

Все революции, изменения определяются мерой самопознания этих идеальных сил Софии Мудрости, которые и служат высшей целевой причиной мира и человеческих свершений. Правильные решения предполагают ориентацию на самые совершенные факторы и причины мира, коренящиеся в его идеальном потенциале. Ищите Царство Божие, а все остальное появится само собой, советовал Христос. А Царство Божие — это ум, сознание, душа и язык, ставшие смысловыми институтами и органами всеединящей софиократии.

А смысл — это нахождение частью своего целого, общего дома своего народа. Частью чего, огромного, священного, надчеловеческого, служит моя жизнь? Частью чего выступает история России? Россия — это софийный мир, в котором хранятся все нереализованные проекты, в котором даже известное зло служит неизвестному пока добру. Жрецы Греции и Рима предостерегали своих правителей от вторжения в непостижимый и опасный софийный мир России, хранящий в себе тайну смерти. И с точки зрения русского «россиянина» просто жить так, как получается, нельзя, надо стать живой и действенной частью Отечества, Космоса. Смысл — это осознание человеком и страной чего-то большего и высшего по сравнению с

собственным существованием. Суть цивилизации определяется через ее место, роль и значение в софийной истории, в софийной мистерии человечества, в его противостоянии хаосу, разрушению, энтропии.

Идет революция всех революций, впервые осознанная религиями и софиологией русской философии. Эта революция призванная восстановить целостность ума, души, сознания и языка, раскрывая и умножая их творческие силы. Софийная революция представляет величайший прорыв в познании идеальных сил мира и человека; эта революция призвана дать адекватное понимание идеального и тем самым овладеть сложнейшим делом: искусством принятия верных решений. Софийная революция несет в себе новый тип — сакральных, магических — технологий, призванных заменить инфернальные технологии, несовместимые с жизнью.

И не вина русских софиологов в том, что с помощью русских же умов мир пошел по пути создания информационных технологий, имеющих своей целью заменить ум, сознание и язык их искусственными машинными аналогами. Но это тупиковый путь, ибо кризисы и катастрофы общества носят естественный характер, а посему искусственными средствами они принципиально не преодолеваются. Кроме того, на этом пути люди лишаются единственного бесконечного и неисчерпаемого ресурса — идеального мира. Уже простой анализ специфики работы человека в гипермедиасредах позволяет представить сознание, ум и мышление в качестве проективно-творческой деятельности, преобразующей ничто, отсутствие, пустоту в реальный мир. Идеальное не только отражает данный мир, но и непрерывно созидает, достраивает его, делает его соразмерным с бытием человека.

Для анализа форм воздействия идеального на мир важнее всего неконтролируемая и незамечаемая повседневность. Все самое страшное и загадочное происходит на наших глазах и находится рядом с нами. Повседневность сегодня сложнее высоких материй, ибо в ней идет ожесточенное сражение инфернального мира с естественными силами ума, сознания, души и языка. Поэтому повседневность сегодня выступает как сумма символических сфер, в которых живет идеальное — будь то извращенно структурированные образы, цвето-дымовые системы, телемутации, рваные чаты и порносайты, змеиные ритмы рекламы, бесконечные reality show, искусственные пространства самомедитации, псевдомолитвенного сосредоточения индивида на самом себе. Сохранение сознания, ума, души и языка требует

каждодневной работы по выращиванию внутри человека кристалла личной софийности, которая есть самовозрождающееся ядро этно-конфессиональной, национальной и сакральной идентичности людей. Поэтому разрушение самосознания, ума, языка путем помещения их в тюрмодобные ящики и сети — важнейшая цель информационных войн. Зачем захватывать территории, если можно через модификации идентичности изменить гражданство населения?

И лишь София, воплощая в себе целостность сознания, ума и языка, сохраняет все измерения идентичности человека, превращая их в созидающие смысловые орудия. Сегодня главными и определяющими формами ума становятся чудо (религиозное обозначение софийности), миф, магия, волшебство, вера и воображение. Посредством этих своих форм ум вовлекает в оборот реальности и ресурсы (берет заем) Иного, невозможного, нереального, невообразимого, метареального, вечного. Ум включает силы духа своего, который может ничто преобразовать в нечто.⁸² Чудо извлекает невозможное не только из возможного (реанимация), но и возможное из невозможного, невозможное из невозможного (воскрешение из мертвых).

Нужно исходить из того, что сознание, ум и язык возникли как софийные органы мудрости, посредством которых она передает человеку откровения Бога, вечности, смысловые послания Св.Троицы. Именно поэтому у человека есть труд, мораль, общество, образование, которые производны от идеальных сил Софии.

Чудом является превращение одной субстанции в другую, зерна в растение, в хлеб и в смысл. Чудом является манифестация вещами и существами не присущих им свойств. Например, в контексте познания вещи обнаруживают познаваемость, идеальную и виртуальную сущность. Чудом является безусловное нарушение пространственных, временных и количественных соответствий (мысль внепространственная и вневременная сила, а действует в пространстве и времени изменяя их и вещи. Трезвые реалисты загоняют мир в тупики катастроф, а чудаки и дураки вроде Ивана спасают его. Или сказки врут?

Воображение — софийная реальность детей, а дети — реальные послы Софии-мудрости. Дети, их ум и сознание убеждают нас в реальности чуда, воображаемого мира. И если взрослые, руководствуясь своим сознанием и разумением, загнали жизнь в тупик, то нужно брать уроки у детей. Для них реально и нереальное, а зла нет,

ибо нет знания зла, которое приходит вместе со знанием. Сказки — это реальность другого мира, в котором царит мудрость, а не наука.

«Будьте как дети!». Эта евангельская парадигма софийной мудрости, видящей мир в его догреховных измерениях как многообразие форм единения Творца и творений. Сами дети есть воплощенная и вопрошающая софиология, о которой тщетно спорят взрослые. Рождение детей — это не только физиология, но и чудо софийное, ибо они суть конспекты бессмертия, составленные их душами до прихода в наш мир. Детский дух — важнейший принцип софиологии, представляющей софийную суть, эсхатологию жизни, знания.

Объективное чудо вызывается вмешательством Первопричины непосредственно или через ее агента. Сама возможность чуда как действия Софии (как воздействия идеального на материю) коренится во внутренней нищете и неполноте реальности, которая разрушается кризисами, энтропией, а потому и взывает к своей Первопричине. Природная весна — это постоянное воскресение и напоминание о грядущей весне всего мира. И всякая весна становится чудом превращения субстанции катастрофы и слепоты в смысловую энергию субстанцию понимания и взлета.

Смыслообразующие начала софиологии выражают термины «благознание», «целомудрие», «преображение». Софиология изначально преодолевают диалектику добра и зла, истины и лжи, открывшуюся в грехе и питающуюся им. И даже закон — незаконный плод диалектики (ведь закон — необходимое отношение!); даже если он закон добра и принуждает к добру, одновременно он принуждает и к злу. «Жало же смерти — грех, а сила греха — закон» (1 Кор. 15. 56).

Благознание преодолевает диалектику, дуализм, несет в себе только добро, смысл, истину, единоречия, в чём, собственно, и состоит смысл, назначение творения; оно исходит не из человека, а из софийной мудрости, в которой нет зла, лжи, бессмыслицы. Поэтому слово «благо» не имеет прямого противопоставления, ибо «неблагое» означает отсутствие блага, а не наличие чего-то другого. А косвенно оно связано с Творцом. Открыл феномен благознания Платон.⁸³ Благознание допускает только бытие, только «есть»; говоря, что на «нет» и суда нет, благознание, тем самым обрекает его на суицидный самосуд (умножение «нет» на «нет» возвращает «нет» на службу в качестве мусорщика бытия); благознание содержит софийный алгоритм самоуничтожения зла, лжи. Для благознания «Есть» дано в Боге как

вечность, «Есть» дано вне Бога как временное и конечное. Поэтому в благознании жизнь вечная (в Боге) противопоставляется жизни временной (без Бога), а в обычном знании жизнь противопоставляется банальной смерти. Одно дело — жить и знать, что жизни противостоит смерть, которая поглощает жизнь, а другое дело — жить и знать, что жизни во времени противостоит жизнь в вечности; смерть же, лишенная привязки к жизни, вынуждена умерщвлять самое себя. В первом случае сохраняется непрерывность жизни, во втором случае в жизни зияют непреодолимые для человека провалы. Одно дело — знать, что добру противостоит враждебное к нему зло, а другое дело — знать, что данному добру противостоит добро высшего качества, готовое прийти на помощь малому добру. Благознание автоматически притягивает к себе добро, отсекает зло и выявляет во всем существующем их богоподобные свойства. Перспективы и стимулы жизни уже иные! Уже простое знание и понимание того, что жизни противостоит не только смерть, но и вечность, включает в человеческое бытие смысловые ресурсы Софии-мудрости; эти смыслы позволяют человеку жить и творить вопреки смерти, даря надежду на извлечение ее ядовитого жала посредством мудрости, как гласит русская пословица: «Если бы все знал, то бы не умирал!» Вот это «Если бы...» София-мудрость упраздняет; она знает, умеет, делает, украшает, благоволит и хранит. В ней нет сослагательного наклонения.

Целомудрие, целостность — это не холизм (абстрактное бытие целого, подавившего части), не физиологическая чистота, не механизм, а просто полнознание мудрости, в которой ничего ни убавить, ни прибавить.

София Премудрость Божья выражает и реализует не только замыслы Творца, не только делает их смысловыми свойствами сотворенного, не только обеспечивает постоянное общение сотворенного с Творцом и между собой, но представляет сам процесс творения, в отличие от уже сотворённого результата. София сотворенная, но она не тварь, а само творение, созидание, художество в их высшем совершенстве. София царит над сотворенным миром, будучи главным режиссёром Творца, делающим творение достойным бытия. Поэтому София есть Лик целостности всех ипостасей Св. Троицы. И эту суть Софии предвосхищают Василиса Премудрая, Дева Зари, Дева Неба.

Далее, в софиологии познание есть преобразование познающего, познаваемого, самого знания в новое существо — в

личность благостную. Если человеческое познание находит новое содержание вещей, если откровение даёт вечные истины, то преобразование открывает нам вечно новые облики и смыслы софийной мудрости в вещах, в человеке, в самом знании. В перспективе плодом преобразования должна стать личность, озаренная софийной мудростью и созидающая посредством верознания, умознания и мастерства.

Чисто научное познание — это внешнее к предмету и человеку деяние, даже если он при этом активно вовлечен в преобразование всего и вся. Человек может познавать, может не познавать, может познавать так или иначе, но у него нет внутренних обязанностей перед предметом и самим собой, кроме внешнего интереса, как лучше использовать предмет в своих целях. А потому преобразование здесь уместней называть извращением и разрушением.

Без софийных оснований невозможно познание вообще. Познавать может лишь тот, кто сам познан Всевышним и допущен к этому опасному священнодействию. В естествознании человек познающий превосходит изучаемые предметы своим умом, сознанием, душой и языком; но свое превосходство человек использует по софийной слепоте своей во зло, губя природу, а косвенно — и самого себя. В обществоведении человек познающий использует опыт мифологии, религии, искусства, пророков, святых, героев, которые превосходят общество, а потому служат субъектами его познания.

Но вот познание самого человека, как воплощения мысли, души, сознания и языка, практически невозможно без допущения высшего субъекта, который является автором идеальных сил человека. И таким субъектом выступает София мудрость, через которую человек сознает себя человеком, мыслит о себе как личности, а через душу и язык может воспринимать себя как божественное творение. Именно София мудрость является духовным существом, ноосферным организмом, идеальными силами которого являются ум, душа, сознание и язык людей. Эти идеальные феномены суть наиуникальнейшие силы мироздания; они не пасуют даже перед ничто и смертью, смело глядя в ее пустые глазницы, выискивая и находя содержание пропавших глаз. Ум может помыслить смерть и ничто даже в их отсутствии, опредметив их в своих категориях; сознание может осознать смерть и ничто в качестве беспредметного знания, которое дает прибежище этим мировым анонимам дьявола; душа может сделать смерть и ничто предметом своего переживания, благодаря которому они временно

приобщаются к бытию хотя бы в качестве паразитов; язык вообще не знает смерти и ничто, ибо, наделяя их своей материей, он подымается над их мощью к софийному всесилию смыслов.

Эти идеальные силы не имеют определенной формы, но способны начертить, во-образ-ить, из-мыслить, создать, любой образ, любую форму, любой лад и любой строй, воспроизвести и сотворить любой предмет в буквальном смысле из ничего, из бесконечных смысловых и световых ресурсов своей вечной и священной сущности. Бог присутствует, действует, управляет человеком и миром посредством этих идеальных сил, которые, строго говоря, не от мира сего, а потому их содержание и не улавливаются методами, математикой и логической техникой земных наук и потребляющей жизни.

Эти силы в нашем мире вообще-то даже невозможны, ибо мир наш умеет только потреблять, и созидает-то он тоже ради тянущегося в бесконечность потребления! Ну и подходит к концу своего потреблядства,⁸⁴ превращая природу в мусор и в отходы. В мире сем невозможно даже вообразить потребление, которое было бы в то же время созиданием, обогащением бытия, совершенствованием его в плане сакральности. Мир сей грезит о таком чуде, как вечный двигатель, бессмертие, но не видит, что сам он обладает органами подобных чудес, но только используют их в антиволшебных, в антимагических целях, в смертных целях, упуская весь гигантский творческий потенциал сознания, ума, языка и души. Такая реалья, как творящее и созидающее потребление, для него невозможна и «немыслима» — ибо «логически противоречива». Более того, сей мир стремится вовсе отказаться от спасительных услуг этих органов вечности, заменяя их искусственными средствами. Кто же или что же в таком случае остается естественным, ибо «крутить колеса» искусственному может только естественное?

Вообще, невозможно определить суть невозможности. Можно рассуждать о невозможном в данных условиях, но возможное в других условиях (например, НАТО уверяет, что ливийцы с восторгом вопят «Спасибо!!!» за то, что их отбомбили лучшие самолеты. Во времена Чингисхана жертвы не могли, не успевали достойно отблагодарить своих палачей!). Но в чистом виде определить суть невозможного вообще, всегда, везде, при всех условиях невозможно даже лингвистически, ибо высказывание «невозможное невозможно» само отрицает себя своим же вторым отрицанием, и оно становится добропорядочным: «Все возможно!». Ибо Господь создал нас существами

с неограниченными возможностями, которые человек сам приумножил (и приумножает!) грехами своим. Сакральная всевозможность исключала только саму возможность невозможного. А ум, сознание, душа и язык благоволением Софии-мудрости только и могут нормально работать в невозможных условиях самой невозможности. Границы, условия невозможного для человека определяются мерой его знания и понимания Софии мудрости, адекватностью его веры и любви. «Если бы любил, все бы сотворил!»; «Если веришь, невозможное свершишь!», — мудро вещают поговорки. Человек не просто разумное существо, ибо собаки, муравьи в строгом смысле превосходят разумность человека; человек — это софийное существо, способное к общению с вечностью. И софийный ум становится в человеке богоподобием, богоявлением, богообщением. Но как далеки человеки от этого ума!

Поэтому истинное познание возможно лишь как софийное изменение, преображение самого познающего субъекта, иначе предмет останется закрытым для человека. В преображении образы и подобия людей и вещей постоянно возвращаются к своим прообразам и оригиналам, измеряются ими, определяют ими свое бытие. Так происходит софийное постижения и софийное посвящение в знание. Благознание, целомудрие, преображение выражаются и посредством образов, храмов, сакрального молчания, душевного и молитвенного переживания софийной мудрости.

Познание софийное должно не просто прилаживать вещи к человеческим нуждам и порокам, а содействовать восстановлению их исходного, цело-мудренного, здорового состояния, выявлять те их силы, которые сопротивляются всяческой порче и пагубе. Софийное познание снимает греховное проклятие с человека, которому может стать доступным древо жизни, ибо в софийной мудрости проклятие само прокликает себя, снимает запреты с познания добра и зла, ибо в нём само зло окажется лишь памятью о невероятном событии, примерно так, как сегодня человек воспринимает рай. Истина, Благо и Красота Бога образуют триединый софийный идеал, трансцендентальный предмет всякой подлинной философии.

Философия в контексте софиологии выступает в качестве софийного учения, является теорией, методом, логикой и триалектикой («невозможность — возможность — действительность») освоения именно невозможного. Всегда философия занималась только невозможным, только неразрешимыми проблемами, которые являются

абсолютным гарантом ее бытования в качестве решения хотя бы возможных задач. Чего не знает, не понимает человек, во что не верит он, то и становится невозможным для него, а не само по себе. Что невозможно человеку, то возможно Софии мудрости, дарующей голове, сердцу и рукам человека новые способности, стоящие по ту сторону невозможного!

София является целостным феноменом, единящим в себе божественное и мирское, невидимое и видимое, материал и творчество, науку и смысловые проекты ноосферы. Софиоцентризм — первичное и основное, четвертое и световое, глубинное и незримое измерение вещей и людей, в котором они выступают как проявление единого творящего из самого себя знания-мудрости. Это трудноуловимое присутствие сакрального знания вызывает к жизни сознание, мысль, душу и язык человека, ставя его перед решением задач мира вечного. В софийном полнознании нет разделений субъекта и объекта, а есть разделение субъекта всезнающего и субъектов, находящихся в пути к этому благу. Софии мудрость, неразделимая в своей основе, излучает себя, распространяется, поляризуясь на смыслы и символы, жаждущие воплощения и откровения. Софиологема предопределяет: что есть и чего нет; что именно есть, как оно есть, почему оно есть, для чего оно есть, чем должно стать, то что есть и то, чего пока нет; что истинно и что ложно; как познавать это ейное всебытие.

Поэтому содержание Софии требует всей палитры изобразительных и выразительных форм мира и человека: Спасителя и Учителя, слов и символов, теории и логики, ума и духа, разума и рассудка, музыки и живописи, икон и храмов, литургии и молитв, институтов и кратии, хозяйства и домостроя, псалмов и живого молчания, ипостасных и экзистенциальных сил человека, откровения и постижения, озарения и гносеологического смирения, просветления и тайны, ангелов и мастеров. София преобразует мрак, бездны, ничто, бессознательное, смертное в животворные инициативы света. София преодолевает самым действенным бытием своим разрыв Творца и творения, видимых и невидимых миров, вообще, она преодолевает всяческий дуализм, противоречия, антиномии в творческих единоречиях Св. Троицы, передавая этот миротворный уникальный опыт всем творениям, уму, сознанию, душе и языку человека. Противоречия не уничтожаются, не отбрасываются, не разрешаются (они неразрешимы!), не отбрасываются (что невозможно!), а

преображаются в мерные соотношения противоположностей, которые не разделяются, но и не сливаются в тождестве, сохраняя свою напряженность как источник вечной энергии света, любви и мудрости.

Современный человек даже не подозревает того, в какой мере его жизнь зависит от спасительной мудрости Софии. Наши великие предки знали эту спасительную Любовь Софии, таинственно отвечая на нее взрывами своих творческих сил, умений, смелыми дерзаниями в запретных зонах невозможного, находя ненаходимое в ходе софийного прорыва из Киева к Тихому океану и далее — в Космос, и далее через inferнальные и апокалипсические бездны финансового криминала, через самих себя ... в неведомое царство, которое София предуготовила и для Руси!

Метафизика тоже является целостным феноменом, но она органически соединяет в себе все аспекты только незримого, трансцендентного, умопостигаемого мира; а потому содержание метафизики адекватно выражается в логике и в теориях философии, хотя косвенно и метафорически оно может проявляться в религии, в искусстве, в нравственности (долг, героизм). Чувственно воспринимаемые проявления мира метафизика разоблачает, отрицает, чтобы утвердить правду идеальных сил бытия. Земным идеалом метафизики служит математика и логика, выражающие чистые пропорции смысловых миров, а идеалом Софии — целостный ум мудрости, выражающий цели, устройства, знания и формы смысловой субстанции миров. Метафизика работает с Логосом, с Законом законов, а София не работает, а живет Любовью, ставшей Истиной, и Истиной, ставшей Любовью. София облагораживает и метафизику, превращая ее в стража бытия от нашествия злых духов мрака. Бог-Любовь наиболее полно проявляется через Софию, в которой Любовь и Премудрость сливаются воедино, образуя новый облик — Личность Абсолюта. Поэтому понятие Софии является родовым как в отношении философии, так и в отношении метафизики.

И в этом плане философию хоронить преждевременно и опасно, ибо она похоронила уже немало своих могильщиков. Ж. Бодрийяр говорит: «Философия сегодня исчезла (в этом и состоит ее проблема: как существовать в исчезнувшем состоянии?)».⁸⁵ Но ведь в исчезнувшем состоянии существуют лишь призраки и бесы. Ж. Деррида предложил заменить философию хантологией, учением о призраках. А. Г. Дугин, заверяя, что «в наше время философия не просто закончилась,

она в наше время невозможна», ⁸⁶ тем не менее, пишет огромный трактат, посвященный философии, которая невозможна. Поистине, кого София наказывает, того делает невозможной возможностью ничто! Ибо тайна постмодернизма, четверозначие «пост-» означает «ничто», тотальную власть ничто над ничтожностью и пустотой.

Многие ученые сегодня признают исчерпанность современной науки. Они неспособны превзойти традицию, которая достаточно богатая, чтобы к ней нужно было еще что-то добавлять. Традиция потому-то и традиция, что она обладает завершенностью и не допускает добавления в свое ядро. Таблица умножения не умножается. Русская философия и в этом плане является прорывом к традиции самой традиции, ибо она стремится не преодолеть традицию, а продолжить ее в новых условиях, создавая для нее новый контекст. Софийность — это дорога, с которой нельзя свернуть; мудрость — это не исследовательское знание, а творящее, изобретающее мышление. Русская философия восстановила старо-ново-вечный — софийный и хозяйственный — контекст, в рамках которого только и возможно дальнейшее развитие науки. С помощью софиологии мы продираемся через какую-то непроницаемую для разума, логики, науки и философии завесу. Софиология — это не система взаимосвязанных категорий, а смысловой вихрь; поэтому русская философия не просто исповедовала религию, а выявляла ее софийное содержание. И кроме софиологии и философии хозяйства сегодня нет иных творческих подходов. Только софиология и философия хозяйства дают право, силу и волю на поступок, на рывок к новому оригиналу мысли и реальности.

Философия есть часть, особая форма универсального и фундаментального мировоззрения — софиологии. И в качестве части этой целостной идеологии философия представляет и разрабатывает проблему соотношения оригиналов и копий во всех сферах реальности. Софиология же развивает миротворные, креационистские, антропологические аспекты ума, сознания, души и языка. В качестве обособленной и автономной части философия неизбежно становится жертвой копий, сама превращаясь в копию, симулякр знания, любви и мудрости, что убедительнейшим образом доказал постмодернизм. Долгое время философия не признавала этой своей прародительницы, даже не допускала мысли о своей зависимости от высшей ценности. Русская философия и православие сделали софиологию необходимым творческим основанием философии, всех ее разделов и частей. Софии и

софиологии не нужна философия, а вот философии без них некого любить, незачем быть и нечему учить.

Но и это еще не последнее слово Софии-мудрости, хранящей в себе внесубъектный, невоспринимаемый смысл изначальный, делающий приемлемым жизнь, творение, оправдывающий их. Ради чего, для какой конечной цели Создатель сотворил мир и человека, даже предвидя бунт ангелов и грехопадение человека? Ответ есть и может быть только один — для блаженства, радости и веселья! Сотворенный мир Создатель оценил как нечто весьма ХОРОШЕЕ! А София-мудрость «была при Нем художницею, и была радостию всякий день. Веселясь пред лицем Его во все время. Веселясь на земном кругу Его, и радость моя была с сынами человеческими» (Прит. 8. 30-31).

Радость, веселье является первопричиной замыслов самого Бога, смыслом и оправданием Его творения. Даже после бунта и греха радость осталась глубинной субстанцией творения, человека и его жизни и его... смерти. Ведь смерть—это не финиш, не черное море без флота, а препятствие, барьер, который преодолевает по-своему каждый человек на пути к неведомой, страшной, но манящей и всепобеждающей радости воскресения, преображения! Но доступна радость-субстанция немногим, сохранившим память о ее высокой правде даже в немыслимых и непредставимых страданиях. Великомученики христианские знали эту истину, пытаясь донести ее до всех людей, которые страдают, ибо потеряли пути к радости, понимание ее смысла. «Но много нас еще живых, и нам Причины нет печалиться» (А. С. Пушкин).

София-мудрость говорит: «Я знаю великую истину Радости, в которой все рождается, сохраняется, которой все держится и существует, в которой все достигает высшего совершенства и обретает самого себя как оригинала! Мудрость-то (да и философия!) даны людям именно для того, чтобы увидеть в хаосе, за стенами мрака, мук, неволи, злобы, бед, кошмаров своеволия победный финиш радости, которая все восстановит, исцелит, исправит, улучшит и наградит!». Чем? Есть вопросы, о которых простым смертным не положено думать! Думать о них могут лишь поэты, пророки, избранники Софии-мудрости.

Всё, всё, что гибелью грозит,

Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья -
Бессмертья, может быть, залог
И счастлив тот, кто средь волненья
Их обретать и ведать мог.
(А. С. Пушкин)

Православный поэт-пророк знал софийную тайну этих наслаждений; отсюда такие легкие, веселые, мудрые, прекрасные творения, жалеющие, вразумляющие и вдохновляющие людей какой-то радостью, которая скоро, вот-вот придет и все устроит, наладит, исправит сообразно своему закону, ибо радость есть закон всех законов, оригинал всех оригиналов, любовь самой Любви!

Суть бытия определяется радостью и оно само есть радость. Радость невыводима из опыта (опыт снабжает нас лишь гадостями и кантовскими феноменами!), из чувств (большая часть чувственных впечатлений горестна и мучительна!), из сознания (сознание принуждает человека постоянно помнить зло и конец всего!), из души (душа сама есть чистое страдание!), из разума (для разума радость — это нечто иррациональное, а потому незаконное! Трудно даже вообразить себе радующуюся логику, веселящийся силлогизм, блаженное понятие!), из слова (большинство слов, произнесенных человечеством, стали пагубой для него). Напротив, радость предвосхищает эти идеальные силы, исцеляет их, служит их животворным источником. Радость есть божественная сила в человеке и ее понимает только радость. Человек познает так, как ему можется; София познает так, как только она умеет — с радостью; и только Создатель познает так, как пожелает, но это пожелание совпадает с тем, что есть поистине.

Есть простые, но удивительные и не замечаемые факты. Так, не радость идет от мысли, а мысль порождается радостью (даже радость оттого, что анализы кала и мочи «в норме» позволяет мысли спокойно работать); не сознание радуется чему-либо, а радость пробуждает сознание, радость сознает «всякое»...; не душа радуется, а радость питает, одухотворяет человека, вызывая к жизни душу; не слова радуют, а радость своими благодатными смыслами творит слова. Радость от Бога, в Боге, но предназначена она для творений Его! Миром и человечеством движет безудержная радость от грядущей встречи с Богом! И даже безумием, пороками людей тоже движет несознаваемая

ими радость, нетерпение скорее получить заслуженное воздаяние, даже если оно будет возмездием. Ибо радость для недостойных становится горчайшим возмездием!

София-мудрость непонятна современному трусливому уму, хилому сознанию, падшей душе, расхристанному языку. Обретя комфорт и удовольствия, человек потерял их смыслы, а с ними и самого себя, ибо именно софийность служит творческой субстанцией человечности. Поэтому центральным фронтом сражения идеального с легионами симулянтов бытия и духа становится софиология, вдохновляемая Софией Премудростью Божьей. Мудрость Софии не отрицает, не порицает, не губит заблудшие войска материи, бессознательного, виртуальности, а наполняет их смысловыми элементами, смысловыми энергиями, пропитывая их идеальными силами, которые и даруют им жизнь иную, использующую мрак в качестве сырья своих замыслов.

III. Философия и патология	165
1. Отвечает ли мудрость взаимностью на любовь философов?	166
2. Философская фаллология Платона.....	171
3. Почему историки, гендерологи и культурологи не видит философской патологии Платона?.....	181
4. Какой может быть философия без этики?	189
5. Гносеология и содомия.....	200
6. Патология в философии нашего времени.....	204
7. Кто продвигает философскую патологию в России?.....	212
Литература.....	Ошибка! Закладка не определена.

III. Философия и патология

В данном разделе абсурдные и монструозные наборы знаков употребляются в качестве философских терминов, за что автор искренне просит прощения у возможных читателей. Автор вовсе не желает блеснуть лингвистическими «талантами», или же продемонстрировать некий инновационный философский стиль. Причина такого философского «новояза» проста: осознанная брань с врагами философии (вольными и невольными!) предполагает и сражение с их ядовитыми языками.

«И знаешь ли, философ мой,
Что думал ты в такое время,
Когда не думает никто?»
А. С. Пушкин

1. Отвечает ли мудрость взаимностью на любовь философов?

Вместе с возвышенными представлениями о философии как любви к мудрости, как божественной науки, как «науки наук», как науки о предельных основаниях бытия, существует и крайне негативное отношение к этой царице знания. Власти и граждане Древней Греции с момента возникновения философии относились к ней настороженно и презрительно, видя в ней некую опасность, некое нераспознанное зло. Лукиан в своих комедиях издевательски высмеивал философию как новый вид мошенничества, изобретающего хитроумные способы неуплаты долгов, нарушения норм морали и права. Ссылаясь на тезис Гераклита «всё течет», философия якобы учит, что кредитор и должник ко времени выплаты долгов изменились, стали уже другими, и нет уже никаких долгов и должников. Эта неприязнь к философии принимала крайние формы. Почти все древние философы подвергались гонениям и преследованиям. Даже Платон, несмотря на свою жречески-царственную родословную, попал на рынок элитных рабов. Но своего пика враждебность, даже — несовместимость философии и жизни — достигла в казни Сократа, которого обвинили в развращении молодёжи и в поклонении новым богам. И до сих пор идут споры, ищутся причины, почему именно умнящая демократия Эллады так безжалостно и сурово обошлась с Сократом. Видимо, таким способом жизнь охраняла себя от неведомой опасности, таящейся именно в философии.

В чем же заключается опасность, которую почуяло в философии древнее благочестие, хотя оно и не сумело её адекватно понять и внятно выразить? Ну, есть чудачки, мнящие себя любителями

мудрости, обсуждающие разные вопросы, далёкие от жизни, которая вполне обходится без них! Живое не спорит и не обсуждает жизнь, которая сама уже всё обсудила и обспорила, нуждаясь лишь в смыслах душевных! А ими-то обеспечивает жизнь религия! Стоит ли осуждать самозваную мудрость? А опасность-то была, опасность есть и остаётся поныне, но философия не допускает её честного осознания. Вся чистая философия после Сократа только и занята прославлением своих мнимых благ и главное... главное — защитой той реальной смертоносной силы, которая скрывается в её якобы непостижимом знании.

И что же это за опасность такая? Начнём с безопасного?

Философия — совместный миротворный проект человеческого рассудка и сакрального, софийного ума. Забвение этого соавтора философии порождает в ней комплекс неполноценности, вследствие чего ее пытаются дополнить то наукой, то религией, то искусством, то мистикой, то ещё какой-либо инновацией. Или же — вместо объективного соавтора каждый человек «выгружает» в философию свое бессознательное, превращая её в скопище самого немислимого бреда и безумия. И все же суждения об ущербности и бессмысленности философии, наиболее полно высказанные неопозитивизмом, не беспочвенны, вовсе не беспочвенны!

С момента возникновения и до наших дней философия ведет долгую, тягучую и муторную полемику со своим двойником, со своей копией-имитацией — с софистикой. Эта навязчивая и назойливая подруга философии считает её чисто человеческим созданием, призванным научить людей манипулировать словами, смыслами, убеждениями. Философия-де формирует у людей не знания, а убеждения в том, что они как будто что-то знают. И даже этимологический смысл философии как любви к мудрости софистика сделала лукавейшей уловкой. Мало ли что человек может любить! Он, например, может любить ослов, псов, пиво, футбол, убийства! Ну, так что, создавать филослофию, филопсофию, филопивофию, филофутбофию, филоубиофию?! (Прости читатетель за монстров!). Да и не сам по себе человек становится любящим, а любимое творит для себя любящих, отвергая сопливых, гугнивых и гнусавых. Из одной любви к мудрости без взаимности нельзя создать философию, а вот мудрость и без взаимности создаст своих почитателей, как в философии, так и вне оной. И есть большущее подозрение, что любовь человека к мудрости безответна, что мудрость считает людей недостойными даже своей

глупости, иногда одаряя ею Иванов-дураков. Поэтому и до сих пор философия не может указать ни причин своего прихода в мир, ни своего назначения, ни своего смысла. Она не знает самого важного в жизни человека, не может помочь ему стать субъектом сознания и ума, гражданином и личностью.

Но есть и более веские основания задуматься над феноменами «Софии», «софийности». Да, философия есть любовь к мудрости. Но софийность, София уже в древности выступали в разных ликах. Есть софия созидающих умений человека, есть божественная София Эллады — Афина Паллада, есть христианская София Премудрость Божья. Гностицизм, признавал наряду с Божественной Софией и её двойника — Софию падшую (Ахамот), как некую тень, стремящуюся, однако к воссоединению с истинной Софией.

Почему же христианство и гностицизм, свои учения именовали просто Софией, а не фило-софией? Ответ может быть лишь один: даже здравый смысл говорит, что мудрость уже содержит в себе любовь, а любовь и есть деяние мудрости; они неразделимы, хотя и различны. Как полный разрыв любви и мудрости, так и полное их слияние губит их. Любовь к мудрости невозможна, как невозможна любовь сердца к своему организму, ибо оно суть орган, живущий для организма и живущий организмом. Как бы отделенная рука ни любила свой организм, она не соединится с ним без помощи извне; а руке, сросшейся с организмом, никакая любовь к телу не вернёт её свободы. Рука остаётся рукой, только будучи неотделимой от своего тела, но и не сливаемой с ним.

Да и софистика, призрак мудрости, PR, заменяющая посредством гипноза, внушений, игровых фокусов, словесных парадоксов, риторики, а то и просто базарной наглости знания убеждениями, живущая отблеском истинной Софии, тоже не обозначает свои мнения словом «философия», предпочитая уличную и безличную софию, которая может служить всем и во всём.

Возникает даже подозрение: «А не специально ли жрецы, уничтожив Пифагора, как носителя истинной философии, через Диотиму сократовскую запустили другой проект «философия» для того, чтобы защитить от плебеев, алчущих только пользы и удовольствий подлинное жизнепитательное знание, правящее всегда, везде и всем? Занимайтесь философией и вы никогда не узнаете, что не вы занимаетесь ею, а посредством нее вами занимается власть, превращая

вас в домашний скот, мнящий, что он приобщается через философию к мудрости! А на деле вы приобщаетесь к рабству, теряя свой ум!». Не является ли философия первым нанопродуктом власти?

Пифагор полагал, что смертные могут лишь любить мудрость, а не исследовать её, вещать о ней, возвещать её смыслы, считать себя её знатоками и носителями. Тем самым Пифагор сделал философию орудием и формой ненасильственной борьбы за праведную, совершенную жизнь. Никакого Эроса он не допускал в царство философии, математики, благой жизни, полагая, что их подлинным попечителем может быть только Афина Паллада.

Внёс Эрос в философию, а философию угнездил в Эросе Сократ и Платон, исполняя жреческие установки Диотимы. И поскольку мудрость, софия у них не личностное, а безличное знание, то в нем мудрость и любовь могут быть лишь однородными и однополыми сущностями.

Но здесь возникает двусмысленная и пикантная ситуация: любовь к мудрости возможна лишь как однополое любовное общение. И первые философы, Сократ и Платон, стали адептами однополой любви, сблизив философию и содомию, не допустив даже жрицу Диотиму (Бого!чтимую!) к философии, которая без женского начала стала превращаться в содомию. Правда, эту патозэкзотику занёс к грекам Орфей, который после нелепой гибели Эвридики своей с горя стал любить мальчиков. Менады — женские духи, растерзали Орфея, оставив лишь голову, подозревая, что половые сдвиги Орфея обусловлены именно смещениями в его мудрой голове.

Так какую же софию, какую же мудрость любит философия, отделившись от духовно-практических умений людей, от гностицизма, от христианства, и став самостоятельным феноменом жизни и знания? Почему философская мудрость вызывала (ет) столь серьёзные опасения, что от неё защищались (и будут защищаться) даже казнями и террором? Являются ли содомопадение Сократа и Платона случайностью, или же через них философия проявила некую неведомая опасность?

Если подобная опасность есть, то ее можно выявить наиболее полно в анализе самой развитой и совершенной философии. А таковой, несомненно, является философия Платона. Английский философ XX в., А. Уайтхед, назвал всю европейскую философию примечанием к философии Платона. Только не примечанием, а осуществлением её, ох, каких гиблых императивов и жутких заветов.

Платон абсолютно точно постиг и выразил суть философии, разделив её на две части — эзотерическую и экзотерическую, а связующим звеном между ними сделал учение об идеях. Эзотерическая часть философии выступает у Платона как единство власти, ума и блага в составе справедливости, которой философия нужна не как любовь к мудрости, а как цельный ум, правящий сознанием, душой и законами, а через них — и всей жизнью людей вплоть до мельчайших её проявлений. Философия есть единство ума и власти, понимания и решения, знание данного и воление это данное преобразовать или же сотворить новую реалию. Философия как власть гласит: «Познавать, чтобы властвовать, властвовать, чтобы понимать!».

Эзотерическая философия создала проект совершенного государства, смысл и назначение которого мы начинаем постигать лишь сегодня. Причем, объективное совершенство присуще не людям, а они сами суть органы совершенного общества. В этом государстве правят философы, обороной ведают стражи, а хозяйство ведут крестьяне, ремесленники; в качестве вспомогательной силы допускается и рабство. Свобода, частная жизнь, семья позволительны лишь трудящимся; правители и стражи не имеют собственности, свободы, жены и дети у них общие. Религия, науки, искусства подлежат жесточайшей цензуре на их соответствие идее справедливости. Всё, что отклоняется от справедливости, уничтожается. Насилие, смертная казнь — основные средства создания справедливого общества в философии Платона. Причём это беспощадное насилие должно быть скрытым, незаметным и... справедливым. Например, сколько бы человек ни старался, но без циркуля он не сможет начертить идеальный, правильный круг. Как бы люди не старались жить праведно, но без государственного циркуля справедливости они будут вершить зло и разрушат общество. И все жители, отклоняющиеся от законов госциркуля, должны видеть в палачах своих спасителей от зла.

Поэтому Платон полагал, что лада в людских делах не будет до тех пор, «пока в государствах не будут царствовать философы, либо так называемые нынешние цари и владыки не станут благородно и основательно философствовать и это не сольется воедино — государственная власть и философия...».⁸⁷ Это высказывание очень часто цитируют философы, опуская конечный вывод Платона. А вывод этот пренеприятнейший для философов и властителей. Обществу не избавиться от зол до тех пор, «пока не будут в обязательном порядке

отстранены те люди — а их много,— которые ныне стремятся порознь либо к власти, либо к философии».88 Для блага общества нужно устранить правителей без философии и философов без власти, даже совсем кротких и готовых лобызать любой кнут ???? Не меньше!

Но Платон не доверял даже спайке философов и правителей. Поэтому в его инновационном по тем временам проекте государства есть ещё институт «Ночного собрания», состоящий из жрецов справедливости. Работают они ночами, организуя работу карательных органов по очистке общества от плохих людей на каждый день, подобно тому, как сор убирать нужно ежедневно во избежание эпидемий.

С распадом единства власти и мудрости возникают нечистая философия и плохое государство; идут же они одной и той же тропой деградации и зла. Власть без мудрости становится тиранией, демократией (глупостью и безумием). Мудрость же, отделившись от власти, стала чистой философией — негативным и разрушительным знанием. Философия без власти плодит софистов, юмористов и артистов, которые удерживают ум людей в гипнотических, извращённых состояниях, дабы эти люди служили извращенцам и паразитам всех мастей. Карающий меч справедливости Платон занёс не только над философами, но и над творцами искусства, актерами, учеными, юристами, передавая их функции жрецам Ночного Собрания. Ибо во всех этих сферах творятся только жалкие копии и подобию справедливой жизни, а философы-правители творят из живых людей оригинал нового живого Космоса, оригинал истины и справедливости. Поэтому праведная философия возможна лишь как властная сила, а праведная власть возможна лишь как сила философской идеи. Философия в отрыве от власти, становится чудовищным извращением и непотребством, средством самооглупления людей (сколько бы человек ни учился, он узнает, как Сократ, лишь то, что он ничего не знает! Хотя Сократ, как увидим в дальнейшем, все же знал о кое-чем все!).

2. Философская фаллология Платона

И для восстановления своей истинной сути философия должна стать учением об идеях как вечных прообразах вещей, людей, знаний, властей. Ибо у кого идеи, у того власть и философия. Но идеи

доступны не всем, а лишь избранныкам, которые владеют... своеобразными методиками, особыми типами умозрения. Какими же?

И здесь мы вступаем на порог философской Преисподней. А потому нам понадобится мудрый Вергилий. Лучшим и непревзойденным мировым знатоком античной культуры, философии Платона является русский мыслитель А. Ф. Лосев. Поэтому в дальнейшем поиске коренного порока чистой философии мы будем опираться на его труд «Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993», который имеет провиденциальное значение не только для философии, но для России, для всей Европы, да и, пожалуй, для всего мира, ибо в нём русская мысль сразила основные опоры Запада, предав их гласности. Ибо сильные сокрушаются не силой, а тем, что становятся известными дела их. А. Ф. Лосев свободно владел древнегреческим языком, являясь переводчиком, исследователем, издателем сочинений Платона на русский язык. В XX веке А. Ф. Лосев не имеет исследователей, равных ему по учености, по знанию сакральных, философских, научных и культурологических текстов;¹ его знания парализовали отчасти даже «чекистов», которые удивленно смирились с его критикой марксизма, выпустив его из аидных челюстей ГУЛага.

Философия, согласно Лосеву, возникает из объективного полнознания мифов. Ибо лишь в «мифе бытие зацветает своим последним осмыслением; и мифом сознательно или бессознательно руководится всякая мысль, в том числе и философская. И философия только и заключается в осознании этого мифа и в переводе его в область мысли. Если мы сумеем обрисовать этот изначальный пра-миф, пра-символ данной философии, мы поймем в ней такое, чего не может дать никакая логика и что сразу предопределяет собою все внелогические, а, следовательно, и типологические особенности данного философствования».⁸⁹ Какова же та простая, непосредственно ощутимая интуиция, из которой исходит учение об идеях — матрица всяческой философии? Каков основной, глубочайший, пра-миф и пра-символ платоновского учения об идеях?

Платон часто использовал мифы в философском анализе. Но подлинный и реальный миф, из которого вырастает философия, у Платона искусно сокрыт. Мифическую тайну его философии нужно

---

¹ Поэтому цитировать Платона мы тоже будем именно по указанной работе А. Ф. Лосева.

вскрыть даже вопреки и помимо его осознанных суждений, ибо уж очень она не ... от мира сего, да и не от мира иного, а от безмирия теней, мрака.

В мифе идеальное содержание и логика философских идей обретают чувственно-предметные проявления. И в идеях платоник зрит живое существо, освещенное светом, который выступает для него как проявление и осмысление вещей. Это еще не полное осмысление, но это уже начало его. В этом плане платонизм есть философская мистика света. «В основе платоновского учения об идеях лежит пра-миф ярко освещенного человеческого тела на вполне темном фоне, так, что все очертания его — чрезвычайно резки, выпуклы и выразительны. Платоническое учение об идеях основано на интуиции прекрасного, сильного, голого человеческого тела».90 Но это тело подобно статуе: оно есть живое тело, но в то же время оно холодно, бесплодно, безжизненно, почти мертво. Это облик безличностного существа, имеющего «безжизненную жизненность тела, безличностную и бесплодную его плодовитость».91 Что же это за тело такое странное?

Далее у меня не хватает смелости, поэтому скрываюсь за мощной спиной А. Ф. Лосева. Только он один в мировой философии сказал такую ужасающую правду, недоступную слабым и робким умам. «Надо придумать такое тело, в котором было бы подчеркнуто, что это именно тело, живое тело, а не дух и не душа, но так, чтобы в то же время общая идея жизни была дана не лично, не духовно-индивидуально, а именно как общая идея, как безразличная стихия жизни. При этих условиях мы получаем не тело просто, не статую просто, даже не голое тело просто, а только один фаллос, фаллос как таковой. Известно ведь, что всенародный вынос фаллоса практиковался в Элевсинских мистериях. Фаллос и есть, по моему ощущению, основная интуиция платонизма, его первичный пра-миф. Не свет просто, не освещенное тело просто, но именно фаллос, напряженный мужской член со всей резкостью своих очертаний. Кроме того, поскольку основным ядром в платоновской идее является именно эйдос, то речь может идти только о мужском поле. И не фаллос в своих функциях реального оплодотворения и деторождения, – нет, далеко не это есть платонический пра-миф. Платонизм строится на непорождающем фаллосе, на фаллосе без женщины, на однополой и безличностной любви. Рождение детей для платоника и грека – довольно низменное занятие. Гораздо интереснее и мистичнее созерцать самый фаллос, совершенно отбрасывая всякие

мысли о продолжении рода».⁹² Перводвигателем философии Платон считает фаллозрение, умофаллозрение! Господи! Спаси и пронеси!

Но эту тайную фаллологию как основание философии Платон облек в мифообраз Эроса. «Вдумываясь в этот миф, мы и находим существенным в нем, главным образом, фаллос. Эрос и есть фаллос, данный как личность, как та единственная безличностная личность, которая только и возможна для грека и Платона. Эрос есть весь вожделение, весь стремление, весь похоть. Правда, он – разный на разных ступенях восхождения. Но все же в основе он всегда – алкание, искание, щекотание и зуд. Не важно, что есть высшие степени восхождения и что эти степени предполагают чистый ум. И в уме можно представлять себе фаллос; и это будет такой же чистый ум, как и без фаллоса. Итак, Эрос – вот пра-миф платоновского учения об идеях».⁹³ В философии Эрос уже становится мужчиной, склоняющим «прекрасного юношу к любви при помощи различных тонких диалектических и риторических приемов».⁹⁴ Он «превращается в тонкого диалектика, в искусного ратора и опасного спорщика и убеждателя. Этот полубожок-получеловек превращается в любовного интригана, в вечного искусителя... Он полон замыслов на все прекрасное и благое, мужествен, смел, упорен, страстный охотник, всегда плетет какие-нибудь хитрости, страстно любит рассудительность и способен подать ее, в жизни при всяком случае он проявляет любовь к мудрости, ужасный колдун, чародей и софист».⁹⁵ Увы, в истоках учения Платона таится скрытая педерастия, которая становится наяву философией идей.

Есть у Эроса и своя андрогинная антропология. Причем, «первоначальные андрогинны были разделены отнюдь не так, что из каждой природы обязательно получалась муже-женская пара. По мысли Платона, андрогинны еще до разделения были уже мужского, женского или среднего пола. Сначала было три пола людей, а не два, как теперь, — мужской и женский; к ним присоединялся еще третий пол, общий им обоим. Значит, Зевс велел рассечь 1) мужской пол на половины, 2) женский пол на половины и 3) так же — третий пол. Во-вторых, ясно из вышеприведенного отрывка, что любовь, заключающаяся в искании одной половины другою, не обязательно должна быть мужскою, женскою или наоборот. Мужская ищет мужскую же, женщина же — женскую. Таким образом, педерастия и лесбийская любовь лежат в основании той самой речи в «Пире», которую принято считать одним из самых «поэтических» и «романтических» мест у Платона. Однополая

любовь, и в особенности мужская,— гораздо предпочтительнее».96 Естественное влечение женщин и мужчин для Платона противоестественно, скотско, не соответствует справедливости. Ох, как современен Платон!

Согласно Платону, есть Афродита небесная со своим Эросом, допускающим и признающим только мужскую любовь к мальчикам и юношам, дабы передать им вместе с содомией «мудрость идей». Но, увы, есть и Афродита пошлая со своим Эросом, который наряду с нормальной содомией, может довести мужчин до такого скотского состояния, что они начнут любить и женщин, а то, гляди, и детей будут заводить от них!⁹⁷ Таким недочеловекам ввек идей Платона не видать!

В "Пире" можно прямо читать такие слова: "Любовь, рождающаяся от Урании, как и она сама, прежде всего, не имеет отношения к женскому полу, а только к мужскому – это-то и есть любовь к мальчикам" (181c). Можно прямо сказать, что вся теория Урании Небесной есть величайшее презрение к женщине и деторождению. Явно, что Платону чужда подлинная софийность в духовной сфере, как и подлинное деторождение – в физической. Платоническое созерцание идей настолько пронизано специфическим Эросом, что часто вместо созерцания испытывается какое-то тонкое ощущение тошноты. Это — в буквальном смысле постельное ощущение идей, созерцание идей при помощи собственного фаллоса».98 «Любителям платонизма и в особенности «Федра» и «Пира» я должен, прежде всего, сказать, что ни в «Федре», ни в «Пире» решительно нет никаких даже намеков на взаимную любовь мужчины и женщины. Везде имеется в виду только любовь между мужчинами, любовь мужчины к мальчику или юноше».99 И даже «братьям или сестрам закон позволит сожитительство, если на это выпадет жребий и будет утвержден Пифией».100 И это говорит царь философов!

Устав от анализа этого противоестественного созерцания идей, А. Ф. Лосев пишет: «Мне нечего прибавить к этой весьма красноречивой картине постельного ощущения идей. Платонизм выражен тут во всех подробностях. Добавлю только, что эта "мания", поскольку она трактуется как "правая", конечно, должна найти свое полное место и среди "созерцаний", которые в "Государстве" отведены на долю философов. Раз созерцание идей есть дело класса философов, то педерастическая "мания" "Федра" и "Пира" вполне входит в круг интересов монахов-диалектиков "Государства". Или педерастия, или

созерцание "справедливости-в-себе", "доброго-в-себе" и т.д., т.е. чистейших абстракций (вместо живых личностей), – вот занятия платонических мистиков, монахов и философов».101

Но Эрос блудливый не знает и никому не дает покоя. Даже роль супергея не удовлетворяет Эроса, а поэтому он ищет партнеров по блуду во всем Космосе. «Оказывается, для Платона весь мир, космос есть не что иное, как огромный фаллос, огромный Эрос, в котором вечное и временное соединено в одном прекрасном существе». Космос — «это Эрос, как скульптурная группа однополых существ, друг друга склоняющих к удовлетворению любовной страсти»102 в дионисийском исступлении. Космос незаметно превращается в бордель демонов и людей. «Идея Платона и дикий экстаз вакхантов есть одно и то же, с единственным различием: одно есть философская концепция, а другое – жизненный опыт. Но всякая концепция только ведь и вырастает на определенном опыте. Есть что-то одинаково безличное, стихийное и, я сказал бы, свирепое – как в диалектике «Парменида», так и в эротологии «Федра» и «Пира». Если мы вывели – в качестве пра-мифа для Платона – Эроса как хитрого диалектика и риторика, то сейчас мы можем с полной уверенностью сказать, что вся эта диалектика и риторика имеет единственную цель – осознать (а след., и насадить) чисто дионисийский, вакхический разгул, узаконить кровавое и жестокое радение как норму жизни, человеческой и космической. Эрос оказывается соблазнителем на оргийные исступления. Его прекрасная наружность манит в беспросветную мглу дионисийских экстазов. Посмотрите ему в лицо: «Он – юн, он – нежен»; он «касается ногами постоянно повсюду в самом мягком самого мягкого»; «сверх того, он по телу своему гибок», ибо «иначе не мог бы он повсюду обвиваться, не мог бы, войдя во всякую душу, оставаться в ней сначала незамеченным и выходить из нее, если она оказалась жесткою». Не старый ли это знакомый? Не дух ли соблазна, прельщения, уловляющий всех красотой и телесными чарами? «Милостив, ласков... отец наслаждения, нежности, неги, прелести, любовного стремления, вожделения; ...в труде, в страхе, в тоске, в речи – рулевой, вестовой, рядовой; наилучший спаситель, всех богов и людей краса, вождь прекраснейший и наилучший. Позвольте, да это сам дьявол, бес. Дьявол и есть. Не верите? Но тогда взгляните человеческой душе в самые ее глаза, в ее внутренний лик, в эту знаменитую колесницу души, запряженную двумя конями и управляемую возничим. Платон не дал нам портрета возницы.103 Но

посмотрите вы на этих двух коней, везущих колесницу в ее небесном путешествии. И заметьте, это – не земное, а именно небесное состояние души, состояние, когда она созерцает вечные идеи. И что же? Один из коней, более прекрасный, с виду прям, строен, шея у него высокая, нос орлиный, масти белой, глаза черные. Другой конь – сгорбленный, тучный, кое-как сложенный, вымя у него крепкая, шея короткая, нос тупой, масти черной, глаза светлые, крови преизобилие; ...у ушей косматый, глухой, еле-еле бичу и стрекалам поддающийся. Можно прямо сказать, что это не два коня, а бес, насилующий душу, причем оба хороши: один вполне похож на мужской фаллос, а другая – на женские genitalia. Впрочем, то и другое ведет к созерцанию идей и есть мистика. Платоник чувствует и созерцает идеи своим фаллосом (Курсив мой — Н.Ш.)». 104

Эрос — это «живой фаллос, или, в развитом виде, ...блудный бес, вкрадывающийся незаметно в душу, тонко и дальновидно соблазняющий ее льстивыми обещаниями, увертливый, обворожающий. Он — то скользящий, порхающий, едва уловимый, то предстоящий во всем своем истуканном величии, холодный, белый дьявол, какая-то активная пустота и марево, мраморное ничто. По видимости это — сила, мощь, красота, побеждающее величие, могучий ум и добродетель; по существу же — стоит только тщательнее всмотреться в этот древний лик — какое-то просто наваждение, привидение, бред, мечтание и суета. Статуя всегда такова: спереди — жизнь, человек, душа, бог (хотя и с самого начала уже странновата вся эта мраморная холодность и безжизненность), а по существу это — камень, металл, деревяшка. И привидение, бесовщина всегда такова: спереди – сила, шум, всемогущество, всезнание и всеобладание, чарующая красота и обворожительная ласка, а по существу – бездушный прах, галлюцинация в результате душевного растрепания, проекция вовне нашей собственной слабости и слепоты. Этим безличным, безличностным холодом эротического наваждения и привидения означена и вся платоновская Идея. Она мраморное и холодное ничто, прекрасная любовная галлюцинация, непорождающий фаллос, гипнотизирующая резкость очертаний блудливого тела, антисоциальный экстаз головной диалектики, бесовская «прелесть» и разгорячение, увертливый и похотливый оборотень. «Скучища пренеприличная!»...».105

Далее, Платон разрешает мужчинам производить детей до 50 лет, а женщинам до 40 лет. Ну, а если, случится, что муж в 60 лет

влюблен в даму 55 лет: ведь Эрос хитер и коварен! Но тогда... тогда, «таким образом, платоническая женщина, забеременевшая после 40 лет, если она действительно платонически живет и мыслит, должна сделать аборт. А если так или иначе она все-таки родит, то, согласно платонизму, она должна убить младенца. Аборт и детоубийство – диалектическая необходимость для платонически мыслящей женщины»,¹⁰⁶ — таков приговор автора идеальной любви! Видимо, число платонически мыслящих женщин на Западе растет и растет! Россия тоже стремится не отстать в этой демографической гонке!

Греки превыше всего ценили свой «досуг», отождествляя его с занятиями науками, искусствами, философией; этимологически тождественные слова «досуг» и «школа» не имеют у греков трудового смысла, что инстинктом быстро усваивают наши школьники уже в первых классах. Поэтому «рабство и учение об идеях связаны вместе в нерушимое единство своими глубочайшими диалектическими корнями... Софист и диалектик Эрос оказывается еще и аристократом спартанско-критского типа. Он всю жизнь проводит на досуге. Он постоянно «ищет какого-нибудь неженку, а не человека твердого, человека, воспитанного не на чистом солнце, а в густой тени, неопытного в трудах».¹⁰⁷

В общем Платон почти аксиоматически доказал (но лишь для себя!) внутреннее единство философии и содомии: полноценным философом можно стать, лишь пройдя «школу», «науку» содомии, как и полноценная содомия требует философствования по Эросу! «Мальчики» же должны быть в первом и во втором случае! Но все же собравшиеся в «Пире» горе-философы и профессиональные алкоголики-содомиты все же испытывают в себе какое-то непреходящее раздражение, ибо чувствуют, что подлинная жизнь, ее глубинная радость проходит мимо них, бросая им для утешения блудливого демона, Эроса, который всех их оставит в итоге без носа! Поэтому и поют ему славословия в надежде избежать возмездия за свои философские кощунства.

М-да! Вот какова она платоническая любовь! Комментарии оставим слабонервным! А. Ф. Лосев ничего неизвестного не открыл. Об этом знали многие гении и содомиты. Но так вот конкретно и определенно расписать порок, показать философию как развернутую панораму знания, ставшего лесбоинцестосодомией, — для этого потребовалось высшее мужество самой души. Платон доказал, что

диалектика, софистика, сексопатология и насилие связаны в нерушимое единство своим глубочайшим единым корнем — сатанизмом.

И не спасут целомудрие истины и благознание мудрости и фаллические гимны, которые сегодня распевают во всех углах земли. Гераклит полагал: «Если бы не в честь Диониса они совершали шествия и пели фаллический гимн, они бы поступали бесстыднейшим образом. Дионис же ради котового они неистовствуют в вакханалиях, тождествен Аиду».108 Но трудно, ох, как трудно, различить благочестивые фаллопения и фаллошествия от обыкновенного разврата! Даже древние очень быстро в этом запутались, растерзав своего фаллокумира.109

Высказать такие суждения не смог бы никакой философ по определению. Это смог сделать лишь подлинный рыцарь Софии, софионосец! Философия сама по себе, в отрыве от религии, метафизики, хозяйствования и жизни возникла как идолология (а не идеология) содомизма, который неизбежно сочетается с культом изощреннейшего насилия.110 Фаллология Платона загнала и сами невинные идеи в тупик: если вещи — только ложные облики истинных идей, то как истинное может войти в ложь? И как ложь может принять в себя истину? Или в ложном есть истинное и тогда нет лжи, или же в истинном есть ложное и тогда идеи — прообразы лжи, а истины нет вовсе. И вся последующая философия сознательно или бессознательно занималась сокрытием этих связей, разоблачение которых грозит концом не только философии, но и обществу, скрыто культивирующему её «ценности».

Но есть вопросы иного рода. Какие мотивы двигали философским творчеством этого выдающегося мыслителя России? Ведь А. Ф. Лосев — лучший знаток, переводчик, исследователь, издатель, комментатор, пропагандист философии Платона в России. Без его титанических усилий сочинения, философия Платона вместе с ее патологической компонентой вряд ли получили бы такое распространение и популярность в нашем Отечестве! Каким образом сексопатология совместима с философией и культурой, с достоинством личности? А. Ф. Лосев прекрасно знал, понимал, сознавал, разоблачал всю монструозность творчества Платона, сочетающего в себе небесные, inferнальные и патологические измерения: «Если принять во внимание всю ту обстановку, в которую Платон поместил своих защитников любви, то эта защита примет прямо характер ночного кошмара. В "Пире" — обстановка буквально кабака. Ораторы собрались после невероятного пьянства, так что они уже не в силах дальше пить. ...

Решают пьянство до потери сознания заменить разговором о любви, — хороши же будут разговоры! И действительно, речь Павсания об Афродите Небесной прерывается икотой Аристофана, которая достигла таких размеров, что врачу пришлось ее унимать специально (185с-е). Когда же она у него прекратилась, наступило еще нечто худшее: он начал свою речь об андрогинах. "Когда же они [наилучшие мальчики] возмужают, они становятся педерастами; природа не побуждает их жениться и производить детей" (192ab) и т. д. Относительно спокойная беседа обессиленных от пьянства ораторов обрывается опять-таки пьяным Алкивиадом, внезапно ворвавшимся на "пир" с пьяной ватагой спутников, флейтистками и пр. (212d). Его заставляют говорить, и он начинает восхвалять Сократа, рассказывая, между прочим, безобразнейшую сцену соблазнения им Сократа на педерастию. Правда, Сократ воздержался от совокупления, но все это длинное пьяное смакование того, как Алкивиад старался соблазнить его на гимнастике, как однажды, пообедавши, они легли вместе на постель, как однажды ночью они тоже лежали под одним плащом в обнимку и т. д. и т. д., — все это способно вызвать только отвращение. Да и сам Сократ, при всех своих добродетелях, изображен странно. Он сам говорит про себя: "Я только и знаю одно – то, что относится к области Эрота" (177d).² Его кутежи постоянны, а его способность бесконечно пить и не терять сознания – восхваляется неоднократно. Пьяница Алкивиад говорит: "Он выпьет столько, сколько ему прикажут, и все-таки никогда пьян не будет" (214a). После всех разговоров, наконец, когда почти все спорившие ушли или заснули, "вдруг к дверям подошла большая толпа кутил", "поднялся невероятный шум", и "всем пришлось, уже без соблюдения какого-нибудь порядка, упиваться вином в изобилии". В мировой литературе я не нахожу произведений более гнусных и отвратительных, более пакостной и мерзостной – воистину – "трагикомедии", чем платоновские "Федр" и "Пир".¹¹¹ Как можно исследовать и редактировать в такой клоаке «возвышенную мысль и чистую платоническую любовь» главного эллинского блудодея?

---

² Почему странно? Именно так выглядит «мудрое незнание Сократа: «Я знаю только то, что я ничего не знаю!». Но вот оказывается, что все блудливое искусство Эрота и алкогольное искусство Диониса наш диалектик обаятельный знает в совершенстве! Вообще, учение Сократа — каша, несъедобная даже для изгоев Аида. То Сократ знает только свое незнание, то он знает только дела эротические и алкогольные (знает как пить и не пьянеть!). То у него есть персональный демон, корректирующий его совесть, то он сам весь во власти демона блуда — Эроса. То для него человек — высшая загадка, то — пустое ничто. То жизнь предназначена для размышлений, то жизнь есть болезнь, исцеляемая только смертью и достойная жертвы белого петуха!

Далее, А. Ф. Лосев порицает тех исследователей, которые пытаются свести сексопатологию Платона к символической мистерии, к мифологическим аналогиям. Но большинство историков культуры, на его взгляд, поступают хуже всего: «Они находятся под гипнозом имени Платона и боятся, в буквальном смысле боятся, заговорить кое о чем таком, что хотя и стоит у Платона, но уж очень коробит их специфически воспитанный вкус. Посудите сами, Платон – это такая возвышенная личность. Платонизм – это благородная и аристократическая философия духа. Платоническая любовь – о, что может быть выше, чище, священнее и глубже этого чувства?! И т. д. И т.д. И вот на поверку оказывается, что диалоги, посвященные этой божественной любви, содержат нечто такое, что при дамах даже не сразу прочитаешь вслух, а уж молодым людям лучше совсем их не показывать».112 Уважаемый Александр Федорович! Наверное, «лучше делать лучше!».

Но, тем не менее, А. Ф. Лосев стал главным культурным и культовым покровителем Платона в России. А ведь в связи с Платоном возникает архинеприятный вопрос к самой философии: «Является ли содомия, сексопатология просто «частным делом» философствующих субъектов, привносящих эти «страстями» и саму философию, или же в философии имеются некие опасные стихии, неизбежно превращающие философов в содомитов? И профессионально философствовать могут только геи, а полноценными геями могут быть только философы?». Или же Россия поистине — самая свободная в мире страна, в которой свободно чувствуют себя боги, Бог, демоны, Платон, геи, люди и нелюди!

3. Почему историки, гендерологи и культурологи не видит философской патологии Платона?

Странным и недоуменным является «заговор молчания» или «сговор отбеливания» большинством лучших историков мысли патологических аспектов философии Сократа и Платона, да, пожалуй, и всей философии вообще.

Например, выдающийся русский мыслитель Г. Г. Майоров глубоко и тонко исследует феномен философии; его размышления на эту тему полны тонкими смысловыми различиями, овеяны романтикой мудрости, целостного знания и абсолютной истины, дающие пищу знатокам и здравому рассудку. В его трудах разработана

типология целостного понимания философии, содержание которой раскрывается посредством трех терминов-парадигм: софия, эпистема, технема. Вкратце ход мысли автора таков.

Философия-софия выражает любовное (даже — эротическое) устремление человека к мудрости, выступающей как абсолютная истина, как целостное благознание, обеспечивающее добродетельную жизнь, высочайший профессионализм и гражданскую смелость. Такое понимание философии выработал Пифагор, соединив в ней (и в своей сверхчеловеческой личности) рациональность логики, мистериальность вдохновения, откровения, научность метода, художественную форму, нравственность, педагогическое и социогражданское творчество нового образа жизни. И для такого синтеза философия использует не только рациональные методы, но и мифы, искусства, символы, интуитивные умозрения, смысловые многообразия языка, парадоксы, антиномии, неизвестное и непознаваемое в формах бессознательного и мистерий, социальные формы выражения и бытия знания (школы, общины, академии). Но развернутое понимание философии как софийного знания и эротического устремления обосновали уже Сократ и Платон. Идеалом философии-софии является слияние индивидуальных усилий человека с общим устремлением жизни к бесконечной, но, увы, недостижимой, а потому всегда открытой абсолютной истине.

Философия-эпистема выражает устремление человека к науке и научности. И здесь главную роль играет определенность, точность, последовательность и доказательность мышления, даже если эти его качества достигаются за счет потери целостности, полноты и мудрости знания. Органом, каноном и методом философии-науки является логика, представляющая законы бытия и мысли. Законом законов, логикой самой логики, наукой самой науки и философией самой философии здесь служит Логос — космический и внекосмический, индивидуальный и социальный, идеальный и моральный, языковой и смысловой закон. Идеалом философии-науки служит математика, цифровая форма выражение знания и понимания. Основателем и патриархом такого понимания философии является Аристотель, свернувший философию на путь учености и науковизма.

Философия-технема выражает технические умения, игровое мастерство мысли, ее способности во всем сомневаться, все доказывать и все опровергать, всюду находить парадоксы, апории, противоречия. В таком понимании философия выступает как искусство ума, в котором

целью является не истина, а сама игровая, софистическая и техническая умелость и сноровка мысли. Свой завершённый облик этот тип философии нашел уже в античной софистике, ставшей образцом для всей последующей герменевтики, хайдеггерневтики, психоневтики, структуроневтики, постмодерневтики, вообще, всякой патологичности.

Идеалом философии-технемы служит искусство внушения, убеждения, гипноза; философия должна давать не знания, а формировать внушения, убеждения человека в том, что как будто он что-то знает, причем, эти убеждения должны заражать других людей, подчинять их воле софистов. Поэтому софисты относились к мудрости иронично и цинично, считая ее предметом торговли.

Во всех философских учениях имеются в разных сочетаниях все указанные аспекты с доминированием одного из них. Автор справедливо замечает, что до XX в. преобладала софийность и научность, а в XX в. господствует научность и мыслетехника, игра, что говорит об упадке современной философии, которая увлеклась наукообразием и технико-игровым, виртуальным квазиинтеллектом. А ведь мудрость, в отличие от философии, не знает упадка и подъемов, оставаясь всегда мудростью; изменяющаяся мудрость — это не мудрость.

Все ясно, убедительно, но... везде это великое НО! Г. Г. Майоров с превеликим изумлением отмечает, что в классификации наук Аристотеля этика совершенно отделена от философии и включена наряду с политикой и экономикой в практические науки. А поскольку «первая философия у него совпадает с софией, то получается нечто невероятное: из идеи мудрости, а, следовательно, и из идеи самой философии изымается нравственное ядро, а вместе с ним философия утрачивает и свой нравственный пафос, превращаясь в сухую схоластику».113 Удаляя из мудрости нравственность, Аристотель порывает с софийной традицией, превращая философию, с одной стороны, в рассудочную науку об абстрактном бытии сущем с его конституирующим законом запрета противоречия.

А, с другой стороны, без нравственности наука и философия движутся ..., а куда они движутся? Куда вообще можно идти и придти без нравственности? Не только в страну сухой схоластики, но и во влажную страну пороков и патологий, что уже проделали Сократ и Платон. Раздел единой жизнедеятельности на труд и умотворчество ведет к отделению этики от дел и завершается слиянием жизни, патология и содомологии.

Вообще-то, этика возникает тогда, когда нравственность и ее добродетели уже исчезли или исчезают из жизни, теряют свое бытие, и остается лишь познать, что же люди утратили. А поскольку добродетели уже лишены бытия, а философия и наука изучают именно бытие, то этика остается за их порогом. Может быть, Аристотель разделил мудрость и нравственность в целях спасения философии и науки, наблюдая грандиозную распущенность и аморальность своих сограждан? Нет добродетелей и пороков, в которых древние греки не достигли бы вершин мастерства. Одно учение Платона об андрогинах однополых и разнополых чего стоит! Содомия, лесбиянство, инцест, некрофилия, зоофилия, вообще, эротические связи со всеми стихиями и вещами, древнее мировоззрение принимало как нечто естественное и необходимое. Нарцисс погиб от любви к своему отражению, Пигмалиону за его любовь к статуе боги оживили мрамор. А ведь реальные женщины Эллады славились своей непревзойденной красотой! Существовал дионисийский культ публичного выноса фаллоса и шествия с ним по городам. Да и Эрот был не божеством, а демоном блуда; богиней же любви была Афродита любвиобильная, но в любви не аномальная, в отличие от эротической распущенности бесславно сгнившего в половых пороках Зевса. Для идеологического оправдания аморальности древние греки существенно скорректировали мифы, которые стали сакрально оправдывать любые пороки. И поскольку пороки, в отличие от добродетелей, заразительны, то они постепенно вытеснили мораль на периферию жизни, философии и науки, что и меланхолически констатировал Аристотель. Г. Г. Майоров безусловно прав: «Но мудрость по самой своей сущности никогда не служит злу, так как она и есть высшая добродетель. А поэтому и любовь к мудрости, т.е. истинная философия, не может служить злу, что с необходимостью влечет за собой заключение: понимание философии как науки или искусства ложно... И все-таки оно существует».¹¹⁴ Да, но тогда и наука вместе с искусством есть ложные, или — псевдоистинные, искусственно, искусно фабрикуемые подделки истины. Философия и наука без морали становятся филамологией и амонукой (да простятся автору эти слова-монстры!), оправдывающих любые аномалии ума, души, сознания, языка, тела и пола. Автор эту возможность, уже реализованную древней философией, не рассматривает вовсе.

Далее, выделение софии, эпистемы и технемы как различных типов философии ставит вопрос о том, каков общеродовой признак этих

типов? Остается все та же вечная софия-мудрость. Г. Г. Майоров называет философию «святым словом». Но таковым оно может быть лишь в контексте христианской софиологии, в которой носителем, ипостасным субъектом философии является не просто софия, мудрость, а София Премудрость Божья.

И тогда получается естественное выделение основных типов, видов философии. 1. Философия как часть и вид софиологии. 2. Философия как часть и вид метафизики. 3. Философия как часть и вид патологии, в которую входят технеклоунада софистики и текстстурбация постмодернизма. Хотя «мальчиков» Платона им не превзойти! Истина не простит замалчивания и сокрытия темных, аномальных и опасных аспектов философии, а ее возмездие ударит в первую очередь по тем, кто Знает... Но все же мысли Г. Г. Майорова о сути философии — прелесть и радость пробужденного им понимания!

В этом плане Платон и его философия выражают судьбу западной цивилизации, обреченной на то, чтобы хранить верность кровавому радению «Ночного собрания» и фаллоса. Содомистские истоки философии делают её столь же неопределенной и увертливой, как и сам Эрос. Философия — странный, непонятный аноним, который о каждом предмете одновременно говорит «я всё знаю»; «я ничего не могу знать»; «я во всем сомневаюсь»; «все знания — бред»; «все знания суть призраки, трупные маски познаваемого». И это своё пятизаконие философия с тупым блаженством применяет и к самой себе, заявляя, что она есть цельное знание мира, что она есть вечный вопрос, на который никакой приличный ответ невозможен. Она же утверждает, что сомневается во всех своих истинах, поручив неопозитивизму доложить народам, что философия — это бессмыслица. А постмодернизм прошамкал, что философия есть труп и весь вопрос теперь в том, чтобы понимать язык трупов. Но во всех вариантах конституирующей основой философии является бесконечное и бесплодное выяснение содержания её предмета, роли и функций в жизни людей, Философия — сплошной гомогенный дискурс с самой собой, непрерывная дискурсорбация. Поскольку философия работает во власти, то ее любовь к мудрости становится умом государства; поскольку философия вне власти остается и вне мудрости, то ей приходится заниматься любовью с самой собой, что она и делает. Все идеологии вышли из фаллологии Платона. Философы-властители не могут не быть ваятелями особого рода, создающими новый организм из живых камней-людей, а не из

искусственных и мертвых материалов искусств. Болезни и смерть — это не природа, а вина людей, живущих несправедливо. Курицу же не называют смертной. В каждом человеке есть смертное и бессмертные начала. И философы-правители своими идеями выявляют бессмертные, а законами отсекают все смертные начала. Бессмертие человека выражается в государстве как воплощении вечной справедливости.

А сама по себе философия не имеет никакой позитивной ценности, непрерывно определяя и пере-пере-переопределяя свою сущность, отрицая всю свои идеи, заявляя, что философия и есть постоянное искание самой себя. И поскольку философия — это не наука и не знание, то и её не следует судить по качеству её плодов, коих у неё нет и быть не может. Ну, а любовь, рвение и стремление к мудрости всегда можно одобрить, независимо от пола любящих. Ведь и в содомии тоже ищут мудрость! Да и ищут ли, или же их уже нашла черная мудрость князя мира сего?

В оправдание Платона и философии можно спросить: «А какое дело обществу до половых проблем философов? Они должны не устанавливать законы Эроса, а производить нужные людям идеи, идеологии, вырабатывать познающие инструменты, разыскивать новые смыслы. А «чтоб иметь детей, кому ума не доставало?» (А. С. Грибоедов).

Но вот наше время доказывает, что именно для продолжения жизни, идей да и ума Платона явно мало. Более того, они вредны детям и жизни, заменяя их филосодомией! И если все станут философствовать, искать и созерцать идеи по Платону, то вскоре некому будет философствовать даже платонически! Только семейно ответственные граждане могут безопасно и безвредно заниматься философией, выявлять идеи и смыслы для самой жизни, в том числе — трансцендентные энергии самого Эроса и власти. Самим ужасающим возмездием издревле народы считали бесплодие, пресечение жизненного ручья рода, роковое «быть двору сему пусто». Бесплодие — это плоды бесов, которые знают, уж лучше ничто, чем бесплодие, ибо ничто — это сырье, материал для созидующих сил, а бесплодие — это мертвые отходы, отбросы, которые выпадают из всяких сакральных и природных превращений, исчезая в отстойных ямах африканских каннибалов. И это возмездие пораженные ищут сами и находят его в философии, заменяющую им жизнь и становящейся для них изысканной патологией пустого двора.

Г. Г. Майоров утверждает: ««Философия рождается в Греции в ответ на нравственную потребность критически оценить подлинное достоинство человека в мире... Философия — дело нравственное, а все, что именуется философией, но не одержимо нравственной идеей, есть либо лжефилософия, либо только орудие философии, а не она сама, каковы эпистемология, методология, космология, историческая теория, психология, логика и даже метафизика, если ее понимать по Аристотелю...».¹¹⁵ Автор рад бы разделить позицию русского мыслителя, который в соответствии со своей родовой природой достоинства других людей преувеличивает, их пороки не замечает, а свои собственные достоинства не видит, а недостатки преувеличивает. Верно, хорошо сказано, но этой возвышенной софийной этике не соответствуют андрогины и «мальчики» Сократа и Платона! Да и не родилась философия ради нравственных потребностей! Это Сократ и Платон, стоики и неоплатоники были нравственными людьми? «Пир» опровергает всякую нравственность, в то время как все древнейшие общества, все религии и любая мораль порицают, а то и карают за общение полов вне семьи. «Пир» можно рассматривать как манифест той гнуси, которую толерантный Запад называл сексуальной революцией, несмотря на то, что в этой революции погиб даже вульгарный секс, замененный прыщавым асекси. Философия возникла для решения глобальных онтологических, антропологических и мировоззренческих проблем в условиях кризиса мифологии; нужно было мировоззрение, которое сохраняло бы целостность мифологического сознания и в то же время обладало бы богатым арсеналом социальных, личностных, логических, языковых и экзистенциальных средств, посредством которых можно было бы ответить на внешние и внутренние вызовы разгулявшегося времени, восстановить порушенное единство человека и божественного космоса, связь людей и сакральных ценностей. Философия родилась в чреве глобального кризиса мифологии и предстала как особая форма целостного — софийного — мировоззрения, охватывающего миф, религию, науку, социальный строй.

И в этом контексте возникшую философию, как новую идеальную силу, так соблазнительно было использовать для оправдания аморализма людьми, утратившими нравственные стержни свои в эпоху железного века, когда сам Зевс стал блудодеем; Дионис — покровителем алкоголизма и оргий. Аполлон и Афина, заняты

устроением гражданского общества, не смогли сохранить нравственные устои Олимпа, предотвратить наступление патологии многоликостью.

Далее, Г. Г. Майоров отмечает, что в философии нет прогресса. «...Философия, в отличие от любой из наук, со времени своего рождения в Древней Греции и вплоть до наших дней не проявляла ощутимого прогресса в решении своих главных задач и что уже по одному этому признаку ее вряд ли можно отнести к разряду наук, ибо прогресс наук очевиден, и все науки за это время изменились радикально. Ведь это — факт, что философия Канта в смысле своей истинности и глубины ничуть не лучше (а хуже?) философии Платона, а философия Гегеля ничуть не лучше философии Аристотеля. Если кому-то больше нравится Платон, чем Кант, или больше — Гегель, чем Аристотель, это — дело вкуса».¹¹⁶ Отчасти верно, хотя неизвестно, чем же определяется эволюция самих философских вкусов. Прогресса в философии нет, но вот регресс автор заметил даже в скрываемых местах: «...В последнее столетие под влиянием фрейдизма вектор интереса технематической «философии» неуклонно смещается по его телу с головы в область анально-генитальных органов. Обобщая полученный в этой области «опыт», играющая мысль с легкостью переносит свои выводы и на всю остальную доступную ей сферу бытия человеческого. Можно ли все это назвать философией, пусть решает сам читатель»¹¹⁷. Но если сегодня основной темой философии, морали, искусства и науки являются половые аномалии, то как решают сей вопрос философы-профессионалы, недоумевают читатели?

Да, но вот беда и неувязка: первыми психоаналитиками и философами анально-генитальных миров были... Сократ и Платон, да, пожалуй, с оговорками и весь античный этнос. Вовсе не случайно, Эрос, Танатос, «комплекс Эдипа» стали базовыми и порождающими началами психоанализа. Вовсе не случайно, христианская мораль называла древних греков и римлян не совсем приличным словом «язычники», имея в виду их половую распущенность, под которую они переформатировали свою мифологию, религию, искусство.

Но дело не только в этом постыдном первенстве. Дело в том, что свою вязанку хвороста в этот айдный пламень блудодействия принесла и философия, которая поддерживает его вплоть до нынешнего времени, не сознавая того, что этот огонь язвящий уничтожит и ее «добро». Сократ и Платон не только развивали софийное понимание философии, но и проложили пути ее извращения в джунглях

фаллологии. Демоны, как духи низшего мира, существа амбивалентные, а потому им закрыт путь в сонм божеств Олимпа. Демон не умудрил Сократа, а охмурил и погубил его; демоны посредничают между Аидом и дольным миром, а между земным и олимпийскими мирами посредничают Музы, Афина, весь олимпийский пантеон, да еще герои. Поэтому философию нужно ограждать от демонов, ибо они превращают ее в фаллологию, в род блудодейства.

Кстати, Платон требовал допускать мужчин к философии и диалектике только после тридцати лет, когда они становятся ответственными семьянинами. И, кстати, жена Сократа, Ксантиппа, самостоятельно поднимающая сыновей мудреца, который завел их еще до занятий философией и мальчиками, лучше знала толк и в философии, ибо жертвенно отдала свою жизнь тому, чтобы дети физически, душевно, нравственно, социально и умственно стали нормальными и здоровыми людьми, чтобы не брали пример со своего отца. А человечество оплакивает Сократа, ставшего жертвой демонического блуда умом и телом.

Вкратце можно сказать, что философия возникла как возмездие поруганной, извращенной идеальности, ее ценностей и сил, которые люди постепенно стали использовать в чисто прагматических целях, а то и вовсе отрицая их, заменяя их благодатные дары материей, властью, удовольствиями, богатством. Ведь не случайно все народы в истоках своих находят Золотой Век, 118 т. е. идеальное в качестве особого — законченного и непревзойденного — царства, которое люди зря покинули ради поисков истины и богатства, не подозревая о том, что они эти блага уже имели сполна. Поэтому философия есть и память об идеальном как недостижимой первоначальной субстанции мира; философия есть свершающаяся кара, патологическое возмездие идеального за поругание его святынь; философия есть метод, путь обретения человеком и миром своих оригиналов в мире идеального; философия есть и вечная ересь против замыслов времени, прогресса и психоанализа, вечно поднимающая знамя Абсолюта, на котором начертано: «Любовь=Истина=Благо=Красота!»

4. Какой может быть философия без этики?

Зачем же все-таки Аристотель, прекрасно понимая неразделимость в мудрости знания и морали, все же разлучил философию и этику, повернул руль философского кораблю от софийных ветров в сторону чисто логического, научного и наукообразного во многом риторического мудрствования?

Решения этого вопроса всех вопросов таится в недрах идеальных сил человека — в недрах сознания, души, ума и языка, в безумствах губительного своеволия, в невольных празднествах, в блудных цепях, в рабстве невиданной свободы, в объятиях неслыханных блаженств исходных замыслов природы!

Человек — неразрешимое в земных условиях противоречие духа и плоти (в неземных мирах еще менее разрешимое, ибо этот союз духа и плоти составляет высшее чудо мироздания!). В физическом плане человек, его сознание, мысль — природные феномены, которые опираются на нее, живут ею. В идеальном же плане сознание, язык и мысль человека — неприродные, сверхприродные и даже антиприродные силы. Мягко, но неотвратимо, они требуют от людей жить не по природе, даже не по желаниям своим, а по закону «должного»; не по закону «так есть», а по закону «должно быть иначе» («по идее, по смыслу, по логике, по разуму должно быть «не так», как «есть»). Языком должного в сознании и уме призывают к нам смысловые императивы, откровения вечности и Неизвестного.

Но «должное» не только императив сознания и разума, но он присущ и природе в целом. Непрерывно изменяясь, природа чего-то ищет и не находя искомого, разрушает созданные формы, чтобы снова продолжить страшный, беспощадный и... бессмысленный поиск своего внеприродного смысла. Простейшее зерно, прорастая, наглядно выявляет это влечение природы к своей внеприродной, магической тайне. И болезни говорят о неполноте природы, ибо лекарства приносят не исцеляющую материю, а непонятый нами смысл бытия своего. Гегель видел в болезнях магическое противоборство плоти и духа.¹¹⁹

Возможно ли разрешение противоречия по имени «человек»? А если возможно, то как, чем, в чем, и зачем?

Нельзя подчинить разум и сознание человека природе, ибо эти идеальные силы не признают никакой зависимости, которая сразу же делает их ненужными и призрачными эпифеноменами материи. А без идеального наполнения и плоть человека одна тень исчезающая. Дух беспощаден к предателям своих смыслов. Но и подчинение природы

целям человека губит ее, превращает ее в технологического монстра, который пожирает своих изобретателей. И мысль, сознание не спасут человека, ибо без природы они сами станут бессильными тенями. Природа — свободная сущность и на ее свободу нельзя покушаться! Никому! Но именно этим путем пошло естествознание во главе с физикой. Без органического обмена с природой человек невозможен, но этот обмен, становясь технологическим, разрушает природу и человека. Гармония природы и человека невозможна, ибо мысль и сознание несут в себе надприродную и сверхчеловеческую гармонию идеального, которое несовместима со всеми экологическими грезами людей. Физика решает эту антиномию на путях технического насилия, а обществоведение ищет выход в оптимальном устройстве социума, в духовном воспитании человека. Пока доминирует силовое решения проблем человеческих, хотя уже ясно, что физика не решает, а умножает эти проблемы, делая их апокалипсическими. Природа молча гибнет, увлекая за собой в бездну ничто и неблагодарное, обезумевшее от безнаказанного своеволия человечество, которое придумало этой гибели легкомысленное имя «экология», на деле не то что устранилось от ее решения — в рамках современного строя она неразрешима, — но даже не может осознать в ней свое небытие.

В древних культурах причинность совпадала с виной; быть причиной — значит, быть виноватым. Увы, виноваты люди, но не как инициаторы, а как исполнители чужой воли, сокрытой под благонадежной маской науки, которая выстроила социотехническую и административную систему-паразит, рост которой губит природу и людей — храм Идеального. И высшим законом этой системы стало беззаконие — «Все науке дозволено!». Ну, следуя этому ее закону, заглянем в темное нутро физики как лидера науки вообще. Именно в физике причина и вина современного человека слились в один протяжный вой, в одну блаженную агонию.

В начале эволюции эврочеловечества физика и философия были единой мудростью, в равной мере изучающей идеальные и материальные, умозрительные и чувственные, физические и математические, рациональные и мистические, природные и социальные, естественные и искусственные, земные и небесные, сакральные и инфернальные, человеческие и нечеловеческие, вещественные и символические свойства мира, богов, людей, идей, царств. Фалес, Гераклит, Пифагор, Анаксагор, Демокрит, Платон,

Аристотель, стоики, неоплатоники были и мудрецами-учителями, и учеными-физиками, и философами-просветителями, и пророками-мистиками, и жрецами-политиками, и гражданами-патриотами. Для них наука и философия была и земной и сакральной мудростью. Сакральной по предмету, ибо она искала в природе идеальные силы; сакральной по методу, ибо изучала чувственный мир посредством Логоса; сакральной по смыслу и цели, ибо искала пути совершенствования человека и общества. 120

Аристотель нашел простое и гениальное разрешение противоречий человека, исходя из того, что человек разумен не сам по себе, а через свою связь с космическим Умом (Нусом). И этот ум правит природой, обществом, человеком, указуя им в семьях, в полисах, на воде и на земле естественные взаимодействия, в которых мир, добродетели и цели человека соответствуют воле их высшего владыки — Ума-Нуса?

Природа вот уже давно доверилась ему; поэтому она беспрепятственно воспроизводит все свое богатство, не страшась внешних угроз. А человек не признает космического ума, навязывая природе свою волю, а она защищается от него, вовлекая в самый немислимый разврат, откладывая расплату за него на ноябрь. Но человек не принял дары мирового ума, усомнился даже в его бытии. Возмездие грянуло сразу же. Не признаете всеобщий ум мира, тогда вас тотчас же признает всеобщее безумие, которое и сделает ваш ум безнравственным и бесчеловечным! И постепенно этику научного ума человеку заменяют трансекстурбации, информации, бессознания, синергетики диссипации. Высшим достижением в поисках этики мирового ума стала ноосфера В. И. Вернадского, в которой человечество представлено в качестве живого вещества безумия.

И такой подход не мешал физике быть и опытной, прикладной наукой, искусством и ремеслом, изучающей вещи для пользы людей, хотя эта сторона ее и не была главной.¹²¹ Как бы высокомерно не относилась современная физика к своей прародительнице, натурфилософия и поныне вызывает непреходящий интерес, привлекая к себе не только историков, но и физиков, которые находят в ней уникальные мысли, решения, величайшим достоинством которых является то, что за ними не следуют мрачной тенью неразрешимые социальные и экологические проблемы. Идеи, аналогии, учения, гипотезы, свободное умозрение натурфилософии и поныне питают своими корневыми смыслами современную физику, науку

вообще, хотя за спорами и грантами они забывают свою общую прародительницу.

Но скоро, очень скоро специализация, коммерциализация и массовый гедонизм разрушили исходное единство этики и науки. В античном мире мудрость, наука и этика опирались на идеальное единство Ума-Нуса, его материальных, числовых, мифических, религиозных и символических причин мира. Так решили не люди, а единая объективная суть добродетели и науки в составе мудрости.

Впервые эту ситуацию о конфликте этики и науки философски выразил и оценил Аристотель, глубоко знавший надлунный мир, проблемы земного мира, логику мудрости, философии, опыта и науки. Философ впервые проанализировал неразрешимые тупики, нравственный нигилизм и грозящие опасности, которые несла с собой зарождающаяся наука без этики. Аристотель с недоумением исследует возникающее естествознание, пытаясь уловить его скрытые цели и планы. Его раздражало отсутствие какого-либо ответа на вопрос о том, куда же все-таки стремятся отдельные науки сами по себе? Каково их подлинное назначение? Кого, как и посредством чего они вопитывают из человека? В таком целостно-провиденциальном плане наука не исследуется и поныне. А куда неизбежно ведет человека наука?

Аристотель проницательно заметил, что зарождающаяся наука фундаментально искажает мышление человека, а главное — она незаметно рушит мораль, заменяя ее научностью. Суть этого искажения сводится к тому, что целостность космоса физика подменяет его частями, отвергая единый мировой ум — носитель объективных целей, целевой причинности, сводя идеальные силы природы к субъекту или же вовсе отрицая их. С Возрождения такое мертвящее раздробление мира и ума стало уже негласным стандартом научности.

Для классической древности все науки были лишь разделами мудрости. А мудрость, во-первых, есть Всезнание, Всеведение; но это не достаточный, а лишь необходимый, количественный признак мудрости. Во-вторых, мудрость это не только вторичные знания-образы вещей, но и первичное знание-субстанция, из которого вещи проистекают; и органом этого знания-субстанции служит не человеческий рассудок, а объективный ум, посредством которого вещи открываются человеку как смысловые сущности. В-третьих, мудрость есть знание закона Логоса, который служит истоком, законом всех законов мира. В-четвертых, мудрость есть знание

сакральных вещей; поэтому мудрость выступает целевой причиной любого знания, ибо она указывает его высшее назначение — познать волю Бога в мире и человеке. Но исходным пунктом, центром, средством и самоцелью знания является мудрость как ум Космоса, ибо в тайниках этого ума сокрыты смысловые планы Бога. Ум является объективной формой совершенства, к которой устремляется все существующее, находя в нем оправдание и назначение своего бытия.

Поэтому в древней Элладе физика, математика, биология, астрономия изучали каждый предмет как малый космос в единстве его материальных, движущих, идеальных и целевых причин. Так, даже понимание простейшей вещи, например, дома, требует рассматривать его как единство четырех причин: материальной (стройматериалы), движущей (искусство строителей), идеальной (проект архитектора) и целевой (воля заказчика). И так во всех вещах. Устройство космоса, вещей, людей, царств, мысли, каждого предмета, каждой части космоса и предмета рассматривались с точки зрения целостности, а их динамика — через движение к со-вершению и со-вершенству, к за-вершению своего назначения, своей творческой естественности. И это наилучшее состояние космоса. Аристотель видел в мировом уме-нусе, который является мерой, перводвижателем, сущностью, целью и любовным порывом всего существующего к истине.

Ум, по Аристотелю, превосходит не только чувства, волю, душу человека, не только сам космос, но он стоит выше вещей, выше судьбы и богов. Этот ум преодолевает всесилие судьбы (в судьбе все предопределено, а в Уме есть выбор) и произвол случая (случай играет человеком, а ум содействует ему как «младшему собрату по разуму»). Ум есть «среднее» состояние между материальной непроницаемостью вещей и бестелесной всепроницаемостью абстракций, световой и смысловой субстанция мира. И эта субстанция в разной мере распределена по всем модальностям бытия, концентрируясь в логике, науках, искусствах, религии. Материальная непонятность мира преодолевается умом, а бестелесность абстракций — смысловой материей и предметными целями ума. Ум стоит даже выше истины и науки, ибо эти категории суть его орудия, созданные для постижения реальности и как таковые они подчиняются ему, а не он им. Поэтому «наука не может иметь своим предметом начала. Но так как ничто, кроме ума, не может быть истиннее, чем наука, то ум может быть началом науки».122

Но ум не только смысловое начало, но и смысловой конец наук, их цель (энтелехия). И не только наук, но и их предметов. И не только предметов, но и материи, мира. Обретая ум, зная о нем или встречаясь с ним, все существующее революционным образом изменяется. Ум освобождает все предметы от их затерянности, растерянности и суетливости в дебрях материи, от путаницы и плутаний в дебрях законов, от алчной похоти бессознательного. В уме (умо-заключении) каждый предмет, материя предстают в качестве свободных сущностей, которые могут взаимодействовать с полем всех возможных значений и смыслов мира, быть везде, быть всегда, быть всем, быть поистине малым космосом.

Творческая инициатива ума в качестве целевой причины уникальна и незаменима, ибо она является связующим звеном мира физического и метафизического, мира временного и вечного, мира естествознания и обществоведения. Если вечность – это родина идей, душ, нетленных прообразов, если время – это место, где они странствуют, страдают, истлевают, то должно быть у них еще место, где они трудятся, ведут борьбу с холодным безразличием материи и с беспощадной тлетворностью времени, отстаивая интересы истины и жизни. И таковым местом является ум, который служит общим рабочим местом всех обитателей вечности и времени. Поэтому методологией Аристотеля является не диалектика противоречий, а мерная триалектика их преодоления и разрешения. Методом его понимающего анализа служит триада «вечность – ум – время». Ум извлекает энергии вечности из времени и создает из вечности формы для вод времени. Поэтому философия, науки должны изучать свои предметы не как особые части мира, а как формы объективированного ума, что и делает их микрокосмосами, представляющими в своих структурах целостные качества большого космоса.

Но Аристотель не ограничился натурфилософской характеристикой соотношений физики и обществоведения, но и вскрыл опасности, таящиеся в обособлении физики, других наук от этики. Эти опасности наиболее полно воплотились в специализации, деньгах, (хрематистике) и массовом гедонизме.

Науки порождают специализацию, которая постепенно, скрыто и неотвратимо извращает человека, незаметно делая из него тщеславного и самовлюбленного раба. Для Аристотеля социальное рабство определяется отношением людей к мыслям. Свободные люди

понимают мысли других людей и творят новые мысли. «Раб по природе» способен понимать мысли других людей, но сам к мыслительному творчеству неспособен.¹²³ «Раб по природе» подчинен материи, не воспринимая ум как высшую реальность своей же жизни, прожигая ее как интеллектуальный иждивенец. Подлинно свободным может быть лишь мыслящий человек, так как он «знает лучше всех людей суть ума — человеческого и космического, ибо ум и есть мудрость, действующая в качестве целевой причины».¹²⁴ Мудрец творит мысли, понимает смыслы вещей, мысли других людей, сам Логос космоса.

Но кроме свободных, мудрецов и рабов выделяется еще один тип существ, называемых... да, да, называемых учеными, «научниками»,¹²⁵ естествоиспытателями (какое жуткое слово, обозначающее людей, которые сделали своей профессией пытки естества!). Эти люди изуродованы своей специализацией. Они способны порождать новые мысли, но абсолютно не способны понимать мысли других людей; да и сама мысль прячется от их топорной методологии и палаческого рассудка. К рабам их нельзя отнести, ибо они обладают собственными мыслями; к свободным их нельзя тоже никак отнести, ибо они не способны понимать других людей, являясь рабами своего невежества относительно моральных ценностей. Аристотель ставит этих профессионалов даже ниже рабов, приравнивая их к искусственным ремесленникам.¹²⁶

Аристотель является самым бескомпромиссным и неопровержимым противником специализации. Хотя она и приносит выгоды, но ценой искажения человека, который становится неспособным ценить свободу, мысль, идеальные силы добродетели. Специализация разрушает личности многих, обогащая в то же время немногих манипуляторов и слуг темных богов. Предмет любой науки, как и ум человека, всегда являются особыми формами целостности космоса; и если ученые замыкаются на частях, — а иначе они не могут изучать вещи, — то они становятся учеными, которые разрушают как познаваемые предметы, так и мораль познающих людей.

Науке и этике угрожают и деньги. Философией и науками должны заниматься свободные люди ради истины и совершенствования, ради сакральных знаний, ради благого хозяйственного устройства Дома и полиса, а не ради денег. Академия Платона и ликей Аристотеля освобождали своих ученых, учителей, учеников от коммерческих дел. Ибо ученые, познающие природу ради

денег, сразу же исказят науки, направив их по пути гибели человека, мысли и природы. В этом нет ничего удивительного. Возьмем совершенно здорового и состоятельного человека, и приставим к нему врачей без средств существования. Через год у здорового человека появится масса болезней, а врачи будут изучать уже не здоровье, а болезни, которые появятся из лекарств, которыми спасали здоровье человека.

Деньги создают массу псевдонаук, псевдооткрытий, среди которых выделить подлинные науки и открытия почти невозможно, ибо судьями будут те же ученые-открыватели, которым нужны средства для жизни и работы, а не открытия сами по себе. Неимущие и безвластные ученые быстро найдут общий язык с тиранами, которые будут требовать от ученых нового оружия, и ученые будут искать уже не истину, а изобретать наряду с оружием средства сокрытия истины. Коммерциализация науки ведет к моральной деградации ученых. Как хороший музыкант, который подлаживается под грубые вкусы, незаметно сам грубеет и губит свое искусство, так и ученые, выполняя заказы войны, сами становятся убийцами. А в социально-нравственном плане они мало чем отличаются от рабов, крепостных, наемных слуг и мошенников. Следствием специализации и коммерциализации науки является то, что эти занятия становятся массовыми, привлекая к себе множество низких, «общих»¹²⁷ людей, идущих в науку не ради истины, а ради выгод и власти. Эти люди быстро превращают науку в демагогию, которая создает в обществе новый центр власти «рабов по природе». Если масса начнет искать истину, то она быстро найдет, что истина — это власть, и начнется всеобщая война за эту новую власть.

Однако Аристотеля нельзя обвинять в культе дилетантизма, мнимой учености, поверхностном всезнайстве и эклектическом универсализме, в чем его облыжно клеймит К. Поппер, хотя сам же признает, что специализация ведет ученых и науки в абсолютный тупик «узколобости», аморализма и шарлатанства. Он же признает, что «именно Аристотелю принадлежит идея свободного образования».¹²⁸ Стагирит вовсе не был врагом высочайшего мастерства, умелости и знания. Все исследователи признают его глубокие знания вещей, тайн ума и человека. Аристотель отрицал специализацию вместе с деньгами и массовостью как изоощренные орудия сокрушения морали, которая одна лишь делает человека субъектом сущего. Аристотель ратовал за интеллектуальный универсализм, выдвинув впервые в истории

человечества идеал свободного образования, свободной науки, которые независимы от кастово-умертвляющей специализации, денег и власти, а зависящих лишь от ума и морали. Ум, как и добродетель и всеобщие (везде применимы и действительны), и предметно специализированы. Поэтому любой специализации должно предшествовать фундаментальное изучение сути, форм, законов, целей ума и добродетелей, ибо всякое дело, каждая наука есть особое творческое проявление морального ума. И только будучи вооруженным знанием умом и этикой, науки смогут адекватно и безопасно изучать природу и человека. Ведь и сама природа стремится в итоге к тому же уму и благу, с помощью которого человек познает природу. Стремление свободного и морального ученого познать природу совпадает с обратным стремлением самой же природы обуздать свои страшные, разрушительные силы посредством мирового ума и его морали. Не только ум человека использует силы природы в своих порочных или неведомых целях, но и природа использует свои силы для достижения целей своего же ума.

В учении Аристотеля о мировом уме содержится эзотерическая, глубинная вера в то, что божественное, добродетельное и умное совпадают. И значит, все науки, могут и должны изучать бытие как единство материальных, сакральных, благих и умных причин. Мировая реальность состоит не только из материи, законов, движения, энергии, но определяющее место в ней занимают добродетели и ум. Поэтому подлинная специализация может быть, по Аристотелю, лишь на основе органического слияния ума и нравственности. Иначе специализация обернется всевозможными видами патологии.

Кто только не обвинял Аристотеля в том, что его философия созерцательна, не ориентирована на практику! Величайшая глупость! Свободный человек использует науки для жизненного обустройства домохозяйств, совокупность которых составляет Родину, защита которой является высшей теорией, лучшей практикой и совершеннейшей моралью.

И наука, и философия, и мораль решают одну и ту же задачу — ищут пути, формы, посредством которых материальные вещи, социальные уклады, человек максимально соответствуют высшей мере бытия — благу мирового ума. Они должны сотрудничать в организационном и целевом творчестве, дабы обуздать внутренний и внешний хаос материи и человека, дабы противостоять

разрушительным силам времени. Они должны сотрудничать в познании мирового ума, дабы противостоять нашествиям безумия и бессознательности. Они должны соучаствовать в создании новых умений человека, дабы он смог приблизиться к божественному статусу. Каждая вещь, наука, дело имеют свои естественно объективные цели, проистекающие из их умной и благой сути. И если они к этим целям не стремятся, то к ним сразу же устремляются чуждая бесцельность, вынуждая их служить средствами роста смертью обуянных сил и начал. Конфликты науки и морали восполняются на другом (скрытом) полюсе согласием, сделкой антижизненных монстров патологии. Союз ума и этики формирует человека-героя, как соучастника дел судьбы и богов, умаляя мировой хаос, мрак, небытие.

И тем не менее, именно Аристотель сделал роковой шаг в сторону разделения науки и этики! Почему? Может быть, в науке Аристотель искал спасения от содомистских бдений «академиков» и от тошнотворных фалломудрствований на «мальчиках» в академии Платона? Кто знает? Хотя эллинская природа сама по себе говорила о том, что все-таки на свете есть свобода, чистота, мудрость, красота, сливающиеся с благом и добродетелями человека.

Но как бы то ни было Аристотель бросил науку из огня в полымя! Желая оградить науку от аморализма, идущего со стороны разлагающихся философов, он невольно и неосознанно открыл пути для ее союза с воинственным антиморализмом и милитаризмом, которые быстро сделали из нее орудие изведения человечества.

Возникшая в эпоху Возрождения европейская наука отринула мораль и благоразумие, стала не на сторону природы и человека, а подчинилась новому неведомому и страшному божеству, занятому разрушению природы, общества, человека и логики. Эта новая, профессиональная, физика своим предметом и подлинной реальностью считает уже не всю природу, а лишь ее часть. И высшим владыкой мира для этой физики стал закон тяготения, хозяин которого в поисках альтернативы вечности, втайне предвкушает блага ядерной нирваны.

Да, были люди и умы! А куда же зашли мы, забыв об уме, этике и человечности? Мир накрывается саванном, сотканном наследниками ученых Содомы и Гоморры! Каков выход? С одной стороны ум в союзе с содомией, а с другой стороны, ум в союзе с демонами преисподней? А союз ума с добродетелями уплыл на небо уже

в Элладе! Остается лишь понять в меру нашего разумения причины, условия столь кошмарного гламура.

5. Гносеология и содомия

Можно ли всё «это понимать», нет ли здесь неопределимостей, выходящих за пределы знания в сферу покаяния, искупления? Неизбежны и другие вопросы: «Философия возникает из содомии? Или содомия — из философии? Или же содомия и философия есть проявление «третьего», фундаментального, порока?».

Анализ этого деликатного вопроса А. Ф. Лосевым вроде бы говорит о том, что вначале была содомия, Эрос, а потом идеи и философия, которые стали идолологией своего прародителя.

Философия возникает в условиях крайней опасности, когда мысль грозит сама себе безумием. Эта величайшая значимость философии и притягивает к ней всяких извращенцев, питающихся энергиями безумия. И в своей экзотерической форме философия становится рационализированным образом этого фаллобезумия. Философия без Софии Премудрости Божьей — преступление, губящее род человеческий явным и скрытым фаллобезумозрением.

Величайшая тайна мысли заключена в её непостижимости: никто не знает, что она может выдумать, даже она сама не знает того, что она может сделать с миром и с самой собой. И только Богу сие ведомо. В этом плане мысль сама по себе, ставшая самоцелью и отделившись от служению жизни и сакральным ценностям, — преступление, ибо в такой автаркии она только умеет преступать все законы. Вот почему Бога нужен, чтобы мысль могла хотя бы отчасти контролировать самое себя, чтобы уберечь себя от своей же свободы, неизбежно завершающейся свободой пороков и сексопатологией. Платонизм — это предельное извращение мысли и пола, их взаимоотрицание. И Платон знал, что говорил, требуя устранить из жизни философов без власти, и правителей без философии, ибо злоупотребляющие фаллосами и властью загубят человечество.

И содомия возникает сначала в какой-то мысли, выражающей родовую и предельную патологию человека, акт его выпадение из мира и падения даже не в Преисподнюю, а в немислимое и в невозможное никуда, дышущее вечной ненасытной злобой. А затем

это извращение входит в чистую философию, не сознающую всей опасности своего знания, ведущего через содомию в безумие.

Каково же то извращение мысли, из которой проистекают реальные извращения?

Несофийное, чисто научное познание имеет дело не с вещами самими по себе, а с их образами, копиями, моделями, которые огрубляют, схематизируют вещи, создавая их искусственные дубли. Но дело даже не в этой неадекватности познавательных моделей, допускающих к тому же безграничное совершенствование, хотя аварии ядерных реакторов наглядно показывают цену всех этих моделей.

Дело гораздо, гораздо хуже, чем это может допустить даже самое порочное и развратное сознание, которое умеет скрывать свои подлинные тайны. Ведь не случайно Библия именно в познании увидела источник всех бед человека? Отчего такая страшная и до сих пор непостижимая оценка познания? Ведь без познания нет человека, а с познанием человек становится грешником, суицидником и преступником!

Дело в том, что модели сами по себе — всецело человеческие создания. А как же иначе познавать, спросит скептик? Познание требует слияния разнокачественных, можно сказать, даже разнополюх противоположностей — субъекта и объекта. А вот во взаимодействии субъекта и модели, которая ведь тоже есть опредмеченный субъект, мы имеем взаимодействие двух метафизически однокачественных и однополюх (!) субъектов, один из которых к тому же еще искусственный и мертвый.¹²⁹ В итоге познание выступает как акт гомогенный и некрофильский к тому же! Искусство и наука ценят, любят свои творения и абстракции больше, чем живых людей, принося их в жертву своим мертвоносным идолам.¹³⁰ Религии не случайно крушили всякое идолопоклонство не столько за измену истинному Богу; изменяя Богу, человек изменяет самому себе, своей жизни, превращая ее в служение смерти. Богу нельзя изменить, как нельзя изменить кислороду. Религии осуждали идолопоклонство за дикие половые извращения, разрушающие эротическую идентичность человека, низводящие его ниже скота.

Иногда философия всё же выступала против идолологии. Ф. Бэкон, Р. Декарт немало потратили сил, чтобы разрушить хотя бы очевидные идола в обликах общих абстракций. В науке эти идола завоевали себе почетные места, став демонами Лапласа, Максвелла,

Борна, наблюдателями Эйнштейна, призраками Маркса и Деррида. В искусствах призраки создали даже свои технологии (кино, СМИ). Тем самым философия, искусство и наука обучают род человеческий, что подлинными моделями высшей истины являются лишь гомогенные и однополюсные отношения. Сократ и Платон с наивностью детей природы высказали эти истины и практически следовали им, не отрицая даже инфернального общения с мертвецами¹³¹ и демонами на путях некрофилии и содомии. Увы, это так, здесь ни прибавить, ни убавить!

Моделирование чреватое и неведомыми бедами, ибо вновь созданное мертвое пытается заменить живые оригиналы. И не изображает ли философия мир, человека, мысли так, как они предстают во взоре Преисподней?¹³² Не является ли философия взглядом смерти на своих будущих клиентов? Не философию ли изобразил в облике горгоны Медузы миф? Если это так, а обратное никем не доказано, тогда от взора философии нужно защищаться щитом Персея, избегая его ошибок.

Не случайно Сократ и Платон в качестве философов выступали и как гейские лидеры, и как некрофильские пророки, проповедующие, что подлинное призвание философии — незаметно обучать людей умиранию, превращения самого себя через посредство гейских практик в живой труп высшей красоты. И они представляли смерть как высшее благо, превосходящее любые иные ценности.

Философия как нечто самостоятельное в отрыве от целостной мудрости жизни стала проводником, орудием рассадником страшнейшего порока, сгубившего античность. В Древней Греции философия стала гомовоплощением сынов погибели, средством всеобщей геизации общества. Образ философа как мудреца призван был освятить эти пороки, доказать, что мудрецы стоят выше добра и зла, что им все позволено; они бытием своим наглядно показывают, что путь к мудрости идет через гейские врата. Этот смертельный порок внешне обаятелен, привлекателен, искушая своим неведомым блаженством. И коренится этот порок в центре всякой философии — в учении Платона об идеях как сущностях, причинах и смыслах вещей, людей. Слова «язычество», «язычники» и платонизм для первых христиан означали чисто сексопатологические явления. И философизация Европы стала в то же время искажением её половой идентичности, завершаясь её геизацией.

Превращение философии из средства жизни в чисто умственные изыскания и оправдания бездетности, половых извращений — это величайшее зло человекоубийцы, внушающего, что возможны мудрость, знания и любовь без жизни и вне жизни.

О чем может думать сама по себе фантастическая голова профессора Доуэля, отделенная от человека и поддерживаемая медициной? О возврате утерянного организма своего?! Да, но после такого опыта мозг сам по себе станет страшным инструментом ненависти и лжи, ибо в отрыве от организма он только и будет думать о мести тем, кто учинил над ним такое надругательство и кощунство. Но если его роль будет сведена только к обслуживанию нужд организма, если он будет отстранен от общения с высшими смыслами неба, то и в этом случае он будет мстить жестоко за искажение его назначения. И мстить будет организму, запуская его дегенерацию и суицид.

А чем могут заниматься фаллос и Эрос сами по себе, поддерживаемые демонами? Вряд ли они будут философствовать, созерцая идеи, или дионисийствовать, участвуя в блуде, как полагал Платон? Они тоже умеют мстить за надругательство над собой. Если их используют не как орган тела, а как средство созерцания идей, то они сами станут идеей, покинув неблагоприятное тело; а если их принудят только доставлять удовольствия организму, то и в этом случае они станут небытием тела в виде содомии. Рождением детей фаллос служит вечности, которая и придает ему тайный смысл его бытия в организме.

Философия — не только познание, но и духовно-практический образ праведной жизни, охватывающий всю целостность её проявлений. В собственном смысле слова философия возможна лишь как часть мифологии, религии, хозяйствования, метафизики. Философия ищет софийные смыслы, чтобы с их помощью человек мог изживать свою греховность и укреплять свою антропологическую идентичность. А сама по себе философия в качестве чистой любви к мудрости — это скрытый демонический содомизм или содомистский демонизм. Поэтому на Западе философия стала наукой скрытого, а то и явного патосексуального насилия; даже в учениях Канта и Гегеля разум совершает вдвойне кощунственный обряд — сам себя, извините, протестантом крестит, практикует однополый брак с самим собой, и сам себя диалектически обрезает, извините. Р. Штайнер своей антропософией не смог оградить Европу от омерзительных опытов Сократа и Платона. В России же философия избежала этой участи, став

частью софиологии, теософии, ноосферы, космизма и коммунизма, пытаюсь через эти учения установить нормальные соотношения пола, разума, человека и бытия.

А какие глобалистские выводы напрашиваются из содомитских умозрений Платона! Миром правят идеи, идеями — геи, геями — грех, грехом — свобода, свободой — смерть. Значит, все мировые социально-исторические и политические события проектируются и осуществляются геями-идеями. Ибо только они могут на основе своих радений что-то понимать в происходящем, ибо для обычных людей все это философствование фаллосами есть безумие. И революции, войны происходят ради обновления прокисшей крови гееносцев, ради пополнения выбывающих ветеранов гей-гвардейцев. Религия все эти проблемы излагает инфернальной терминологией, а потому они не признаются и не решаются. И апокалипсис, видимо, есть конец любви к мудрости, ставшей содомией.

В отличие от животных, у человека нет инстинкта размножения; поэтому человек побуждается к продолжению жизни, к достижению малого бессмертия любовью к мудрости, к Софии, соединяющей в себе и продолжение жизни, и выявление смысла её в философии. В отличие от животных, человек волен продолжать жизнь или же паразитически истреблять уже существующую жизнь, созерцая фаллосом идееподобных уродов. Древние греки, к сожалению, слишком поздно казнили своего основного фаллоносца!

6. Патология в философии нашего времени

Европа сотворила из философии кумира, не замечая, что в отрыве от мудрости, Софии, этому кумиру поклоняются только мертвые духом, а любят его только геи. В конкуренции на право общения с мудростью философия победила мифы, софистику, математику и мистерии. Но победа-то стала Пирровой. Философия победила тем, что подлинную мудрость, Софию она заменила фаллологией Платона. София покинула Европу, оставив ей своего технического слугу — Логоса, сделавшего европейцев рабами технологической тирании и содомии.

Поэтому традиционалист Р. Генон считал именно философию самым опасным изобретением Запада, ибо она стала основным орудием разрушения ее веры.¹³³ Опаснейшим, ибо она смешивает функции ума и

фаллоса! Опаснейшим, ибо она вышибает из людей Бога и фаллоса! Да, философия необходима, но как предварительная ступень мудрости — метафизического и софийного знания. А извращение философии состояло в том, что исходная ступень была принята за целое и за цель, что любовь к мудрости была принята за саму мудрость, которая неизбежно стала эстетической и диалектической апологией содомии. Философия и мысль возникают в условиях крайне опасного и зыбкого онтологического вползания ничто в бытие; и именно софийная мысль не допускает ничто в бытие. И соответственно, позиция философии является решающим аргументом в войне бытия и ничто, оригиналов и копий. Эта величайшая значимость философии, видимо, притягивает к ней всяких извращенцев, ангелов мрака и блудных симулянтов истины, чтобы оставить человека беззащитным перед этой мировой опасностью.

Возникновение философии означало крушение сакральной нравственности родового общества, в котором ум, мифы, религии, искусства, власть были живыми органами единого социокультурного организма. Возникающему обществу тиранов, денег и пороков нужна была не мудрость, а философия с самым полным ассортиментом пороков. Нет порока, извращения, которые не имели бы философского обоснования. И не случайно философия сразу же возникла не как нечто целое, а как масса отрицающих друг друга учений. В то время как Афина-Паллада, богиня мудрости, родилась из головы Зевса сразу в цельном облике и в полном гражданском и военном снаряжении. Именно возникшая философия отделила человеческий ум от Бога, пустив его по пути конструирования искусственной реальности, прогрессирующей в бездну. А первой искусственной, да ещё искушающей реальностью стала содомия, эротические аномалии, названные в XX в. сексуальной революцией. Именно содомизм, столь возвышенно воспетый Платоном в качестве философии идей, стал глубочайшим и скрытым перво двигателем тотальной деградации человека. А сама философия в качестве самостоятельного учения стала матрицей саморазложения для всех других дисциплин, искусств, религий, институтов. Человек потерял мудрость, а обрел философию — мнимую мудрость, растущее безумие, извращения. Философия содержит в себе зародыш апокалипсиса, экспериментируя с различными моделями возникающих и гибнущих миров, не размышляя о том, насколько все эти космо модели совместимы с благом жизни.

В сер. XIX в. философия распалась на множество различных учений, став революционной и деструктивной силой Европы, сохраняя эту же роль и поныне, не позволяя homo sapiens пользоваться умом своим. А. Хюбшер, рассмотрев учения шестидесяти двух крупнейших философов XX века, пришёл к чудовищному выводу, ослабив его несколько вопросительной формой выражения. Мышление само уходит от человека к смерти, спасаясь в ней от европейцев. М. Хайдеггер сделал столь же страшное открытие, заявив, что суть современного европейца составляет именно «бегство от мышления».¹³⁵ Хотя бежать-то некуда, ибо со всех сторон одна смерть. Странно, почему же западный человек убегает от мысли? Неужели мышление страшнее смерти? А почему же тогда мышление убегает от европейцев в сферу смерти? Неужели европейцы страшнее смерти? Правда, высокий уровень мысли сохраняется в военно-промышленном комплексе, ищущим средства уничтожения человечества. Мышление убегает к изобретателям оружия, ибо философия яростно и злобно отрицает мысль, а смерть даёт ей работу по уничтожению мыслененавистников.

Да еще остатки мысли ищут нормальных свиней, на которых Христос отправил в последнее полет бесов — любителей ничто и пустоты. Постмодернизм с восторгом приемлет проект сотворения зверобесовского пространства для существ, идущих на смену человеку. Полуизвращенные массы людей не просто деградируют, а их целенаправленно гонят в конкретно организованный, хотя и незримый социоинферноворот «свиновселения», «освинячивания». Постмодернизм весело принимает монстр-создание, которое образуется из случки людей, бесов и свиней. «Человек и свиньи рассматриваются как временные стоянки для случайной и разнообразной игры временного бесовского коллектива, разлагающегося и слагающегося в новые группы»¹³⁶

Европа запустила глобальный философский проект «нигилизма»,¹³⁷ не ведая того, что её жизнью, технологиями и культурой отныне распоряжается содомократия Ночного собрания Платона. А проект «европейская философия» потерпел полное банкротство, а его наследниками стали выходцы из Преисподней, ищущие свиней, способных принять в себя философствующих бесов, дабы бросится с ними со скалы в пропасть. Постмодернизм — смертельный враг Евросоюза, уничтожающий его разум, волю, смысл, проповедуя гибель Европы, которая аплодирует своим могильщикам.

Корифей постмодернизма, Ж. Делёз, конечно не знает трудов А. Ф. Лосева. Но в данном случае это плюс, ибо он приходит к тем же выводам относительно сути европейской философии, что и русский мыслитель. «В то время меня не покидало ощущение, что история философии — это некий вид извращенного совокупления или, что то же самое, непорочного зачатия. И тогда я вообразил себя подходящим к автору сзади и дарующим ему ребёнка, но так, чтобы это был именно его ребёнок, который при том оказался бы ещё и чудовищем».138 Товарищ француз, Жиль! Опаментайся! Посоветуйся с Платоном, поучись у него культуры выражений! Да и как-то странно ты представляешь себе сотворение детей! Хотя в целом ты прав, ибо европейская философия как отдельная и самостоятельная дисциплина является в своей эзотерической сути идолологией и фаллологией содомизма и сатанизма. И в течение веков она выработала тройные эзотерические защитные системы этой своей базовой парадигмы! Итак, вперед, в окно! Ж. Бодрийяр сокрушается: «Философия сегодня исчезла (в этом и состоит ее проблема: как существовать в исчезнувшем состоянии?)».139 Как? Она может существовать как любовь с самой собой и к самой себе, о чём давным-давно возвестила филотурбация и фаллология Платона. Эта доктрина Платона, служащая перводвигателем сексуальной революции Запада, добывает последних эротически живых людей. «Сексуальная революция, освобождая все виртуальные аспекты желания, ведет к основному вопросу: мужчина я или женщина?».140 У французов нет ответа на эти вопросы, а есть неуверенность, путаница, тревога и страх. 141 Ещё бы! И не ропщите, ибо половое извращение человека — это «назначение любой революции. Именно таким образом мы стали транссексуалами».142 Господи! Какая мерзость!

Сексуальная революция сделала банальным, тривиальным, скучным, а потому пошлым соблазн и разврат, которые неизбежно перерождаются в террор. И скрытый смысл сексуальной революции не в свободе, а в принудительной транссексуализации всех людей. Философия, отрываясь от целостного организма жизни, вырождается в мутное теоретизирование и обращается против самой себя. Вместо выявления и осознания смыслов и законов человека, она стала судить и оценивать жизнь с точки зрения нежизни — мысли и ума. Но утерянное тождество мысли и жизни возвращается в виде извращений — фаллологии идей, которой без насилия не обойтись. Поэтому на нормальную половую идентичность людей обрушивается террор даже в

космополитической Франции. А все это плоды богоборчества Европы, теряющей не только свои идеи, но и свои фаллосы. «Ночное собрание» Платона не скучает! В этом плане платонизм — это не христианство для масс, как извращенно полагал Ницше, а предельное извращение, извращение всех мыслимых извращений рода человеческого. Платонизм несет в себе тайну преступления всех преступлений, невольно доказав, что исток всех преступлений коренится в отрицании самоценности идеального. Платон вовсе не идеалист, не адепт идеального, ибо в его учении идеи, все идеальное служит средством власти и фаллологии. И Платон знал, что говорил, требуя устранить из жизни философов без власти, ибо они несут в себе неведомые опасности, соразмерные с безвластием и дионисийскими радениями. Мысль и философия в отрыве от Бога становятся преступлением; но самое главное свое преступление они ещё не свершили? Какое? Неизвестно! Как револьвер мыслит свободолюбивыми пулями, не зная, кого они сразят. Философия сама по себе, похоже, тоже не думает о жертвах своих свободолюбивых идей.

Да и сами философы каким-то тайным инстинктом стремятся исполнить сей приговор своего короля; почти все выдающиеся философы в семейном плане неудачники, ничем не обогатив искусство созидания дома жизни, а наоборот, они не дотягивают даже до стандартов средней семьи.

Поэтому об эротизме витии постмодернизма поют кощунственные серенады и творят демонические клоунады! Подправляя Платона, они вещают, что началом Эрота был специфический текст, требующий фаллопрочтения, фаллопонимания и фаллоизбавления. И тогда сожитительство текстов с человеком породит фаллоконцепт «тело без органов» (Ж. Делёз).

Что же это за штука такая?

Евроамериканцы стремятся весь мир, ум и сознание превратить в бесконечное наслаждение. Но заменить ум и сознание наслаждениями, не позволяет сам организм человека, наделенный многообразными функциями и органами. И философия постмодернизма нашла изуверский выход: если организм не может наслаждаться, то нужно отказаться не от наслаждений, а от организма, заменив его другим телом, имеющим большую патологофаллогическую емкость. Поэтому постмодернизм стал антропологическим демиургом, который должен выполнить важнейшую задачу — разделить плоть человека на

тело и организм. В итоге должно получиться «тело без органов», вернее, тело, превращающееся в один единственный эрогенный монстр.

Постмодернизм полагает, что человеческий организм есть искажение первичного адамического тела, которое власть изуродовала в целях эксплуатации, труда, послушания. Семья, труд, власть признают организм лишь вместе со всеми его органами субъектом власти, религии, науки, образования, подавляя самое ценное его начало — эротизм, для которого оставили лишь ничтожные зоны. Вместо превращения тела в бесконечное эротическое наслаждение, общество превращает эротизм в орган трудового и служебного рабства организма.

Но эротизм непобедим. Работа с текстами ради истины истощает и разрушает организм, делает его памятником импотенции. Эротизм же трансформирует организм, сбрасывая его затем как сношенную перчатку ради обретения нового тела Эроса. В организме томится поработенное обществом невидимое эротическое тело, страдающее в философских текстах. Постмодернизм считает, что чтение, изучение философских текстов может стать для «продвинутых» сексуальным общением, лингвистическим оргазмом, камасутрой языка, допуская даже прямые сексопыты с текстами!? Философский текст — орган Эрофаллоса, а Эрос — текст, симулирующий эротические желания. Метафизика и фаллология Платона благополучно завершаются порнографией — копией, тенями, симулякрами Эроса.

Нужно развести «тело» и «организм», ибо организм есть эксплуататорское искажение тела. Власть превратила «райское тело» человека, состоящее из одного эротизма, в эксплуатируемый организм. Бесконечный эротизм жизни власть превращает в машину-организм, приносящий прибыль и услуги.

Фактически, за этими на первый взгляд абсурдными тезисами о «теле без органов» скрывается inferнальная задача — сделать организм человека домом для демонов. Идёт глобальная антропологическая революция: из организма человека кроится новое тело, которое должно стать эрогеном, вечно любящим самого себя. Это и будет Царство Небесное, которое на самом деле будет Царством Эротическим. Правда, вслед за этой эротической революцией мрачной тенью идет СПИД — болезнь всех болезней, устраняющая философствующих фаллоантропологов.

Платоновская фаллология стала неиссякаемым источником психоаналитических открытий и озарений К. Юнга. Он тоже не знает

трудов А. Ф. Лосева, но тяжким личным опытом прошел посвящения в таинства фаллоса. В четыре года малышу Карлуше приснился сон, который возбуждал и вдохновлял его всю жизнь. Луг. Посредине луга находится темная прямоугольная, вымощенная камнями яма со ступеньками. Малыш осторожно спустился вниз, прошел через арку, закрытую узорчатой парчой и очутился в странной комнате с небольшим возвышением в центре. На возвышении красовался богатый и пышный золотой трон. «Трон был великолепен, настоящий королевский трон из волшебной сказки. На нем что-то стояло; поначалу я подумал, что это ствол дерева. Этот огромный предмет доходил почти до потолка. Его высота достигала пяти метров, а толщина — по меньшей мере полуметра. Но форма предмета была необычна: он был сделан из кожи и обнаженной плоти, а наверху у него было подобие головы без лица и волос. На самой макушке находился один-единственный глаз, неподвижно уставившийся вверх. В комнате, несмотря на отсутствие окон или иного видимого источника света, было достаточно светло. «Голову», однако же, окружало какое-то сияние. ... Этот сон преследовал меня много лет. Лишь значительно позже я осознал, что привидевшийся мне образ был ни чем иным, как фаллосом, а спустя десятилетия понял, что это был ритуальный фаллос. ... Фаллос из этого сна кажется подземным богом, чье имя «нельзя назвать»¹⁴³.

Не сон, а казус какой-то: маленькому приснился такой великий фаллос! А может это был вещий фаллос, предсказавший малышу великую и славную жизнь?

В итоге напряженного и многолетнего думанья К. Юнг понял, что этот подземный бог и есть подлинный бог христианства! Вряд ли после таких кощунственных откровений философию можно считать служанкой религии! Скорее философия и религия швейцарским гуру превращена в служанку не просто Преисподней, а в служанку ее отбросов, бомжей и чандал.

Постмодернизм поставил знак равенства между европейской философией и смертью, доказывая, что жизнь это и есть союз насилия и содомии. А поскольку философия — основная духовная опора Европы, то дальнейшие рассуждения излишни. Или же европейцы слишком умны, а жизни такие умники и не нужны?¹⁴⁴ Философия как самостоятельное учение неизбежно становится блудом и Эросом, гибелью. Смерть отдельного человека не нуждается в идеологии, а вот гибель всего человечества требует апологетики, оправдывающей и

скрывающей его гибель. Философия сама по себе и есть идеология эротического суицида человечества. Платон — судьба Европы, ставящей её перед выбором без выбора: или стать палачами Ночного дозора или фаллосозерцание идей, или то и другое вместе, но без жизни.

Итак, философия сама по себе в отрыве от религии, метафизики, культуры, хозяйства неизбежно завершается союзом тирании и содомии. И основная задача ее истории заключалась в изобретении сокрытий этой своей дьявольской природы за масками различных онтологий, гносеологий, методологий, антропологий и др.

Автора не радуют эти факты и как он желал бы, чтобы всё они оказалось ложью, выдумкой и бредом его больной фантазии. Увы! Платон мне друг, но истина, которая превышает Платона, гласит, что в отрыве от религии философия сама по себе, содомия и тирания неразделимы. Да и психоанализ, постмодернизм, завершившие еврофилософию НАТО, некрософией и транссексуальным беспределом, вещи более чем убедительные в мире сем. Но ученый академизм в упор не видит этих фактов.

Платон и Ленин — два уникальнейших человека во всей истории человечества. Их можно назвать гениями (или пророками? или даже апостолами?) сознательности. Дело в том, что их мысли, их дух, идеи питались не содержанием бессознательного, а исключительно сознательными мотивами, стимулами и смыслами. Но чем именно питалось их сознание, которое оказало такое влияние на человечество? Чем детерминировалось их сознание? Отчасти Богом, отчасти демонами, отчасти человеком, но в основном оно определялось чем-то абсолютно неизвестным, не попавшим пока ни в какие рубрики аналитиков. Видимо, они владели какими-то особыми тайнами фаллоса?!

Взываю с личным прошением к Платону, находящемуся, видимо, все же в мире света вечного, дабы высветить его тайну смысловую. А, Платон! Твой ученик лукавый сказал, что Платон друг, но истина ещё больший друг. Правда, он не сказал, в чем же именно он узрел истину, опровергающую твою фаллологию? В совокуплении космического ума с самим собой? В космической ноосодомии? И хотя ты мне и не друг, но истина и мне дорога. И я не стану искать её без тебя, ибо если уж сам Платон искал-искал и нашел истину в фаллологии, то где могут искать её философы не-платоны? Ну, так скажи, царь философов, как стать настоящим философом? Неужели и вправду быть настоящим философом без «мальчиков» никак нельзя? Неужели душа

обретет крылья только у человека, искренне возлюбившего мудрость или «сочетавшего любовь к ней с влюбленностью в юношей»?¹⁴⁵ Без мальчиков одна софистика получится. Так, что ли? Почему же после тебя не было философов, равных тебе в мудрости? Как же быть, нам горемычным, ну, никак не приемлющим мальчиков и фаллологию, хотя Диотиму (богочтимую), твоего и Сократа наставницу, я принимаю, ибо жрица не могла учить вас фаллологическим иероглифам философии!

7. Кто продвигает философскую патологию в России?

Свое завершение на данное время патологизм философии нашел в опусе «Кто сегодня делает философию в России?» (Т.1, М., 2007, Изд-во «Поколение»; Т. 2. М., 2011, Изд-во «Аграф») под редакцией демона-стажера А. Нилогова, который изо всех сил стремится быть выразителем предпоследнего мрака Преисподней. Опус сделан мастерски и в плане полиграфии, и в плане провокации, и в плане запуска самых хитроумных технологий, призванных сокрушить ум, души, сознание и речь людей. Важно руками порядочных и ничего не ведающих людей протолкнуть грязь инфермальную во все оставшиеся еще чистыми философские и культурные смыслы. А. Нилогов, следуя закону тридцати евробренников, сделал невольными сообщниками инферального античеловеческого проекта большое число тружеников мысли и культуры, которые, зная-не зная, в единый миг стали слугами Сверхничто.

Книга-симулякр построена как собрание интервью и манифестов современных российских философов. Мы не будем касаться такой «мелочи», как то, что книга является оголтелым пасквилем на русский народ, на его культуру, уклад жизни, даже на его географию, хотя местами этот пасквиль сдобрен признаниями в любви к Отечеству. Мы не будем касаться отдельных фактов тюремной грубости и ругани; например, культурнейший человек, Гейдар Джемаль, обзывает В. И. Ленина и Э. В. Ильенкова «философскими отморозками»,¹⁴⁶ хотя эти выдающиеся люди не раз жизнью своей рисковали, конечно, не для того, чтобы он смог безнаказанно изрыгать на них свою хулу бесстыжую. Мы не будем касаться принципа отбора философов, ибо главная цель книги не в том, чтобы дать высказаться творческим людям, а в том, чтобы неведомо и помимо воли вовлечь этих людей в инферальный проект, о

котором они и не подозревают. Если бы философы, собранные в этой книге узнали, с каким персонажем они соседствуют, то они все бы отказались от малейшего сотрудничества с составителем. А так их всех «освятили» черной благодатью грязных вод Преисподней!

В собственном смысле книга-симулякр составлена для рекламы патолого-монстра А. А. Азсакра, живущего в Магнитогорске. Азсакра (Заратустра — то-ли его псевдоним, то-ли его вторая фамилия, то-ли глумление над читателями) презентует себя как индоевропейского философа, как практика «экстремальной философии», как поэта-мистика, как автора доктрины Ничто к Власти и Пустоты к Господству.

В оглавлении книги «Кто сегодня делает философию в России», Азсакра — первый персонаж, а на обложке книги он — последний. Это должно означать, что Азсакра Заратустра — «первый и последний»! Вот только в чем «первый» и «последний», ибо ничто и пустота не знают ни «первых», ни «вторых», ни «последних»!

Бредопатологию А. А. Азсакра нельзя излагать русским языком в силу нецензурных выражений и прямой матерщины, хотя и безумием ее тоже нельзя назвать. Но все же нужно сообщить мыслящим существам о монстре, который живет среди них, соблазняя их стать грязью глубин Преисподней. Мефистофель и Воланд, думаю, от зависти перед этим монстром забились в свои тайные inferнальные щели.

Интригует и то, что на этого «философа» обратили пристальное и заинтересованное внимание самые различные зарубежные творческие сообщества, университеты, культурные и денежные фонды, хотя за ними чувствуется мощная конспирологическая структура. «Раскрутили» его как некую суперзвезду, обеспечив ему известность во всем мире!

Какой же свет несет эта «звезда»?

Формально А. А. Азсакра отталкивается от «Веселой науки» Ф. Ницше, доводя ее веселость до inferнальных глубин самой глубины. Базовым «термином» трупоречия нашего «мыслителя» является новояз «Воля к Сверхничто». Обычно логика бы сказала, что два «ни» дают одно «да», но в данном случае работает не логика, а чудовищная наглость и уверенность в безнаказанности за свои беспредельные кощунства.

Наш черный пророк выпустил тысячестраничную Книгу Книг «Библия Ничто, Библия Пустоты»; он убежден, что его книга превосходит все известные и неизвестные Святые Писания, грозя

человечеству абсолютным разрывом Духа, полным у-Ничто!-жением и ис-Пусто!-шением его сознания, ума, души и речи. Останутся лишь царственные тезисы, но только для Царственных (значит, Сверхчеловек без человека уже есть!). Ничто и пустота, действуя посредством Интернета, станут Сверхинтернетом Сверхчеловека без человека! Книга огромными тиражами прокатилась по миру, включая и Россию. Пустотная Книга Книг специально переиздана в стиле древних пророческих книг, расшитых жемчужными и золотыми нитями. Есть русско-индийский философский Проект «ЭКСПЕРИМЕНТ», призванный воссоздать через древние Ритуалы и Инициации нового Сверхчеловека. Создан Философский Фонд Azsacra Zarathustra. Отныне и вовеки все права на издание Философии Сверх принадлежат только арийской Индии. Фонд Азсакра располагается в легендарном городе Prayag — сакральном центре Индуизма. С 2007 года в Индии лучшим поэтам всего мира присуждается знаковая награда — AZSACRA AWARD, которая, конечно, призывает бороться за идеи Вед и Упанишад в современном мире «симулякров». Индийская Награда имени Азсакра (Azsacra International Poetry Award for Taj Mahal Review) с 2011 года расценивает в Дели как рекомендация к выдвижению претендентов от Индии на Нобелевскую премию (Azsacra — СверхЧеловек, но и ему не чуждо человеческое тщеславие. Ценность Нобеля все же превышает ценность его сверхчеловеческого учения! Да и свою Книгу Книг он все же назвал давно им преодоленным именем «Библии! Ну и хлестаковствующие землянички!). Хотя, думаю, наш сверхгений согласился бы и на Шнобелевскую премию!

Не осталась без внимания А. А. Азсакра и наука: наш СверхЧеловек, шутя, сотворил «Над-Вне-науку будущего — Махтноуменологию», которая вычеркнет из бытия человека, ибо «Сверх рождается для Сверх и ни для чего более!». Хотя неизвестно, зачем нужна Сверх какая-либо наука, заранее стоящая ниже Сверх и отвергающая всякие Сверх?

А. А. Азсакра существо-уникум: его жалят, кусают ядовитые пауки и змеи, он режет, прокалывает себя ножами, его бьют молотами, головой он прошибает стены, попирает все нормы, считая их опасными извращениями, сжигает свои же книги (правда, не все, ибо часть выставляется на продажу в Интернете!), все время ищет внечеловеческие состояния, мастер, император смерти (титул сворован у дьявола!), игрок со смертью, но всегда выходит живым, невредимым,

сухим, чистым и с деньгами на новые СверхКниги! Вправе, некое неизвестное божество или же великий шоумен самого владыки Преисподней! Хотя не нужно лишать его возможности стать античеловеком, неведомым синтезом человека и зверя!

Но странное дело! Наш «мыслитель» вопреки своей черной совести проповедует культ немыслия, которое только и позволяет полноценно вкушать блюда ничто и пустоты! А зачем же ему традиционная философия? И что он имеет в виду, говоря о философии?

Во втором томе, в разделе «Философские Беседы»; «Так говорит русский Заратустра», А. А. Азсакра вещает, что философия должна проводить «крайние и наиболее разрушительные мета-опыты над собственным телом и разумом, чтобы затем, именно после смерти, продолжить испытывать само «отсутствие тела» и «небытие разума».147 Но если нет тела и разума, то кто и над чем будет проводить опыты в пустоте и в ничто?

Традиционно этим занимались демоны и бесы, проводя опыты над людьми, чтобы занять все же тела и разум. А. А. Азсакра решил пособить своим братьям по мраку, заявляя, что «примитивное безумие человека сменится безумием Бога». Также нужно избавиться от людей, в первую очередь от философов и авторов книг: «Сжечь все книги и расстрелять всех авторов». 148 Было и такое в истории, когда Пол Пот в Кампучии почти выполнил эту программу; но вот потом пришлось давать откат назад! Философам предлагается более возвышенный исход. Поскольку опасность — исходное условие философии, и без преступления нет мысли, то «каждый философский трактат должен издаваться на пропитанных ядом листах», а в обложках, видимо, должны закладываться бомбы с сенсорными датчиками. Поэтому «философия/маниасофия — это вечное право мыслящего на Смерть с большой буквы. ... Философия должна потребовать для себя только одного — Расстрела! — что и должно совпасть с Logos-искомой истиной Абсолютного разрыва духа»,149 хотя неясно, что означает эта большая буква? Человек умирает, человека убивают, человек сам убивает себя. Какой именно смерти подобает большая буква. Например. «Будда будирует буддосочно и мудронирванно только тогда, когда все части его, включая три световых тела и сами формы «мысли в немыслии» навсегда и жестко ис-Пусто!-шены... Безжалостно у-ничто!-жены» (23). И А. А. Азсакра заявляет: «Я верю в мужество трупов больше,

чем в «героизм» бессмертной души» (28).¹⁵⁰ Ну, так кто мешает ему достичь вершин трупомужества?

Как ни странно, но А. А. Азсакра после абсолютного отрицания бытия, человека, мысли, находит свой идеал в фаллоκραтии, видя в ней Великий Культ Тела. И здесь он не сдерживает себя в выражениях. Например: «богоху...ствоз есть х..ебегство в богобл..дство. При виде прекрасного х..я даже нирвана плакала и называла себя пленом».¹⁵¹ И т. п. Увы, и эта сверхгрязь тоже хочет приобщиться, ладно, к философии, которая повидала всякое, но и к духу самой жизни!

А зачем императору смерти генитально-оральные органы, посредством которых он пытается внушать легковерным некую «философию»? Тот факт, что величайший маг не может обойтись в своей мудрости без манипуляция с половыми органами человека, свидетельствует о том, что в этой сфере у него самого большое ничто и великая пустота! Было и это в истории! Опыты Платона, маркиза де Сада, К. Юнга, постмодернистов показали, что это путь из ниоткуда в никуда, где даже фокусы его магические некому будет оценить.

Поразительно, хотя и не очень то, как совершенно необразованные и беспредельно наглые люди, набрав хилых лошадемок по имени «Ничто» и «Пустота», ползают на них, называя эту мимикрию бега философией! Парменид давным-давно эту философскую проказу излечил, изгнав ее носителей в пещеру Ничто! Ничто и пустота — это негативы, тени, импотенты бытия и реальности; и реальное может без них обойтись и обходится, а вот они без реальности даже не имеют иллюзорного присутствия. Поэтому они проявляют бесовскую активность, искажая все вокруг, чтобы хотя бы к чему-либо прилепится, показать свою необходимость Зря! Конечно, с точки зрения ничто, пустоты и смерти все существующее нелепо, бессмысленно, неправильно, ибо оно верит в бытие и борется за него. Конечно, с точки зрения ничто и смерти негативные явления теряют свою силу и негативность. Смерть не страшна мертвому, огонь не страшен для сгоревшему; в этом плане ничто, пустота и смерть обозначают самоотрицающие, суицидные демонические вирусы. И если люди увлекаются пустотой, ничто, смертью, значит, жизнь в них ставит свой последний спектакль, или же они не были живыми существами, а были лишь симулякрами жизни, не ведающие об идеальных благах вечности,

---

³ Автор не может цитировать без купюр такие мерзостные знаки.

сжигающей всякое ничто, заполняющей пустоту смыслами, заменяющей смерть преобразованием. Мертвые проповедуют ничто и смерть, но зачем же живые слушают этот маразм! Зачем СМИ устраивают вокруг них идолослужение и пляски бесов? Наивные вопросы в наше время Великого Мрака!

И вообще, зачем таким магам и волшебникам мрака нужны эти жалкие люди со своими маленькими проблемами, решая которые они продолжают Великую Жизнь, в которой Дух Божий строит свои храмы. А ведь эти ничтожные люди кормят, одевают, лечат «гигантов немыслия», рожают для них учеников, создают им новые смыслы, которыми питается их черное безумие. Ф. Ницше высмеивал, презирал, третировал последних людей, а ведь они-то продлили ему жизнь в больнице на одиннадцать лет, снабжая всем необходимым.

Преисподняя посылает азсакров по мере сгущения мрака на земле и в человеческих душах. Но философия должна всегда быть предельно бдительной, чтобы подобные слуги мрака не могли использовать ее для сокрытия изначального света мудрости.

А. С. Нилогов, автор-составитель сборника о русских философах, тоже принес свою суму мусора в костер современного инфернального блудодействия и смыслопатологии. Придумал философию антиязыка, но именоваться Антинилоговым Антиалексеем Антисергеевичем не желает, чем серьезно подрывает репутацию своего проекта. Зато какие перспективы рисует его азсакровское воображение: Вот проект инфернального философствования, извините, «чешежопицы!», предлагаемого безусым фашиствующим сверхчеловеком: «Если суммировать все чаяния будущей философии, то их можно свести к следующим проблематизациям: революция в философии права, связанная с деконструкцией уголовного законодательства; критика таких разумов, как интенциональный, политкорректный и толерантный — например, апология ГУЛага и холокоста; эмансипация педофилии и других сексуальностей, которые помечены печатью девиации и перверсии; пропаганда экстремистских дискурсов философствования наподобие порнографического, проявляющегося в широком спектре развращающих техник; феноменологизация аутизма, бесовства, одержимости, юродства и прочих форм неодомащенного безумия и измененных состояний сознания; масштабная распатологизация остаточных дискриминаций;... проектирование (вне)очередных форм ложного сознания;

максимализация философского потенциала для манипулирования массовым сознанием; криминализация философского насилия в виде дисциплинарной философской чешежопицы;... фашизация интеллекта; радикальная концептуализация солипсизма; фундаментальная онтологизация времени и небытия; языказация дьявословия»¹⁵².

Ну, допустим, что философия выполнит поставленные перед ней inferнальные и патологические задачи. Допустим, что Холокост, ГУЛаг, педофилия, порнография, разврат, безумие, бесовство, фашизация, дьявословие станут универсальными ценностями нового мира! Что это будет за мир, и кто в нем будет править бал! Опоздала нилоговщина, ибо этот мир уже давным-давно хорошо известен христианству, которое и вынесло ему свой приговор. Этот мир сегодня уже резвится, но уже и сегодня он ищет для себя смерть (с большой буквы). Однако находит ничто, пустоту, постмодернизм и Азсакру, не зная, зачем они ему нужны и что с ними делать. Ничто и Пустота не знают, не страдают, не существуют, а вот люди, одевшие на себя их маски, претендуют на высшую мудрость палачей в предвкушении великой крови, без которой слуги Ничто пойдут на лесоповал!

Философия сегодня уже реализовала весь свой патологический потенциал, растеряв в нем не только идеи, смыслы, мудрость, но и свой исходный возвышенный эротизм вместе с его генитально-оральным снаряжением. И даже вновь воскресшие Сократ и Платон не спасли бы философию от ее патологической кары. Философия была, есть и останется навсегда софиологией, софийной метафизикой, которая служит первой ступенью на пути к божественной истине, приготавливая их к восприятию откровений мудрости.

И все же мы философию не отдадим на растерзание половым маньякам. Отличные врачи-мастера проводили опыты над людьми в фашистских концлагерях; но из этого изуверства не следует, что нужно отказаться от врачей и врачевания. Нужно отсеять злоупотребление мастерством и знаниями. Поэтому даже философию Платона нужно защитить от самого Платона и платонизма, которые изменяли ее высокой и священной миссии. Термины «идея», «идеальное», «идеал», «благо» стали постоянными конструктивными силами всего человечества вопреки половым перверсиям античных постмодернистов.

Но уроки нужно извлечь самые серьезные. Философия сможет сохранить свою величественную и благородную мудрость, свои уникальные знания только в составе и в контексте софийной

метафизики и креативной Софии-мудрости, только в качестве их уполномоченного и ответственного лица, знающего и страх перед Господом за свои отступления от идеального и свои преступления перед ним. София-мудрость спасет философию и философов от изоциренной и коварной блудологии сынов погибели.

В прекрасной книге В. А. Кутырева «Бытие или ничто» дан блестящий отпор всем симулякрам ничто: космическим, искусственным, биотехническим, гендерным, виртуальным, когнитивным, трансгуманным, интеллагентным, технологентным. Все они суть паразитические и вампирические реалии, которые не стоит даже разбирать, а лишь встряхнуть с крепких идеальных сил бытия. Самое страшное для этих якобы вечных симулякров — это их победа, которая их же и прикончит. Они бытию не нужны, а вот они без бытия не нужны даже себе, растворяясь в битах прибитых и недобитых бесов.¹⁵³ Странно только то, каким образом Хайдеггер и Сартр сумели выковырять из Ничто то, что само ничто ни за что никому не отдаст просто потому, что оно ничего не имеет, стоя в очереди за философским пособием!

Ничто — это метафизическое прикрытие патологии и паразитизма — известных и неизвестных. Например, тифозная вошь, бледная спиротеха — это вроде-де бытие, но фактом своей паразитической зависимости от организмов, они суть ничто, что проявляется как в случае его выздоровления, так и в случае отказа организма от бытия. Вместе с лекарством и вместе с организмом исчезает это мнимое бытие.

«Философия ничто» за всю историю человечества не выдвинула ни одной новой мысли, ни одного нового образа, слова, смысла, питаюсь перестановкой и критикой других идей, что явно говорит о ее зависимости от «другого», о том, что нет у нее своего предметного или хотя бы хаотического, ну, или хотя бы призрачного оригинала. В распрях бытия и ничто кто-то явно лишней: сказав «ничто есть», мы делаем излишним «ничто», наделяя его тем, чего у него нет, т. е. бытием; сказав, что «ничто нет», мы из двух двух близнецов братьев утверждаем одно «бытие», делая ненужным «ничто» и «нет». Проще: сказав, что «ничто есть», мы делаем ненужным слово «есть», а, сказав «ничто нет», мы делаем излишним слово нет.

Парменид прав и его до сих пор никто не опроверг. Ничто (небытия) нет; и, даже допустив его наличие, оно само тут же свершит акт диалектического суицида. Ничто слепо, не выразимо в слове и в

мысли, ибо обретя выражение, оно обретет с ним и гибель, самоотрицание. Для Платона «небытие само по себе ни произнести правильно невозможно, ни выразить его, ни мыслить и что оно непостижимо, необъяснимо, невыразимо и лишено смысла».154 Как есть ядовитые, опасные для человека растения, животные, насекомые, рыбы, стихии, так есть опасные и неприемлемые ни под каким предлогом и симулякры мысли. Первое место среди них занимает квазимысль, лингвистический инвалид «ничто». Ничто невозможно даже в качестве абстракции, ибо наивздорнейшая абстракция все же считает себя чем-то, не желая стать ничто. Никакие смеси ничто с бытием не только логически, но даже в безумии, которое тоже следит за тем, чтобы в его мир не прокрались симулянты.

Все онтологическое, гносеологическое, методологическое, антропологическое, нигилистическое «добро» ничто присуще бытию; да нет и ни одной проблемы, решение которой невозможно без этого термина-бродяги. Ничто говорит: «Все возникает из ничто и в ничто исчезает!». Хорошо, а из чего тогда ничто появляется? И зачем оно появляется? Какова его истинная роль и функция? И где существует ничто? Где место его обитания?

Ф. Шеллинг назвал ничто крестом для разума, ибо в нем разум непрерывно умирая, воскрешается и, постоянно воскрешаясь, снова погибает.155 Только ничто — это не крест для разума (только для протестантов ничто есть (!) крест!), а наоборот — крест служит определителем бытия, связывая его с вечностью; в то же время крест есть и возмездие бытия, неуловимый мститель и гонитель ничто, лишаящий его всех надежд на паразитическое существование. Крест — это и возмездие ничто самому себе, возмездие самому возмездию, диалектическое и сакральное отрицание отрицаний самого возмездия. Возмездие ищет ничто и его ничто-жащих слуг, дабы свершить над ними свое возмездие и возмездие над самим собой! Крест — это бытие в светлом пределе вечности, а ничто — это частица («не», «ни»...) как предел, как минимум бытия.

Идеологи паразитизма создали изощренные нигилистические и психоаналитические технологии, позволяющие посредством ничто и связанного с ним страха смерти отсекай идеальные силы человека от высших целей вечности, направляя их в сферу бессознательных влечений накопительства, гедонизма и агрессии, делая их уже жертвами паразитизма посмертных психоидов.

Вселенская шумиха и возня, поднятые вокруг ничто, обусловлены стремлением лукавого увековечить свою паразитическую власть. Все «философы ничто» — дикие, неграмотные существа, обладающие, однако, базарной наглостью и проницательностью. Попробуйте, не зная ничего определенного ни в одной области, стать величайшим философом! Ницше доказал, что сегодня это возможно и по открытому им пути хлынул поток «полу-образованцев», которые из ничего плодят, нет, не мысли, а интеллектуальных иждивенцев, паразитов и уродов всех мастей! Странно, что до сих пор их не заметил комитет по шнобелевским премиям!

Нигилизм и ничто-лизм просочились и в христианство через формулу «ex nihilo». Но эта формула несостоятельна внутренне. Спрашивается: «Ex nihilo» было всегда или оно все же когда-то возникло из чего-то наличного, а не из ничего?». Но это лингвистическая мелочь. Бог, вечность, мудрость, замысел и воля Его, способность к творчеству были всегда? Были, есть и останутся! Как же понимать тогда заявления, что Творец создал мир из ничего? Не логичней ли принять, что мир создан Богом из своей вечной сущности, на основе своей мудрости по законам своей воли и при отсутствии внешних условий творения? Ересь? Или частное мнение частного лица, ищущего общий смысл священной истины?

В формуле «Ex nihilo» скрывается основной вопрос демонологии: «Почему одно бытие живет за счет своих ресурсов и усилий, обладает самостоятельным, автономным статусом, а другой «икс», имитируя бытие, пожирает, питается жизнью остальной реальности?». Понятно, кто заинтересован в том, чтобы представить ничто (и смерть!) в качестве законных и необходимых реалий мира и человека! Вор не только ворует, но и пытается доказать, что это жизнь его довела до такого состояния, и что вообще нормальные люди воруют, а работают одни «недочеловеки»: без такой идеологии его ремесло рухнет, ибо люди резонно возьмут дубины и скажут уцелевшим ворами, что это и их жизнь довела до таких акций. Поэтому как воровство отвергается с порога, так христианство отвергает всякие исследования и оправдания ничто и смерти, дожидаясь времен, когда они сами исчерпают свои времена.

Ничто (как и его подруга — смерть) — это не самостоятельные и не полноценные силы, а тем более — не реалии, а части (язык правильно видит в «ничто» не отдельные части речи, а

частицы «ни» и «не», прилепившиеся к бытию и жизни; да и в с-мерти!»! язык тоже видит всего лишь союз, микрочастицу «с», которая, подобно трудноизлечимому гнойнику, впиалась в живое, существуя им и в нем). Но эти части, подобно теням, настолько агрессивны и предприимчивы, что они заслоняют собой целое, выступают как целое, даже заменяя собой целое. Смерть, скажем, есть частица неведомой нам целостности, которая в известном облике предстает как «жизнь»; но смерть — это не часть или дополнение жизни, а часть неведомого и временного мира, о котором нам в жизни не суждено, да и не нужно знать. Ничто является служебной частицей бытия, ума и языка; в философии эта частица иногда впадает в безумие, полагая себя целым, а бытие — частицей.

И это безумие частицы — не безобидная, а крайне опасная вещь при условии ее недооценки. Пуля — это ничто, не нашедшее пока живого; удочка — это ничто непойманного пока карася; невежество в сочетании с неверием — это ничто пока не осознавшего себя человека. Ничто — это свидетельство и предупреждение Софии-мудрости о том, что без служения идеальному человек не может сохранить свой оригинал. В этом плане определенная польза от «ничто» есть, ибо сама его претензия на бытие требует от человека держать себя в форме и в норме, соблюдать меру во всем, служить своему оригиналу в идеальном мире Сущего, иначе у человека вместо оригинала останется копия сомнительного свойства, негатив без проявления.

Все необходимое для блага человека знание о ничто, о небытии и смерти содержится в христианстве и в других мировых религиях. Вне религиозного и сакрального контекста обсуждение вопросов «ничто», «небытия», «смерти» ведет к самозапутыванию, к самоудушению, к обесмысливанию и к самооскоплению мысли. Кант иронично заметил, что обсуждение вопросов ничто и небытия напоминает любовь слепых в крапиве. Гигиеничные американцы поступили проще, издав в 1974 году «Книгу Ничто», состоящую исключительно из чистых страниц. Любители могут читать эту книгу и выдвигать самые невообразимые точки зрения на ничто до тех пор, пока они сами не станут ничто — частицей другого бытия.

Ничто — это символ патологии и паразитизма на идеальных силах Бога, мира и человека. И этот символ метафизика в определенные времена использует в качестве орудия возмездия, помещая его в философию и зазывая на его черный пир поклонников мальчиков Эроса

и черных квадратов Танатоса. Но ничто не только символ, но и сама патология, которая пытается целиком подчинить себе философию по мере удаления и забвения ею своего сакрального и реального Отечества.

И Спаситель своей крестной мистерией лишил эти частицы мнимой целостности, разоблачил их онтологический и сакральный паразитизм: осталось лишь вслед за Софией Премудростью Божьей понять и признать этот факт, сделать его целительной, спасительной и созидательной силой сознания, ума, души и языка человека в его внутренней и внешней реальности. Через стремление к софийному ведению человек может обрести «по благодати» истины, составляющие суть и природу мудрости Софии. Одолевая ничто во всех его паразитических ухищрениях, София выявляет Идеальность вечности в качестве внутренней слитности бытия и сознания (ума, души, слова). Чистая Идеальность представляет Сознание, Ум, Слово и Душу так, как они есть сами по себе, в их свободе от всех феноменальных и служебных функций. Такая Идеальность и есть непреходящее Бытие, ибо быть, значит сознать, думать, переживать, внутренне ословеснивать то, что ты есть, наличествуешь, о чем свидетельствуют твои идеальные полпреды. Реализация человеком своей идеальной «материи» переводит его в состояние неуничтожимого блаженства и радости, поскольку это состояние находится не только за пределами интересов мира, но и за пределами рабочих мест мысли, сознания, ума и языка в сфере их первоисточника — Молчания, Тишины, Вечности. В этом состоянии «Я» достигает тождества с самим собой, присутствуя во всем, ничего не отрицая, но и ничему не покоряясь, свободно отдавая себя в распоряжение идеальных ратей Любви Спасителя. Ничто — это отсутствие любви, которая только и сохраняет оригиналы жизни, связывая их своими узами с Сущим. А ничто не может связать самого себя даже с самим собой, ибо оно отрицает всякие связи, пороча честь и достоинство даже гейских ценностей.

Нужна была мудрость, любовь, опыт, мужество и кротость бессмертной Личности Спасителя, который сознательно допустил реальности смерть (ничто), чтобы проверить качество этой реальности крестной смертью своей. И оказалось, что ничто действительно ничто, что смерть действительно смертна, что их действительно нет, а есть глубоко-глубоко скрытое бытие радости, блаженства, ради которых был сотворен мир и человек. Перед неведомой, ожидаемой и неведомой для нас мистерией Воскрешения ничто (смерть), вопреки всем кошмарам,

которые они принесли в мир, станут всего лишь феноменами памяти людской и вечной.

Да и со своей пустотой и ничто философская патология не умеет обращаться. Даже даосизм мыслит о них монологически, а здесь требуется не монологика, даже не диалектика, а триалектика, в которой всегда имеет две формы-формулы взаимодействия противоположностей. Исходной являются формулы: «Вещи — Пустота — Вещи», «Вещи — Ничто — Вещи». Это означает, что вещи содержат в себе пустоту, т. е. невещественную субстанцию и ничто — отсутствие (отрицание) других вещей, претендующих на их место. Производными являются формулы: «Пустота — Вещи — Пустота» и «Ничто — Вещи — Ничто». Эти формулы гласят, что пустота и ничто содержат в себе все многообразие вещей, которые служат средством проявления и наличия пустоты и ничто, что абсурдно, ибо пустота и ничто производны от вещей. Если нам важны вещи, то присущая им пустота нас интересует лишь в меру их природы. Если же нам нужны сосуды для жидкостей, сыпучих материалов, то для нас важны пустота и ничто, но ограниченные их стенками, в которых не должно быть трещин. Но не жидкость и сыпучесть существуют для сосудов, а сосуды для жидкостей и сыпучих материалов. Помещения существуют для людей и вещей, а не вещи и люди — для помещений! Нельзя все же дырку от бублика считать причиной бублиака! Если речь идет о вещах и людях, то присущее им в рамках их норм ничто в виде аномалий, уродств, отклонений, мы тоже принимаем вместе с нормой, понимая, что оригиналы их идеальные нам недоступны. Если же речь идет о сломанных, поврежденных, разрушенных вещах, о людях, с ограниченными возможностями, т. е. о реалиях, в которых доминирует ничто (отрицание), то мы отрицаем это ничто, ищем средства его уничтожения, чтобы помочь пострадавшим от ничто. Патологию человечество не признает, а выправляет, преобразует, конечно, в пределах своих возможностей. Но видеть в пустоте и в ничто автономные онтологические реалии могут лишь инфернальные и патологические инфузории. Пустота и ничто — свойства (модусы) субстанции, завися от ее творящих сил и энергий; субстанции же создают пустоту и ничто, используя их в качестве орудий своих созидательных — идеальных — оригиналов.

А София философского знания спокойна, ибо ей ведомо, что тени исчезают в полдень, заново возникая по мере удаления человека от идеальности, в которой всегда горит ровный свет мысли, сознания, души и языка оригиналов Сущего. Поэтому только в контексте софийности, ориентирующей познание на мир оригиналов, преодолевается патологизм философии, порожденный ее отделением от целостной духовной жизни и превращением в самостоятельное учение, в особую инстанцию, стоящую выше наук, религии, нравственности, вообще, стоящей выше самой жизни, оценивающей и судящей ее известно-неизвестную и таинственную конкретность своими абстрактными и недоказуемыми гипотезами. И только софийный контекст изгоняет Эрота, слепого демона блуда с его безумными андрогинами, на его законное содомистское место в Аиде. Философии достаточно вдохновения от истин небесного света, указующих пути в идеальный мир Золотого Века. Изначально любовь, Эрот и философия вовсе не связаны; у Пифагора, Гераклита, элеатов, Аристотеля Эрот вообще не играет никакой роли, хотя любовь признается во всей полноте своих сил. А, «как таковая, тема эротического вдохновения будет впервые введена в философию только Платоном»¹⁵⁶, греком, который уже до философии был одержимым бесом блуда, которого он преискуснейшим образом навязал всему человечеству в качестве друга и вдохновителя философии. Поэтому нужно оставить Эроту эротову слепоту инфернальную, а философии — небесную чистоту идеальную.¹⁵⁷

Философию спасала и может спасти только софийная метафизика, религия и хозяйственная мудрость; именно эти сферы духовного творчества превращают философию в полезную служанку при исследовании невидимых миров, невидимых трансцендентных реалий, сакральных смыслов бытия, в том числе — и инфернальных реалий падшего Эроса и падшей власти. Философия должна участвовать вместе с ними в осуществлении миротворного божественного проекта — «изгнания ничто из Бытия» к самому себе. Философия может спасти себя, лишь став служанкой софийного просветления и просвещения разума — метаразумом, сознания — метасознанием, души — метадушой, языка — метаязыком. Философия должна возвратиться в Отчий Дом своей метасофии, в котором её уже заждались. Только религии сохраняют смысл Софии, сделав семью носителем мудрости, благочестия, основным институтом, спасающим людей от фаллологии,

идолологии, содомии и свального греха. Не может быть мудрости вне и без семьи. Философия хозяйства, софиология, метафизика как части религии тоже спасают головы и фаллосы человека от легионов князя тьмы. Наибольшая опасность для человека таится в половых извращениях, которые гибель рода человеческого превращают в террор, находя в последнем высшие наслаждения.¹⁵⁸ Так, «сексуальная революция, которая давно уже действует отнюдь не только «пермиссивно», но и агрессивно, развязывая моральный террор, который, похоже, превзойдёт все кошмары лицемерия, ханжества и «прюдства» былых времен — по общему закону, по которому революционный террор эффективнее, нежели старорежимный».¹⁵⁹ И этот террор уже стал не только моральным, но и реальным.

IV. Философия и возмездие

Идеальное является смысловой онтологией и созидающей субстанцией оригиналов миров, вещей, людей, идей; именно потому оригиналы первичны, им присуща творческая автономия, они превосходят копии своим сакральным со-вершен-нством и продуктивной самодостаточностью. После встречи с идеальностью любая реалья может стать только органом, душой, телом, словом этой идеальности, ибо все иные пути и возможности реализации автоматически закрываются смыслами вечности. Именно в идеальном работает «перводвигатель» творческого претворения ничто в бытие. Оригиналы победили и побеждают ничто, превращая его в смысловые энергии своих проектов. Не нужно забывать, что источник высших ценностей человечества, Бог — не материальное, а идеальное существо, Личность, «состоящая» из идеальных сил и энергий. Премудрость, мощь, любовь, милосердие, всевозможность Бога «обусловлены» именно его идеальностью, которая в материальном плане проявляется, прежде всего, как теофания света. Вообще, сакральное, божественное, идеальное суть слова-синонимы. А вот дьявол и бесы состоят только из сворованной материи, хотя очень тонкой и незримой; поэтому в них нет

света, и они готовы променять все свои привилегии на душу самого последнего мерзавца, самой переупитанной и невоспитанной олигарши, чтобы приобщиться к идеальности Бога, который отлучил их от этого высшего блага, оставив им преизобилие материи и виртуальности, которые могут лишь копировать идеальное. И даже именование их падшими «духами» неверно, ибо дух идеален, а идеальное не может быть падшим. Они не просто падшие духи, а пропавшие мухи.

Не нужно забывать, что идеальное служит субстанцией наивысшей и наисовершеннейшей реальности — вечности. В науках, в искусстве, в делах, в быту человек, не задумываясь, гудит: «В идеале, по идее... дела должны идти так-то и так-то!», признавая тем самым высшую мудрость за идеальностью, которая служит экспериментальной лабораторией, где творятся, изобретаются, испытываются перед запуском в мир причины, законы, формы, функции, действия, материя и знания... В идеальном и посредством идеального создаются и обновляются оригиналы мира, вещей, людей...

Нужно помнить, что и в человеке есть крупица идеальности, роднящая его с высшим миром! Да и не человек мыслит об идеальном, не человеку присуще идеальное, а идеальное становится в человеке мыслью, идеальному присущ человек как его личностная сущность, личностный оригинал. Мифы, сказки, легенды, предания создают волшебные, магические миры, в которых главной действующей силой является идеальность в виде мудрости, которая делает возможным «все благое» и невозможной победу «злого». Идеальное — это движущая и творящая сила невозможного «ДА!» на его пути к победе над возможным «Нет!». Нет, идеальное — это не просто слово, не просто реальность; идеальное больше любого слова и любой реалии; идеальное в самом Боге превышает Бога самого, потому Он и все может — воскресить, исцелить, помиловать, спасти, преобразить мрак в свет! И самое страшное для человека — отлучение от этой идеальной субстанции; лучше тогда не родиться, лучше тогда не быть даже ничем!

Идеальное — сущностный элемент русскости, которая наиболее полно проявляет себя именно в свершении невозможного, ибо делать возможное для нее неинтересно и скучно. И нужно постоянно работать над осознанием этой всепобеждающей силы, которую понимали Александр Невский, Дмитрий Донской, Сергей Радонежский, А. В. Суворов, М. В. Ломоносов, Андрей Рублев, Г. К. Жуков и много

других известных и безымянных служителей русской идеальной силы, превращая с ее помощью невозможное в реальность.

Несмотря на исключительную значимость идеального, оно остается и поныне *terra incognita*. И, видимо, в этом есть своя провиденциальная правда: идеальное должно оставаться тайной, чтобы плодотворно работать на благо самого блага; если же его загадка будет кем-либо приоткрыта сверх меры, оно уйдет на нелегальное положение и мироздание лишится не только своего смысла, но и своей творящей, спасительной силы. Так же обстоят дела и с жизнью: живое — *это не механизм и не организм, а загадка*: не знаем разгадки, жизнь трудится, а вместе с разгадкой ее загадки исчезает и сам живой организм этой загадки. Познание идеального возможно не для людей, а лишь для его доверенного лица — Софии Премудрости Божьей; но неопределимость Софии доказывает, что и она не знает последней тайны идеального. Человеку же достаточно знать лишь то, что идеальное суть наивысшая ценность, мудрость и «перводвигатель» любого события и содержания, а потому во всем нужно следовать закону идеальности, стремится самому стать идеальным существом — всезнающим, всепонимающим, милосердным и скрыто любящим бытие и всех его обитателей. Даже дьявола и бесов идеальное жалеет, думая про себя: «Ну когда же вы свой ум примените конструктивно, забыв о деконструкции вместе с Деррида!». Остальное приложится само собой, ибо благо-дар-ность — неотъемлемое качество идеального. Не нужно печалиться закрытостью и своеволием идеального, ибо не мы его, а оно нас познает, открывает, наставляет, определяет, вдохновляет, очаровывает, благословляет в той мере, насколько это нужно для исполнения нами своих сакральных должностей.

Идеальное содержит тип общества, противоположного материальной цивилизации, рассыпающейся сегодня не по дням, а по часам, ибо материя конечна, а бесконечность присуща лишь идеальному. Речь идет не о каком-то немислимо совершенном социальном строе, а о простой организации общества, в котором идеальное царствует как самоцель, а материя и бессознательное с радостью служат его средствами. Нормальный человек ходит на ногах, а не на голове, его ногами руководит голова, а не головой руководит потерянный в эволюции хвост, вместо которого появились кредит и процент. В материальной цивилизации ноги и хвосты руководят головой, да так ловко, что нельзя различить руководителей и руководимых. Устройство

общества на основе идеальной религии называют Раем, Царством Божьим; философия — софиократией; близки к этому строю теократия и коммунизм.

Выделение философии из сакрального мировоззрения, превращение ее в автономную доктрину произошло ценой предательства идеального; даже в учениях абсолютного идеализма Платона и Гегеля идеальное не выступает как универсальная субстанция мысли, ума, сознания, души, и языка, как принцип всех принципов, категорий, идей, а используется «по умолчанию» как средство самых различных целей. Во всей истории философии можно назвать только статью Шеллинга **«Об отношении реального к идеальному в природе»**, специально посвященной идеальному, которое в ней трактуется как целостность совершенная, где каждая вещь проявляет максимум индивидуальности, содействуя в то же время обогащению других вещей и природы. Идеальное — священная суббота бытия, когда оно может и должно делать самое лучшее и самое возвышенное.¹⁶⁰ Хотя и в этой статье содержание идеального больше подразумевается, чем раскрывается.

И только советский мыслитель Э. В. Ильенков посвятил всю свою высоко трагическую жизнь идеальному, которое в его работах заговорило своим голосом в стоимости, в педагогике, в эстетике, в психологии, в экономике, в личности, в политике, мягко, так мягко потребовав от философии и материи покаяния за грехи свои против истины и мудрости. Его статья «Идеальное» в философской энциклопедии СССР¹⁶¹ и до сих пор поражает своей глубиной, энциклопедизмом и какой-то неземной правдой, которую он увидел в своих уникальных и успешных учебно-педагогических экспериментах по спасению слепоглухонемых детей из застенков Преисподней. Статья вызвала шквал критики с лагеря гудошников (Бим-бам, с хлебом будем — сыты будем; бим — бам ...) которые и поныне, спустя четыре десятка лет после его сокрытия в мире идеальном, не могут простить себе такой промах — допустить возможность цивилизации идеального посреди всевластвующей и беснующейся безмозглой материи. А идеальное, кстати, недоступно для безумия, психотропии, вообще, для любой патологии, как свет недоступен для грязи. А материя сама по себе, в отрыве от идеального, становится патологией и уродологией небытия.

Недооценка, отрицание, непонимание идеальности, как принципа оптимального устройства бытия, вещей, людей и власти,

возбуждает чудовищные и разнообразные силы мирового возмездия, избравшего своим основным средством философию, снабдив ее уникальным оружием, которое поражает ум, сознание, душу и язык, отчуждая их от творящих сил идеального, вследствие чего они становятся виртуалиями инфернального мира, ублажающие призраков.

Но возмездие идеального неотвратимо. Любые действия вызывают умиротворяющие их противодействия; коса сама находит свой камень роковой; пуля труса найдет и на Марсе; кара настигнет хитрых, лукавых, алчных, жестоких и несправедливых. Паразиты, революционеры и реформаторы, исчерпав функции возмездия, сами становятся его жертвами. Разоряя природу, человек, сам не ведая того, творит возмездие за свои бесчинства. Нищие и бедные не забыты, а им покровительствует возмездие неба. Возмездие — это не примитивно человеческие реакции против реальных или мнимых нарушений порядка, а это — универсальный закон, онтологическая константа мира, охраняющая его от произвола и своеволия единичностей, от их онкологической экспансии. Ибо каждая выделившаяся из общего строя космоса вещь, каждое существо, каждая особая реальность стремится подчинить своему произволу все многообразие бытия, уподобляясь безумной старухе из пророческой и бессмертной сказки А. С. Пушкина. Возмездие у древних греков олицетворяли богини Дике и Немезиды. Дике следила за тем, чтоб победители вели себя достойно, не срамили патологией свой сан идеальный. Немезида владеет средствами меры и контроля, наказания и быстроты; у нее всегда согнута у локтя рука — синоним неизбежной кары идеального. Богини возмездия преследовали и карали само Солнце;¹⁶² даже Зевс остерегался их неумолимого возмездия. У этих богинь была целая армия духов-амазонок — эриний, которые свершали жестокие ритуалы возмездия.

В этом аспекте сама философия есть возмездие человеку за несправедное и преступное отношение к идеальному. Философия есть возмездие человеку за то, что он мыслит о мелочах, которые недостойны мысли, мыслит не так и не для того, ради чего мысль возникла, порабощает мысль кандалами психоанализа и виртуальности.¹⁶³ Гераклит любил повторять: «Человеческая натура не обладает разумом, а божественная обладает... Не человек разумен, а разумно его объемлющее», и «мудрым существом можно считать только одно: ум, могущий править всей Вселенной».¹⁶⁴ Все начинает гореть синим пламенем не само по себе, а лишь через соприкосновение с огнем;

и человек мыслит не сам по себе, а через общение с идеальностью мира. В идеальности мысли дана судьба материи и людей; но человек делает материю судьбой мысли, вызывая тем самым возмездие идеальности, свершаемое через философию, в которой человек во многом имитирует мысль, не понимая и не зная, что и зачем он делает.

Философия есть возмездие человеку за то, что он извращает суть и цели **сознания**,¹⁶⁵ изолируя его от творческого общения с оригиналами (=идеальным), принуждая его делать копии, симуляции, превращая его в лакея пороков и бессознательного.

Философия есть возмездие человеку за то, что он чудовищно перевирает сакральную миссию **Слова**; ословеснив реальность, он в то же время делает слово рабом, слугой ничто, хамства интернавтики и виртуальности, вводя контрабандой в бытие реалии бездн, ежесекундно распинают слова ради их асемантизированных вожделений.¹⁶⁶

Философия есть возмездие человеку за то, что идеальность **души своей** он предал и предаёт капризам страстей и воли, ненасытному чреву плоти. Гераклит открыл, что «психее присущ самовозрастающий логос», самообучающееся начало, самовозрастающее знание.¹⁶⁷ А психея — это ведь душа, в которой должна пульсировать смысловая кровь идеального, а не бесконечная алчность плотских желаний. Материи же присуща самовозрастающая враждебность к идеальному и энтропия. Бессознательному присуще самовозрастающее убийство идеальности за счет прибытия извращенных удовольствий. Вот за эту отсутствующую у них идеальность и беснуются бесы всех мастей и чинов.

Возмездие становится философией безумия, в которой бесы, философствуя, требуют свободы, справедливости, дипломов и французской кухни. И ума современные европейцы боятся, предпочитая, по словам К. Ясперса, «дурман вместо мышления»: «Вся наша европейская культура уже давно движется в мучительном напряжении, которое год от года растет, как бы стремясь к катастрофе: беспокойно, насильственно и опрометчиво, подобно бурному потоку, который рвется к концу, больше не размышляя, боясь размышлять».¹⁶⁸

Спасением от этого кошмарного и жуткого круговорота возмездия указывает лишь религия, в которой философия становится органом познания сакрального мира, охраняющего оригинал идеальности. Философская метафизика познает незримые реалии и чины идеальности в сакральном мире; в софиологии философия познает

высшую мудрость идеального — претворение ничего в нечто; философская патология же становится познанием тех средств, которые дьявол применяет под видом мудрости для сокрушения идеальности («Будьте мудры как змии и просты как голуби», — советует Христос). Освобождение философии от религии (считай — от идеальности) завершается возмездием — сакральным, inferнальным, человеческим и сугубо философским, когда философия в самоослеплении отрицает самое себя, напоминая собаку, которая слизывает свою кровь с зубьев пилы до тех пор, пока не погибнет. Такими философскими пилами являются термины «ничто», «пустота», «бессознательное», «хаос»; и лижут, лижут, лижут их философобствующие собаки до тех пор, пока профсоюзы не откажут им в костях из отходов бытия!

Метафизическое возмездие философия вершит посредством антиреалий «ничто»; эту нереальную «штуку», уже преодоленную христианством, философия снова вытащила из inferнального сундука Пандоры, и колошматит им очумевший от своеволия, капризов и гламура мир, который, отринув христианство, совершенно не знает, не умеет, не может, да и не хочет сопротивляться соблазнам ничто, сдаваясь ничтожащей и ничтожной воле небритых ничтожников, заросших, кстати, не пустотой и ничто, а самыми что ни на есть бытийными камышами. И это же «ничто» несет возмездие самой философии, порождая **«мышьлителей»**, мечтающих о персональных мышеловках.

Софийное возмездие философия вершит посредством всеобщего обесмысливания любого содержания, превращая его с помощью постмодернизма в субстанцию самовозрастающего безумия. Христианство спасло все смыслы культуры, ясно и определенно заявив, что мудрость мира сего, всякое знание, возникшее вне христианства, само по себе станет безумием или приведет к безумию. Постмодернизм исполнил этот завет, сделав и саму философию органом тотальной шизофрении и безумия копий-симулякров.

Наконец, возмездие настаивает и саму философию в целом, которая становится **всесторонней патологией ума, души, языка, сознания и пола**. Философия принуждает разум возвращать нечто в ничто, вместо того, чтобы претворять ничто в нечто, ради чего он и возник; душу философия принуждает услужать вожделениям бездушия, а не познанием воли Отца своего; язык философия десемантизирует, превращая его в сплошную «текстурбацию» (В. А. Кутырев) знаков без

смысла; сознание философия усилиями иррационализма и психоанализа превращает в бессознательные, инстинктивные подергивания организма, который вынужден общаться с копиями и с ложью, а не с оригиналами; пол философия всесторонне извращает, устраняя из него любовь и функцию продолжения жизни, превращая его в транссексуальный фетиш постмодернизма и в беспредел асексуализма. И вся евроамериканская цивилизация незаметно становится воплощением своей же философской патологии, запретив даже священные для всех людей слова «отец» и «мать».

В древних культурах **вина, возмездие, войны** не ограничивались узким антропологизмом, а были универсальными константами космоса. «Война – отец всего и всего царь; одним она определила быть богами, другим – людьми; одних она сделала рабами, других – свободными». ¹⁶⁹ Гераклит не просто экстраполирует человеческие войны на космос, а, наоборот, видит в людях действие универсального принципа мира. Ведь даже богами становятся победители небесных войн! А если бы Отец не сокрушил восставших ангелов (допустим в страшном сне такое!), кому достался бы небесный трон? Люди воют не вопреки законам космоса, а исполняют его основной закон. «Должно знать, что вражда — обычный порядок вещей, и что все возникает через вражду и заимообразно [= «за счет другого»]». ¹⁷⁰

Но из-за чего же идет эта вселенская война, какова ее абсолютная причина?

Догадка об этой причине имеется у Анаксимандра: «А из каких [начал] вещам рождение, в те же самые и гибель совершается по роковой задолженности, ибо они выплачивают друг другу правозаконное возмещение неправды [=ущерба] в назначенный срок времени...». ¹⁷¹ А поскольку все вещи и существа возникают из идеального, а затем забывают об этом своем прародителе, то возмездие идеального настигает каждую вещь, каждое существо, даже сам Космос. ¹⁷² Анаксимандр поставил очень важный вопрос о космической и уголовной ответственности человека и вещей за войны.

Весь мир и каждая вещь держатся на определенной иерархии материального и идеального; в макропропорциях этой иерархии материя должна быть средством, а идеальное — самоцелью. Камень остается камнем, пока в нем сохраняется центр тяжести, невидимая нематериальная точка, в которой сходятся силовые линии всех частей.

Но реально в одних вещах господствуют идеальные силы Дике и правды, а в других вещах властвуют материальные силы частного, неправды. В известном нам мире доминирует материя, подчиняющая себе идеальные смыслы, поработчая их, нарушая своей тиранией законы, меры, пропорции космоса, его общий порядок, иерархии, которые коренятся в идеальном и в его органах — в уме, сознании, душе и в языке. Возник космический строй, в котором вещи в частном вроде бы согласованы друг с другом, но, находясь в разладе с целым, они в итоге оказываются в разладе друг с другом. Чем больше вещи согласуются друг с другом в своих материальных взаимодействиях, тем больше вступают они в разлад со своими идеальными измерениями. Или, говоря языком ростовщичества, вещи оказываются в долгах друг у друга, а все вместе являются роковыми (неоплатными) должниками своего заимодавца Космоса. Но самые большие, неоплаченные и неоплатные долги все вещи и люди имеют перед идеальным. Они и не знают об этих долгах; а если бы и знали, то не сумели бы их оплатить; а если бы и могли их оплатить, то не захотели бы в силу привычки жить за чужой счет.

Идеальность дает вещам и миру меру, порядок, форму; идеальное бескорыстно, его на всех хватает, оно преизобильно, бесконечно. Оно принципиально несовместимо с эквивалентностью, которая обычно достигается за счет неэквивалентности вещей целому. Идеальное же дарит вещам бытие, жертвуя своим совершенством.

Материю же вещи должны распределять между собой по закону идеальности. Но они распределяют ее по всякому: и по закону меры, и по закону рыночной эквивалентности, и по беззаконию силы. В итоге возникает опасное напряжение и между вещами, и в самой материи. Материи для вещей и людей всегда мало, поэтому они убивают друг друга; материя содержит всю полноту возможных благ, но вещам и людям этого мало, поэтому с постоянным беспокойством выискивают все новые и новые средства своей алчности. Материя не может удовлетворить все желания вещей и людей, которые никак и ничем не насытятся; материя не в состоянии обеспечить вещи и людей формами, поэтому они непрерывно изменяются, стремясь найти формы за пределами идеального. Вещи и люди становятся своевольными, жертвуют не собой, а другими, ускользая от меры, скользая по кривой хаоса в бездну. В итоге все вещи и люди оказываются в долгу друг перед другом, который они не могут оплатить в силу отказа от идеального.

Поэтому они непрерывно изменяются, т.е. убегают от заимодавцев идеального, хотя это и не спасает их от рокового возмездия.

Все материальные долги друг перед другом вещи и люди улаживают через столкновения, борьбу, конфликты, в которых, однако, меняются их формы, меры, порядок, но не их суть. Вещи и люди расплачиваются за свои материальные оргии идеальностью бытия. Главную неправду совершают люди и вещи в отношениях с идеальностью, превращая ее в орудие материального беспредела. Все вещи и люди становятся еретиками идеального, идолопоклонниками материи, приближая тем самым «назначенный срок времени» для уплаты «роковой задолженности» по счетам неправды.

Поэтому-то и долги перед идеальным оплачиваются только посредством гибели отдельных вещей и людей, ибо только так восстанавливаются порушенные пропорции идеального и материи. Чтобы избежать гибели и уплаты долгов, вещи и люди объявляет войну ценностям идеального.

В этом плане мысль Гераклита, что война – отец, царь всего, истинна, ибо отец или царь вмешиваются в события тогда, когда никто, кроме них, уже не в состоянии изменить их характер.

А вот копии берут займы у оригиналов и никогда их не возвращают. Поэтому противоречия оригиналов и копий, их несоизмеримость и неразрешимость проявляется в войнах, посредством которых вершится космическое возмездие и восстанавливается мировой порядок, правда и справедливость вместо и наместо лукавства противоречий и диалектики.

Таким образом, метафизическим истоком войн являются чудовищные диспропорции, нарушения меры во взаимодействиях идеального и материального, когда идеальное пытаются лишить его королевского сана и превратить в орудие бесконечных материальных превращений-извращений, в слугу «гнусной общности вещей и людей» (Дж. Вико). Своего предела эта диспропорция достигает в мире виртуальном, который представляет собой искусственное идеальное, его двойник, его симулякр; и это искусственное идеальное столь же искусственно освятят, но поклоняться ему вынудят реально. Триумфом искажения идеального станет материализация призраков, которые потребуют деидеализации, обессознанивание людей. Вот это и будет предельной неправдой мира, против которой восстанет даже

бесконечное терпение Бога. «И сказал Господь: не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками; потому, что они плоть» (Быт. 6. 3.).

Мировые и конкретно-региональные войны, в конечном счете, имеют именно эту цель — склонить чашу весов в пользу частного интереса отдельных вещей и людей, превратить идеальные силы Космоса в искусственных слуг вселенского базара. И для превращения всех вещей и людей в идолопоклонников материи золота, их нужно освободить от той доли идеальности, которая досталась им от рождения и крещения. Нужно провести раскрещивание и перекрещивания мира с помощью виртуальности в искусственную идеальность.

Космологическая война идеального и материального, как и все остальные производные от нее войны, сами по себе лишены смысла. Эти войны вовсе не состоялись бы; а если бы и начались, то они сразу бы завершилась победой идеального, если бы в них не была замешана некая «третья сила» — бессознательное.

Объединяя в себе инерцию материи и виртуальности-идивенцев, удовольствия от безмыслия и возможности порока, бессознательное превращает противоречия идеального и материи в их войну. Бессознательное стремится вытеснить идеальное, сознание, ум в качестве высших сил из экономики, государства, религии, науки, искусства, философии, из бытия вообще, стереть следы этих идеальных сил, даже малейшую память о них в мироздании, превратив их в разновидность стихийно-вещественных сил.

Об этом меньше всего догадываются пророки и поклонники психоанализа, хотя именно их полнейшая неосведомленность в делах идеальности и бессознательности делает их антиидеальными агентами.

Известно, что в любой войне не выигрывает ни одна из воюющих сторон, а выигрывает «третья сила», запустившая эту войну и косвенно участвующая в ней. Исключения не составляет и война идеального и материального, которая начинается бессознательным, контролируется им, направляется им. Оно и стремится трансформировать воюющие стороны в нужном ему направлении.

Материя в конфликте с сознанием теряет свою организованность, свое творческое изобилие, постепенно деградируя в сторону простейших дезорганизованных скоплений и элементарий, в сторону всерастворяющего хаоса бездны. Разум в этом конфликте теряет свою идеальную мощь, становясь суммой механических

операций какой-то неизвестной машины; сознание теряет свое самосознание, которое заменяется бессознательным.

Какой может и должна быть вселенская и земная позиция идеального в развязанной против него войне?

Древние философы видели в войне возмездие, карающие за непонимание истинного космоса с другим миропорядком, в котором властвуют идеальные силы, действующие посредством смысловых энергий, возбуждая в вещах и людях творческие инициативы.

Другой заменой идеального стала безответственная свобода. Всякий раз, когда человечество обретало новые свободы, оно тотчас же их обесценивало и обесмысливало дикой безответственностью, переходящей в тотальный и частный терроризм. В 1793 году Франция завоевывала неслыханную (по тем временам) свободу всех сословий. Но каков плод этой свободы? Вот мнение немецкого любителя свободы Гегель: «Единственное произведение и действие всеобщей свободы есть поэтому смерть, и притом смерть, у которой нет никакого внутреннего объема и наполнения; эта смерть, следовательно, есть самая холодная, самая пошлая смерть, имеющая значение не больше, чем если разрубить кочан капусты или проглотить глоток воды».¹⁷³ Такая свобода вершится уже не людьми, а через нее вершит свое возмездие идеальное.

«Так за неумеренной свободой
Нас цепи ждут. Томимы грешной жаждой,
Как крысы, что отравы обожрались,
Мы жадно пьем – и, выпив, умираем»

(В. Шекспир. «Мера за меру»)

Свобода есть имманентное качество идеального, которое подчиняет ее своей основной задаче — преобразению ничто в нечто; в идеальном высшей ценностью является не свобода, а любовь, самопожертвование, ставшие его нуждой и необходимостью. Свободны монахи, ибо они нужны Богу, свободна мать, ибо она нужна ребенку, свободен воин, ибо он нужен отечеству, свободен врач, не имеющий свободной минуты. Свободу любят, ищут материальные имманенции, чтобы с помощью этой субстанции сокрушить идеальное как опору и устав бытия, установить царство всеобщего безумия.

Анаксимандр и Гераклит считали, что за вселенскую неправду, т.е. за вселенское нарушение, искажение субординации идеального и материального всем вещам и людям придется отвечать на столь же вселенском суде. «Суд над космосом и над всеми находящимися

в нем совершается через огонь».¹⁷⁴ Природа субъекта этого огня уже ни для кого не является тайной.

На этом суде каждой вещи и каждому существу нужно будет ответить на вопрос о своем месте во вселенской войне идеального и материального. Правильная ориентация на этом суде возможна лишь при условии понимания того, что идеальное – самоцель Космоса, материя – его материал и средство, бессознательное – его условие. Посредством идеального философия обретает свое место в общем строю сакральных сил, творящих волю Бога, судьбы и всех оригиналов мироздания. Но посредством философии идеальное вершит свой страшный суд, свое возмездие над предателями его ценностей, над изменниками его высших смыслов, над субъектами идеального, ставших скотами материи. И возмездие это философия осуществляет в формах метафизики, софиологии и патологии.

Но далек, ох, как далек человек от понимания истоков всех истоков и оригиналов. Есть **суета сует** мнящего невежества, когда в мутном потоке ищутся объяснения одних нечистот другими; фактически мусор приглашает людей присоединиться к его отходам. Этот мусорологический объект недостойн внимания мысли как сакрального феномена, ибо нет в нем субстанции идеальной и здоровой.

Мусор, отходы и отбросы невозможно понять и объяснить, но не в силу их сложной и скрытой природы, а потому, что в них нечего понимать, ибо нет в них смыслов. Смыслы ведут вверх, вперед и к световому строю, а мусор идет назад, вниз, в inferнальный мрак энтропии, хаоса, которые объяснимы лишь посредством их преобразования, включения в нечто организованное и оформленное. Понять суть и смысл руки без организма (как и суть организма без руки!) невозможно, ибо эта суть смысловая находится в целостности живого тела. Понимание и объяснение требуют смысловых контекстов и координат, без которых они становятся самообманом и блудологией (не зная, делать вид, что знаешь!). Мусор дожидается метлы, которая его сметет в место, которое определит живое, где мусор и найдет свое объяснение через утрату своей мусорной иллюзии. Современный человек неуклонно превращает Землю в гигантскую свалку мусора, отходов и отбросов, сам становясь частью этой мусорократии.¹⁷⁵ Земля стонет, призывает, ждет спасителя и мстителя за осквернение ее живой биосферной природы. Поэтому мусор, отходы понимают, объясняют только метлы и мусорщики. Да еще скучающие пикейные жилеты,

пенсионеры, забитые тяготами жизни домохозяйки, и тщеславные обыватели-коспирологи, которым ведомы все тайны мира, неведомые даже самому этому миру. Конечно, они далеки от осознания того, что понимание и объяснение мусора само является частью этого мусора, мусорным объяснением и мусорным пониманием!

Есть **гадание экспертов, ученых, аналитиков**, которые пытаются определить, какой мусор всплывет наверх, а какой уйдет на дно, хотя ни дна, не верха в нечистотах нет и быть не может. Здесь преобладает критицизм, страшные прогнозы, намеки на владение каким-то особым эзотерическим знанием. Сложился рынок, конкуренция протитуированных туалетов, распространяющих свои мертворожденные прогнозы и предсказания. Это — уровень науки, ищущей критерии разделения различных форм помета. Сами ученые шутят, говоря, что ученые и проститутки берут деньги за то, что им самим доставляет удовольствие.

Есть **знание** того, где и как мутный поток зародился, чем питается и куда стремится. А такое знание возможно лишь при условии выделения, обнаружения чистого потока, нормы, оригинала, его смысловых параметров. Это — уровень философии, которая ищет чистоту в потоках нечистот. При этом сама философия тоже грязнит свои одежды настолько, что ее часто трудно отличить от мусора.

И есть уровень **понимания** того, как и почему из кристально чистых вод идеального, вечности и сакральности появляются мутные потоки нечистот. Это понимание дают мифы, религия, искусство, раскрывая, детерминацию земных событий сакральными целями, причинами и ценностями вечности. Этот уровень познания возможен лишь в составе метафизики, софиологии и отчасти — в патологии.

В качестве самостоятельного учения философия претендует если не на мудрость (=всезнание), то на высшее знание, на то, чтобы быть царицей наук и познания вообще. **Но реально эти притязания завершаются тем, что философия становится одновременно жертвой возмездия идеального и орудием этого же возмездия.** В качестве жертвы возмездия философия отрывается от здравого смысла и практического рассудка, но и не достигает столь возделенного высшего знания, болтаясь между небом и землей. Сократ поэтому определил место философии посередине между мудростью и невежеством, заявив, что вменяемый философ знает лишь то, что он ничего не знает. Но кому, для чего и для какого дела нужны такие

знатоки? Ведическое Знание вполне может заявить о том, что ему не нужны субъекты, которые не знают самого знания, не видят в нем целевой причины, не ценят его благодати. И оно заявило свое мнение в Древней Греции, осудив Сократа еще до суда, где философ смог убедиться, сколь опасно «знание ничегонезнания». Ничегонезнание присуще, например, цикуте, которой безразлично, кто испробует ее хмельной вкус. Поэтому философия в чистом виде, философия сама по себе может учить человека, по словам того же Сократа, лишь искусству умирания, хотя этому-то как раз и не нужно учить; учить нужно искусству того, как стать достойным воскресения, как заслужить его и не пожалеть потом. И Р. Генон совершенно справедливо расценил обособленную философию в качестве основного орудия возмездия над современным человечеством, ибо она превращает умы, сознания, языки и души людей в средства усиления хаоса, безумия и смерти, а не использует их по назначению в качестве органов постижения первых ступеней сакрального мира и его вечных смыслов, заменив «любовью к мудрости саму мудрость». ¹⁷⁶

В качестве органа, формы, функции и части метафизики философия участвует совместно с искусством, религией и властью в освоении идеальности и невидимых миров вне человека и в самом человеке, переводя их содержания на язык категориальных и терминологических смыслов. В качестве возмездия идеальности философия освобождает преображенное христианством ничто, делает его орудием метафизики, которая становится в итоге физикой всеничтожащего ничто, волей к суициду, безумию.

В качестве органа, формы, функции и части софиологии философия участвует по приглашению Софии Премудрости Божьей в самих величественных и таинственных событиях, в которых идеальное своими смысловыми инициативами, энергиями преображает ничто в мироздание, а в самом мироздании идеальность извлекает из глубин ума, сознания, души и языка новых наследников и продолжателей сакральных дел своих оригиналов. В качестве орудия возмездия идеального София-мудрость вынуждает философию заменять мудрость мира сего безумием, сеять неразумное, недоброе, бессердечное, безумное, изгонять всякий смысл из мира, заменяя его гуманизмом (=себялюбием).

В качестве органа, формы, функции и части **патологии** философия вместе с искусством, религией и властью разоблачает,

сокрушает логику, аргументы и соблазны участвует князя мира сего, раскрывает лукавство любых копий и суть копий как лукавства, содействуя тем самым окончательной победе оригиналов, предуготовляя главное событие мироздания... И в качестве орудия возмездия идеального вся философия превращается в одну патологию, что доказали своими фаллоумозрениями Платон — царь всех философов, Юнг — властитель мертвых душ Европы, постмодернисты — властители всех копий, кодов и языка Европы. Возмездие настигнет всех дезертиров идеального, где бы они не скрывались, какими бы симулякрами они не притворялись. От философской патологии содрогается даже Преисподняя, ибо это извращение грозит так развратить даже духов тьмы, что они не смогут нормально нести свою inferнальную службу.

В качестве возмездия философия и сама не использует идеальное по его сакральному назначению, и отучает человечество от умений общаться с идеальным посредством ума, сознания, души и языка. Достигается идеальное тождество жертвы и орудия возмездия идеального. Поэтому мудрость Востока не допускала выделение философии в самостоятельную доктрину, а признавала и подчиняла ее решению сакральных проблем общества и человека.

В той мере, в какой философия служит идеальному, ценит, сознает, понимает, переживает, словесно выражает его спонтаннейшее смыслотворчество, в той мере она является благодатной силой метафизики, софиологии и даже — патологии,¹⁷⁷ работая на вечность и мудрость. Ведь без идеального мы не можем даже выделить, что же во Вселенной реально, ибо то, что мы считаем реальностью, обусловлено идеальным, сделавшим свои смыслы научными, философскими теориями, религиозными учениями, художественными ценностями. Идеальное делает возможным изучение хотя бы в гипотетических формах необъятного, бесконечного и невозможного.

В той мере, в какой философия не сознает не чувствует, не понимает, не выражает творящие потенции идеального, не признает, отрицает, подменяет его миротворные функции, в той мере оно становится орудием возмездия метафизики, софиологии и патологии, работая на ничто и безумие. Дело за человеком: будет он исполнять указы идеального как высшего начала своего бытия, или же будет исполнять приказы материи, бессознательного, виртуальности как высшего начала своего небытия! Жить-то человек будет, но жизнь эта

без идеальности лишится своей тайны и загадочности. А жизнь без загадки станет копией без оригинала, но копией живоподобной и кошмарной, вынужденной все время искать то, не зная что, примерять на себя неизвестные лики и одеяния. И философия в зависимости от своего софийного наполнения будут становится или стражами «Врат понимающего Освобождения», или же «Челюстями патологического Вырождения». Но сегодня человечество (или его интеллектуальные представители) размышляют над проблемами тогда, когда они решены самим идеальным уже и без них, сделав решателей ненужными вроде совы Минервы, прилетающей тогда, когда уже всех мышей словили.

Современный мир в своих небесных основаниях можно рассматривать как возмездие возмущенной и разгневанной идеальности против разгулявшейся материи, плоти и времени, возомнивших себя демиургами и высшими ценностями бытия. Это ж сколько сил, умений, смыслов, знаний, озарений потратил Господь на то, чтобы извести бытие из ничто, превратить его в цветущий и плодоносный край и для чего? Чтобы ничто-жества и пустосакры снова попытались завернуть все творение, его цветы идеальные и ценности сакральные обратно в никуда! Идеальное и вечность его не позволит этому быть никогда! Главное воинство идеального составляет метафизика, атакующая из невидимых миров смысла дезертиров ума, сознания, души, языка посредством виртуалий бесов, призраков, демонов, ничто, пустоты и акзаскров. Именно метафизика сеет зерна и плевелы, дабы затем спасти полноценную физику, полноценные силы ума, сознания и языка, чтобы они могли полноценно воспринимать и фактологию материи и плоти, и откровенческие прозрения, озарения, вдохновения светов небесной мудрости.

Похоронной командой идеального является патология, которая подбирает жертв, предателей, изменников идеального, идолопоклонников ничто и пустоты, изучает на них законы inferнального мира, которые пытается представить себя «живее всех живых», чтобы живые заранее воспринимали себя «мертвее всех мертвых»; а для этого прославляются всякие аномалии, извращения, нарушения норм и мерности, уродства, скрепляя их inferнальным эликсиром наглости. С. Н. Булгаков, увидев впервые кубики-рубик Пикассо, сразу же распознал в нем взгляд смерти на живое; именно так в пустых глазницах смерти выглядит живое. Фаллология Азсакры (как и других адептов ничто и пустоты!) — это взгляд на живую философию,

на ее идеальные ценности и смыслы пустотными провалами смерти, уродологии и сверхничто. И пуская эта философия не всегда соответствует оригиналам своей священной мудрости, но все же исправлять и совершенствовать можно только живое, ибо смерть, ничто и пустота не подлежат совершенствованию; поэтому их жрецы беснуются, выискивая самые чудовищные аномалии, извращения. Увы, прав божественный Аристотель; в цель можно попасть всегда только одним способом, а промахиваться можно целую бесконечность времен! азакры ничто и пустотности опасны для философии лишь в том случае, когда она всерьез будет воспринимать их за живое! Оставленное без внимания философией, они сами быстро будут разлагаться, возвращаясь в свое пустое ничто. Живое даже в больном состоянии не разлагается, а устремляется к правде своих идеальных сил мысли, сознания, души и языка!

Философии в сражении с патологией — терять нечего, кроме легионов содомитов, лесбиястов, трансвеститов ничто и пустоты; философия никогда в них она не имела никакой реалии, никакого блага, а всегда терпела от них только один чудовищный урон — богохульство и кощунство, стремление уничтожить даже память об идеальном оригинале мироздания. Ничто и пустота пытаются сорвать сакральные стоп-краны с замков смерти и гибели людей, обрекая их на суицид.

И пора всерьез называть ничтожников и пустотников философскими мошенниками, недостойных даже званий «лжецов» и «врунов», а даже в слабых мыслях и умах видеть первые шаги на пути к взлету в небо идеальных птиц священной мудрости. Человек призван стоять на страже идеального мира ума, сознания, души и языка, используя все сакральные ресурсы метафизики, софиологии и все инфернальные ресурсы патологии.

Литература

¹ Древние различали любовь-«phileo», означающую приязнь, симпатию, дружбу; агапэ — любовь жертвенную и самопожертвования; Эрос — хитроумную одержимость, наваждение, увлеченность, отвергающую ради страсти все нормы, а затем и самих любимых.

² В этом плане нельзя согласиться с Г. Г. Майоровым в его выборе покровителей философии: «Холодная и сухая дева Афина, неподвластная Эросу-Любви, не могла стать ни родительницей философии, ни ее покровительницей, оставшись навсегда защитницей «тэxnэ», и, пожалуй, «эпистемы». Философию же взяли под свое покровительство сам Эрос, державный Зевс да Аполлон с музами, а, может быть, еще и Дионис» (Майоров Г. Г. Философия как искание Абсолюта. Опыт теоретические и исторические. М., 2004, с.13). За исключением Аполлона и муз, все остальные покровители исключительно деструктивные личности. Зевс бесследно исчез, растратив свою жизнь небесную в поисках новых туник и не оставив достойного наследника трона. Диониса разорвали в клочья именно женщины за его беспутную пьяную жизнь, хотя об этом не принято говорить. Ну а демон Эрос не покровительствует философии, а использует ее в своих целях как инструмент изысканного блуда и кощунства. А олицетворением мудрости для древних все же была Афина, а не Зевс, не Аполлон, а уж тем более — не Дионис и не блудливый Эрос!

³ Гегель на вопрос о том, как в Германии XIX в. обстоят дела с философией, ответил: «Как с публичными домами! Её терпят!».

⁴ Платон. Соч. В 3 т. Т.3. Ч.1. М., 1971, с. 487-488.

⁵ «Имя [мудрости] необходимо отнести к одной и той же науке: это должна быть наука, исследующая первые начала и причины: ведь и благо, и «то, ради чего» есть один из видов причин» (Аристотель. Соч. В 4 т. Т. 1. М., 1976, с. 69).

⁶ «Смешные мы самим себе // И в молодые наши леты // Даём поспешные обеты//

Смешные, может, быть, всевидящей судьбе» (Е. Баратынский).

⁷ Гегель Г. В. Ф. Сочинения в XIV томах. Т. XI. М., – Л., 1935, с. 76.

⁸ «Философские понятия, основные понятия метафизики оказались предельными понятиями, всегда заключающими вопрос о целом и одновременно захватывающими вопросом самого вопрошающего» (Хайдеггер М. Основные понятия метафизики. «Вопросы философии». 1989, № 9, с. 133.)

⁹ Согласно Гераклиту, «многознание не научает быть умным...». Демокрит говорил: «Большой ум, а не многознание должно развивать. Не стремись знать все, чтобы не стать во всем невеждой. Многие многознайки не имеют ума». (Материалисты Древней Греции. М., 1955, с. 45. 163).

¹⁰ Бэкон Ф. Соч. в 2-х тт. Т. I. М., 1971. с. 220.

¹¹ Там же, с. 239.

¹² Кант И. Соч. в 6-и тт. Т. 3. М., 1964, с. 692.

¹³ Там же, с. 86 .

¹⁴ Там же, с. 692.

¹⁵ Там же, с. 118.

¹⁶ Там же, с. 86.

¹⁷ Гегель Г.В.Ф. Соч. в XVI тт. Т.II. М.,-Л. 1934, с. 16.

¹⁸ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. В 3-х тт. Т.I. Наука логики. М., 1974, с. 240.

¹⁹ Там же, с. 120.

²⁰ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. В 3-х тт. Т. I. М., 1970, с. 76.

²¹ Хайдеггер М. Что такое метафизика? — В кн.: «Новая технократическая волна на Западе». М., 1986, с. 43.

²² «Русская музыка с трогательной простотой обнаруживает душу мужика (moujik), простонародья. Ничто не говорит так сердцу, как их светлые мелодии, которые все без исключения печальны. Я обменял бы счастье всего Запада на русский лад быть печальным» (Ницше Ф. Соч. В 2 т. Т. 2. М., 1996, с. 796).

²³ Платон признает, что он не в состоянии понять древние учения о богах; а потому для сохранения благочестия мыслитель, не умея доказать божественное присутствие в мире, требует уголовного преследования сомневающихся (Платон. Соч. В 3 т. Т. 3. Ч. 2. М., 1972, с. 380-395).

²⁴ «Кто сегодня делает философию в России?» (Т.1, М., 2007, Изд-во «Поколение»; Т. 2. М., 2011, Изд-во «Аграф»), Возглавляет Гоп-кампанию из Преисподней составитель демон-стажер А. Нилогов.

²⁵ Сократовский демон — это вестник Аида, а не Абсолюта; демон этот подсказывает решения и выходы в мелких и несущественных случаях, а вот от суда и казни Сократа он позорно и трусливо сбежал. Точно также позорно и трусливо прятался во время казни Спасителя булгаковский Воланд!

²⁶ Шеллинг Ф. В. Й. Лекции о методе университетского образования. СПб., 2009, с. 7.

²⁷ Иванов А. В., Миронов В. В. Университетские лекции по метафизике. М., 2004, с. 19, 20.

²⁸ Хайдеггер М. Слова Ницше «Бог умер» // «Вопросы философии». 1990. № 7, с. 149.

²⁹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991, с. 394.

³⁰ Ранний Гегель тоже обращал внимание общества на опасность засилья женской воли, повсеместно насаждающей хитрость, которая деморализует человека, толкая его на путь вырождения и

самоуничтожения. «Хитрость есть не что иное, как пронырливость. Самый откровенный поступок есть величайшая *хитрость*... Она заставляет другое обнаружить при свете дня, каково оно в себе и для себя, и именно этим уничтожить себя». Хитрость феминизирует мужскую волю. «Благодаря хитрости воля стала женской» (Гегель Г. В. Ф.. Работы разных лет в 2-х томах. Т. 1. М., 1970, с.308). А свои планы и замыслы женская воля черпает из мнимого всеисия «Хочу!». Хочу, чтоб лето не кончалось; хочу, чтобы мои совершенные гламурные копии стали оригиналом; хочу, чтобы золотая рыбка была у меня в услужении!

³¹ Соловьев Вл. С. Цит.: Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. Т.1. М., 1990, с. 349.

³² Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. Т.1. М., 1990, с. 349.

³³ Там же, с. 390.

³⁴ В этой связи Ю. М. Осипов справедливо напоминает, что в отличие от спекуляций на софийных сюжетах «философия хозяйства, вслед за Булгаковым, относится к Софии Премудрости Божией и как к феномену хозяйственному — сначала как к замыслу Божию, вполне и хозяйственному, затем как к воплощенной в мире, природе и человеке, его хозяйстве, идеальности Божией, наконец, как дару божьему, нисходящему постоянно на мир, природу, человека, его хозяйство» (Осипов Ю. М. Философия хозяйства как особое знание-размышление. «Философия хозяйства», 2009, № 1, с. 9). Поэтому хозяйство, по Булгакову, и есть род софийного познания, а познание — род софийного хозяйства. София нужна была С. Н. Булгакову для того, чтобы и в застенках экономизма спасти человеческий и хозяйственный смысл бытия.

³⁵ Мельшиор-Бонне С. История зеркала. М., 1994, с. 312.

³⁶ Там же, с. 171.

³⁷ Там же, с. 360.

³⁸ Там же, с. 372, 399.

³⁹ Климент Александрийский писал: «Верхом сумасбродства и нелепости является изобретение зеркал для того, чтобы они могли любоваться той искусственной красотой, что им присуща, ибо, напротив, на подобную лживую красоту следовало бы накинуть покров, дабы ее скрыть» (Там же, с. 309)

⁴⁰ Там же, с. 241.

⁴¹ Материалисты Древней Греции. М., 1955, с. 67.

⁴² Христианские теологи высмеивали Демокрита за то, что в его учении идею Бога должны иметь и животные, ибо «одни и те же образы, исходящие от божественной сущности, попадают как к людям, так и к неразумным животным» (Там же, с. 144).

⁴³ Принципиальную и абсолютную несовместимость чистой атомистики с природой познания и мысли глубоко и точно раскрыл Аврелий Августин: «Пусть же они (атомисты – Н. Ш.) скажут, какого рода, по их мнению, те изображения, которые они считают изливающимися из более твердых тел: эти изображения никак не твердые, так что хотя они и тела, но их нельзя ощущать иначе, как при их прикосновении к глазам, когда мы видим, и к душе, когда мы мыслим. Ведь они полагают, что (эти изображения) могут исходить из тела и проникать в глаза или в душу, которую они тем не менее считают материальной. Я спрашиваю, изливается ли поток изображений от отдельных атомов? Если изливается, то какие же это (неделимые атомы), если от них отделяются какие-то тела? Если же не изливаются, то либо можно что-либо помыслить без изображений, что им совсем не улыбается, либо (нельзя, но тогда) откуда они знают (о существовании) атомов, если они не могут их даже помыслить?»⁴³ (Лурье С. Я. Демокрит. Ленинград, 1970, с. 320). Аргументы неотразимы, ибо они показывают, что главным в атомистике является не атом, а неведомое и незримое существо, фабрикующее копии и воздействующие через них на вещи и людей.

⁴⁴ Там же, с. 129.

⁴⁵ Предание сообщает, что Демокрит сам загубил свои глаза, глядя на отражение Солнца в медном щите. Зачем? Чтобы лучше видеть (!) истину, чему мешают чувства. Судя по тому, что отсутствие зрения не мешало дальнейшим изысканиям и делам Демокрита, он действительно имел какие-то связи с демонами, которые восполняли с лихвой утраченное им зрение. Не случайно Демокрит заявлял: «Что касается неразумных животных, мудрецов и богов, то [у них] органов чувств более пяти» (Материалисты Древней Греции. М., 1955, с. 88).

⁴⁶ Истолкование идей древних мыслителей посредством современной терминологии вполне правомерно. Например, Л.Н. Гумилев, изучая древних гностиков, пишет: «Если мы переведем их идеи на современную терминологию и вместо слов «эоны» и «демоны» поставим слова «импульсы лучистой энергии» и «радиораспад», то окажется что пытливые умы II-III вв. занимали те же проблемы, что и нас». (Л. Н. Гумилев. Этногенез и биосфера Земли. Ленинград, 1990, с. 465-466).

⁴⁷ М. Борн. Моя жизнь и взгляды. М., 1973, с. 62, 52.

⁴⁸ Там же, с. 62.

⁴⁹ К. Маркс в этой связи писал: «Невежество – это демоническая сила, и мы опасаемся, что оно послужит причиной еще многих трагедий». (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1, с. 112). А сколько трагедий несет в себе религиозное невежество марксизма?

⁵⁰ Гёте В. Соч. В 10 Т. Т. 3. М., 1976, с. 650, 651, 652.

⁵¹ Миф - абсолютно объективное сознание, в котором мир сам мыслит о себе посредством человека, но независимо от него. Мифы не имеют родителей, у них нет авторов, их невозможно вывести из предшествующих форм сознания, ибо они возникают вместе с миром и человеком. Мифы - единственная форма нерукотворного, спонтанного, естественно-возникшего объективного сознания. Субъектом и органом такого сознания является софийная мудрость бытия. Мифам не грозит никакой скептицизм, критицизм, догматизм; они спокойно перерабатывают субъективно-разрушительную энергию этих сил рассудка в свои формы. Мифам не нужны школы, университеты, академии, ибо они суть самовоспроизводящееся сознание софийное. Не нужно забывать, что в рамках и посредством мифологии были сделаны открытия, определившие эволюцию человечества: земледелие, скотоводство, ткачество, ремесла, строительство, язык, календарь и др. И сделаны были эти открытия не вслепую, а на основе объективного знания высшего порядка, находящего и указующего онтологические пути эволюции. В мифах содержатся пути к непознанным тайнам бытия и мысли, в том числе – ключи и эталоны объективного миропонимания. Этими ключами и эталонами служит София-мудрость, определяющая смысловые константы мифов.

⁵² Древнекитайская философия. В 2 т. Т. 1. М., 1972, с. 253, 255.

⁵³ Цит.: Р. Генон. Очерки традиции и метафизики. С.-Пб., с. 103-104

⁵⁴ У Аристотеля Первозом творящий все же является «формой форм»; поэтому его творчество форм, его пути ограничены его исходной формой, скрывающей от него его же порождающее начало. Ум-Нус не властен над тайнами безумия и бессознания, алогизмов, антиномий. А вот Дао умеет претворять эти деструктивные силы человеческого духа в благие порывы и в смысловые гармонии! Перед Дао безумие, бессознательное, алогизмы преображаются в материал новых форм и гармоний. Генон 169.

⁵⁵ Цит.: Р. Генон. Очерки традиции и метафизики. С.-Пб., с.157

⁵⁶ Эти слова почти дословно совпадают с библейским портретом Софии: «Господь имел меня началом пути Своего, прежде созданий Своих, искони: От века я помазана, от начала, прежде бытия земли (Прит. 8. 22).

⁵⁷ Цит.: Р. Генон. Очерки традиции и метафизики. С.-Пб., с.162-163

⁵⁸ Там же, с. 169.

⁵⁹ Древнекитайская философия. В 2 т. Т. 1. М., 1972, с. 256, 258, 263, 266, 283, 268, 289.

⁶⁰ Цит.: Р. Генон. Очерки традиции и метафизики. С.-Пб., с. 167-168.

⁶¹ Майоров Г. Г. Философия как искание Абсолюта. Опыт теоретические и исторические. М., 2004, с. 76. Только вряд ли Канта, сделавшего рассудок начальником милиции в мышлении, можно считать софийным философом.

⁶² Кант

⁶³ Даже величайший рационалист всех времен, Гегель, увидел в произрастании зерна свойства, которые можно описать лишь языком магического познания. И получилось удивительно, красиво, увлекательно, истинно и точно. Гегель как бы изнутри увидел софийную суть идеального. «Сохранение зерна в земле есть мистическое, магическое действие, указывающее, что в нем есть тайные силы, которые еще дремлют, что по-истине оно есть еще сверх того, чем оно является в своем наличном бытии... Магом, сообщающим зерну... совершенно иной смысл, — тем магом, для которого ржавая лампа есть могучий дух, является понятие природы; зерно есть мощь, которая закликает землю послужить ему своей силой». Действительно, идеальная мощь зерна закликает землю превратить его в растение. То же явление Гегель видит и во врачевании. Идеальная мощь организма закликает лекарства изгнать из него inferнальные силы болезни. Правда, как не всякое зерно произрастает, так и не всякое лекарство совместимо с идеальностью. Но «отношение болезни к лекарству вообще является магическим». А магическое свидетельствует о воздействиях идеального на материю (Гегель Г. В. Ф. Соч. В XIV томах. Т. II. М., – Л., 1934. с. 403, 543).

⁶⁴ Но это не пифагорейское молчание, призванное излечить человека от рассеянности и научить слушать учителей; это и не молчание суфиев, полагающих, что слова лишь кощунственно оскорбляют внесловесную суть Бога. Это прамолчание России, создающее и хранящее её разящие, смысловые, глаголы, её макросимволы благословенной и благодатной Софии, хранятся в Слове. Но в Слове первозданном, доступном лишь чистым и сильным духом натурам, которые избирает для своего откровения сама София.

⁶⁵ «Дух дышит, где хочет» (Иоан. 3.8). Мудрость — это знания, которые дышат лишь там, где нужно!

⁶⁶ Владимир Микушевич "Пол и символ. Православное почитание Софии" <http://proroza.narod.ru/Micushevich-1.htm>.

⁶⁷ «Каждый есть иконописец собственной жизни». Свт. Григорий Богослов.

⁶⁸ «Пойди к муравью, ленивец, посмотри на действия его, и будь мудрым. Нет у него ни начальника, ни повелителя; но он заготавливает летом хлеб свой, собирает во время жатвы пищу свою» (Притч. 6. 6-8).

⁶⁹ «Кто нашел меня, тот нашел жизнь, и получит благодать от Господа; А все ненавидящие меня любят смерть» (Прит. 8. 22-31, 35-36).

⁷⁰ Для Ф. Бэкона мифы как будто «стоят вне времени и являются не созданием самих поэтов, а чем-то вроде священных реликвий, дыханием лучших времен, проникшим в поэзию древних греков из преданий еще более древних народов» (Бэкон Ф. Соч. в 2-х тт. Т. 2 М., 1972, с. 231).

---

⁷¹ Греховная катастрофа напоминает информационную войну, которая ведётся электронными наркотиками. Незаметно в сознание закладываются орудия самоотрицания человека, его замены призраком, тенью. Грех — это основная программа, плодящая вирусы смерти.

⁷² Аверинцев С. С. София — Логос. Словарь. Киев, 2006, с. 569.

⁷³ «Примите учение мое, а не серебро; лучше знание, нежели отборное золото. Потому что мудрость лучше жемчуга, и ничто из желаемого не сравнится с нею. Потому что приобретение ее лучше приобретения серебра, и прибыли от нее больше, нежели от золота» (Притч. 8. 10-11; 3. 14-15).

⁷⁴ «Реальность, которую можно назвать софийной в наиболее точном смысле этого слова, т.е. ни чисто Божественная, ни чисто человеческая, ни Трансцендентность, ни имманентность сами по себе, но, если воспользоваться высказыванием великого английского поэта Уильяма Блейка, «божественный человеческий образ» (Аверинцев С. С. София — Логос. Словарь. Киев, 2006, с. 545).

⁷⁵ «Сказал безумец в сердце своем: «нет Бога». (13.1)

⁷⁶ Киники дали своеобразную трактовку декларации Сократа: «Я знаю только то, что ничего не знаю». Сократ, усмиряя слишком заносчивого киника, спросил «Ты знаешь, почему помет у коз и овец «орешками», а у коров — «блинами»? Киник заметался, растерялся, ответив: «Не знаю!». Тогда Сократ глубокомысленно заявил: «Ну, вот видишь, ты не знаешь элементарного, даже помета, а берешься рассуждать о возвышенных вещах, о мудрости!». Но поскольку сам Сократ заявил, что и он ничего не знает, то, видимо, проблема «орешков» и «блинов» осталась неразрешимой и для него, что, однако, не помешало ему денно и нощно рассуждать о мудрости!

Другой случай. Сократ увидел своего ученика опечаленным, и спросил его о причинах расстройства. Ученик сказал, что он встретил своего приятеля, поприветствовал его, а тот ему в ответ дерзко и хамски нагрубил. Сократ тогда спросил ученика: «Встретив одноглазого человека, ты бы очень расстроился оттого, что у тебя два глаза, а не один?» Ученик ответил: «Нет, Сократ!». Сократ продолжает: «Встретив одноногого человека, ты бы очень расстроился оттого, что у тебя две ноги, а не одна?». Ученик ответил: «Нет, Сократ!». И тогда Сократ ему сказал: «Твой друг, оскорбив тебя в ответ на твое приветствие, оказался не другом, а нравственным уродом. А ты переживаешь оттого, что ты не урод, а нормальный человек. Поступай и дальше так же, приветствуй своего друга как нормальный человек и не переживай оттого, что у тебя две ноги и два глаза!». Хороший пример!

⁷⁷ Для Платона «душа есть нечто вешнее» (Платон. Соч. в 3 Т. Т. 2. М., 1970, с. 177); для Аристотеля «некоторым образом душа есть все сущее» (Аристотель. Соч. в 4 Т. Т. I. М., 1976, с. 439). А язык выражает только смысловые измерения целостности, создавая для них особый мир имен и символов. «Через имя предмет рожден изнутри Я как сущий. Адам дал имя всем вещам. Это право высшей власти и первое вступление во владение целой природой» (Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет в 2 Т. Т.I. М., 1970, с. 292).

⁷⁸ С. С. Хоружий уже сегодня ставит два креста на этой проблеме: «В целом же, сегодня уже можно считать сложившимся определенный consensus, согласно которому для Софии как самостоятельного начала нет места ни в тринитарном, ни в христологическом учении Церкви, но нет и таких проблем, которые для своего разрешения с необходимостью нуждались бы в этом начале» (Хоружий С. С. После перерыва. Пути русской философии. СПб., 1994, с. 84). Есть такая проблема? Как, посредством чего Бог творит мир, воздействует на него? Как, посредством чего Христос воздействует на людей? Следуя подобной логике, можно дойти до точки и сидеть в ней не рыпаясь, хотя проблема софийности и там не оставит в покое: ведь точка — наименее проблемная штука, которая, не имея ничего, все имеет. Проще сказать, что Христос все содержит в себе, а потому не нужно вообще больше ни о чем размышлять. Да и Христос, христианство, если пройти эту логику до конца, тоже окажутся не нужными — сколько людей в мире обходятся без них! И вот, что важно, вот что упускают из виду все критики софиологии. Дело в том, что не человек находит, избирает Софию, произвольно мыслит софийными идеями, создает себе софийное видение мира. Вернее, не только человек! Сама София находит своих избранников, посвящая их в таинства целостного понимания сущего. И посвященных Софии никто, никак, никогда и ни в чем не переубедит. Их нужно внимательно выслушивать, а затем в сказанном ими искать недостающие нам звенья понимания. А их ошибки рухнут сами без критики. Но С. Н. Булгаков с галилеевским упрямством все же не отрекся от призывов софийных. Ибо он знал, что все аргументы против Софии целят на деле именно в Христа, а все доводы за Софию служат во славу Спасителя. Если София есть Премудрость Божья, ставшая богочеловеческой реальностью и силой Сына Божьего, то что именно в этих сакральных мыслях не соответствует истине?. Премудрость неисчерпаема, а все пути ее связывают землю и небо. Что же здесь критиковать?

⁷⁹ В книге А. Вагановой, «Софиология протоиерея Сергия Булгакова». М., 2010, дан обзор богатейших софийных сокровищ мировой культуры; и эти сокровища ждут своего преображения в осознанные идеи философии, наук, искусства и практики.

⁸⁰ А. Ваганова. Софиология протоиерея Сергия Булгакова. М., 2010, с. 8-9

⁸¹ Все термины с суффиксом «изм» выражают роковую незрелость и ошибочность дисциплины.

⁸² Гегель в этой связи писал: «Смерть есть самое ужасное... Но не та жизнь, которая страшится смерти и только бережет себя от разрушения, а та, которая претерпевает ее и в ней сохраняется, есть жизнь духа. Он достигает своей истины, только обретая себя самого в абсолютной разорванности. Дух есть эта сила не в качестве того положительного, которое отвращает взоры от негативного... но он является этой силой только тогда, когда он смотрит в лицо негативному, пребывает в нем. Это пребывание и есть та волшебная сила, которая обращает негативное в бытие» (Гегель. Соч. В 14 Т. Т. 4. М., 1959, с. 17).

⁸³ Вот как Платон описывал благознание. «То, что придает познаваемым вещам истинность, а человека наделяет способностью познавать, это ты и считай идеей блага — причиной знания и познаваемости истины. Как ни прекрасно то и другое — познание и истина, но если идею блага ты будешь считать чем-то еще более прекрасным, ты будешь прав. ... Правильно считать познание и истину имеющими образ блага, но признать которое-либо из них самым благом было бы неправильно: благо по его свойствам надо ценить еще больше» (Платон. Соч. В 3 Т. Т. 3, Ч. 1. М., 1971, с. 316).

⁸⁴ Де Грааф Дж., Ванн Д. Нейлор Т. Х. Потреблядство: болезни, угрожающие современному миру. М., 2004. (De Graaf J, Wann D, Naylor T. N. «Affluenza/ The all-consuming epidemic». – San-Francisco. «Berett – Kochler Publishers», 2002). Странно, что такая книга опубликована в США, где уже давно не человек потребляет, а человек потребляет само потребление! Какой ужас, если подумать! Поэтому и не думают, а покупают чужие «мозги».

О потреблядстве

⁸⁵ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2000, с133-134.

⁸⁶ Дугин А. Г. Постфилософия. М., 2000, с. 61.

⁸⁷ Платон. Соч. В 3 Т. Т. 3, Ч. 1. М., 1971, с. 275.

⁸⁸ Там же, с. 275.

⁸⁹ Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993, с. 674.

⁹⁰ Там же, с. 677.

⁹¹ Там же, с. 677.

⁹² Там же, с. 677-678.

⁹³ Там же, с. 678-679.

⁹⁴ Там же, с. 679.

⁹⁵ Там же, с. 679.

⁹⁶ Там же, с. 854.

⁹⁷ Платон. Соч. В 3 Т. Т. 2. М., 1970, с. 107.

⁹⁸ Там же, с. 851-852.

⁹⁹ Там же, с. 853.

¹⁰⁰ Там же, с. 852.

¹⁰¹ **Там же, с. 852.**

¹⁰² Там же, с. 679-680.

¹⁰³ Целомудрие ученого и порядочного человека не позволили Г. Г. Майорову назвать вещи хотя бы метафорически своими именами. Излагая отрывок из «Федра», он пишет: «Души уподобляются колесницам, несущимся в занебесную область. Их влекут два крылатых коня, символизирующих собой две воли: добрую и злую. Правит колесницей разум. Добрый конь (благая воля), послушный вознице-разуму, несет колесницу души вверх, в божественную область; злой конь (злая воля) тянет колесницу вниз, в мир земной. В большинстве случаев перетягивает злой конь (почему же?!), и тогда колесница начинает беспорядочное движение, сталкивается с другими подобными же колесницами, ломает их и себя и рушится вместе с ними на землю с поднебесной высоты, вновь вселяясь в земное смертное тело» (Майоров Г. Г. Философия как искание Абсолюта. Опыт теоретические и исторические. М., 2004, с. 89). А ведь колесницей-то правит демон блуда, Эрос, а не разум, который служит послушным конем, а блудная воля — конем нехорошим; и плохой конь всегда совращает хорошего, делая в сути ненужным разумность его. А вот главного Возничего, стоящего рядом с Эросом, Платон не обозначил. Может это Воланд тренирует свой экипаж? Может Демокрит замуж ведьму выдает? Кто его знает? Но душа-колесница — вещь хитрая; здесь нужен механик-экзорцист! А. Ф. Лосев, пожалуй, прав: душа-колесница — это бесовское устройство для изнасилования душ! Да эта колесница и есть сам Эрос, который подчиняет себе лошадей, разум, желания, всего человека, смысл бытия! Можно было бы согласиться с всесилием и властью Эроса (что плохого в том, что жизнью и миром правит любовь?), если бы... если бы все полеты (!!!) его колесниц не заканчивались ДТП — демоническим темным прахом! А уж где только эта колесница не побывала? Кто только ее не воспевал? Вот только исчезнувшие пассажиры колесниц этих что-то молчат!

¹⁰⁴ Там же, с. 680-681.

¹⁰⁵ Там же, с. 683-684.

¹⁰⁶

¹⁰⁷ Там же, с. 854.

---

¹⁰⁸ Материалисты Древней Греции. М., с.42. Вообще бы философии держаться от таких фаллопокровителей из Аида подальше!

¹⁰⁹ Материалисты Древней Греции. М., 1955, с. 42.

¹¹⁰ Маркиз де Сад вполне законно именовал свои «развлечения» «сократическим искусством». В культовом романе Б. Элліса, «Гламорама», убедительно показано, как эротизм через гламур переливается в терроризм. Герои книги — модели мужеска и женска пола, маются в своей «Расслабляндии», выискивая омерзительные удовольствия. Модели презирают людей, а постоянные извращения загоняют их в лабиринты скуки, спасение от которой они находят в убийствах. Сначала развлекаются культовыми убийствами совращенных кандидатов в модели; но и это вызывает скуку. И тогда эротисты взрывают лайнеры. Подготовка к теракту, изготовление неведомой спецслужбам взрывчатки, гламурность взрыва, нарушающего герметизацию лайнера и обрекающего его пассажиров на мучительнейшую агонию, — вся эта изощренно кровавая пицца под специальную музыку приносит моделям столь желанные наслаждения. Желающие попасть в мир моделей, не знают, что для этого нужно уметь наслаждаться убийствами. Правда, одно модели усвоили крепко: террор стимулирует продажи рекламируемых ими товаров. Поразительно, но как точно предвидел Платон судьбу Америки, эволюция которой тоже завершается союзом содомии и насилия, содомистским насилием над миром Содомитских Штатов Америки!

¹¹¹

¹¹²

¹¹³ Майоров Г. Г. Философия как искание Абсолюта. Опыты теоретические и исторические. М., 2004, с. 46.

¹¹⁴ Там же, с. 47.

¹¹⁵ Там же, с. 20-21.

¹¹⁶ Там же, с. 7.

¹¹⁷ Там же, с. 74.

¹¹⁸ Ф. М. Достоевский в «Подростке» писал, что Золотой Век есть «мечта самая невероятная из всех, какие были, но которой все человечество всю свою жизнь отдавало все свои силы, для которой всем жертвовали, без которой народы уже не хотят жить».

¹¹⁹ Гегель Г. В. Ф. Соч. В XIV томах. Т. II. М., – Л., 1934. с. 543.

¹²⁰ Аристотель даже утверждал: «Занимающемуся теоретическим рассмотрением природы следует говорить о душе больше, чем о материи, поскольку материя скорее является природой через душу, чем наоборот. Если вести речь о душе в целом, тогда кроме науки о природе, не остается никакой философии, ибо разум принадлежит к вещам мыслимым. Следовательно, учение о природе будет познанием всего: ведь одной и той же науке принадлежит исследование разума и мыслимого» (Аристотель. Аналитики. М., 1952, с. 39). Невозможно изучать природу, не зная души (=идеального); но нельзя изучать душу, не зная природы. Это один и тот же организм мудрости, то скрывающий свои богатства, то выявляющий их для радости мира.

¹²¹ В. Гейзенберг считает, что современная наука идет от Демокрита, Пифагора, Платона. «В современной квантовой теории едва ли можно сомневаться в том, что элементарные частицы, о которых говорится в диалоге Платона «Тимей», в конечном счете суть математические формы, только гораздо более сложной и абстрактной природы» (Гейзенберг В. Физика и философия. М., 1963. с. 48-49). Только у греков наука шла в союзе с этикой, а Гейзенберг, видимо, даже слово такое забыл! А. Эйнштейн буквально следует за натурфилософией Аристотеля: «Я не могу найти слова лучше, чем «религия», для обозначения веры в рациональную природу реальности» (Эйнштейн А. Собр. научн. трудов. В 4 Т. Т. 4, М., 1967 с. 564). «Моя религия состоит в чувстве скромного восхищения перед безграничной разумностью, проявляющейся в мельчайших деталях той картины мира, которую мы способны частично охватить и познать нашим умом. Эта глубокая эмоциональная уверенность в логической стройности Вселенной и есть моя идея Бога» (Львов В. Е. Жизнь Альберта Эйнштейна. М., 1959, 234). И в завершение своего приговора научной, но не этической физике А. Эйнштейн сказал, что «в наш материалистический век серьезными учеными могут быть только глубоко религиозные люди», ибо «в области науки все наиболее тонкие идеи берут свое начало из глубоко религиозного чувства. Я не считаю, что наука может учить людей морали. Оценка жизни и всех ее наиболее благородных проявлений зависит лишь от того, что дух ожидает от своего собственного будущего» (Эйнштейн А. Собр. научн. трудов. В 4 Т. Т. 4, М., 1967, с.129, 164, 165). Дух не возражает, ибо будущее содержится в духе!

¹²² Аристотель. Аналитики. М., 1952, с. 288.

¹²³ Аристотель. Соч. В 4. Т. Т. 4 М., 1984, 383.

¹²⁴ Аристотель. Соч. В 4 Т. Т. 1. М., с. 1976, с. 179.

¹²⁵ «Науки нет, а есть ученые, которые вертят наукою, как хотят» (Кураев А. Культурология православная: готова ли школа к новому предмету? М., 2007, с. 183).

¹²⁶ Аристотель. Соч. В 4 т. Т. 1. М., с. 1976, с. 66.

¹²⁷ Отсюда понятна неприязнь Аристотеля к общему, отрицание самостоятельного статуса общих понятий. Реальны лишь единичные вещи, единичные люди, ибо лишь единичности способны совершенствоваться. Общее же не знает морали и совершенствования, а лишь чистое насилие. В. И. Ленин увидел «наивную запутанность, беспомощно-жалкую запутанность Аристотеля в *д и а л е к т и к е* общего и отдельного» (В. И. Ленин. ПСС. Т. 29. с. 326). На деле, здесь нужно видеть не путаницу, а паразитов, «рабов по природе», которые посредством овладения «общим», наукой стремятся стать господами всех людей и мира.

¹²⁸ Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2 т. Т.2. М., 1992, с. 327.

¹²⁹ Трудно представить, как Адам познал бы Еву свою, если бы вместо неё была бы не женщина, а модель?

¹³⁰ Пигмалион влюбился в изваянную им статую Галатеи и Афродита, вняв его просьбам, оживила её. А впрямь ли Афродита была богиня, если она допускала любовные отношения с мертвыми статуями?

¹³¹ Сократ учил: «Те, кто подлинно предан философии, заняты, по сути вещей, только одним — умиранием и смертью», ибо все люди – «*ничто*» (курсив *мой* – Н. Ш.) (Платон. Соч. В 3 т. Т. 2. М., 1970, с. 21). Жить или умереть, – «а что из этого лучше, никому не ведомо, кроме бога» В последних словах своему ученику Сократ сказал: «Критон, мы должны Асклепию петуха. Так отдайте же, не забудьте» (Там же, с. 149, 93). По древнему обычаю, выздоравливающий больной приносил в жертву богу здоровья, Асклепию, белого петуха. Этим завещанием Сократ хочет сказать, что, умирая, он наконец-то выздоравливает от болезни, называемой жизнью, которая отравляла ему все его существование. Хороша ирония! Браво, мудрец! Само живое и живущее существо этого придумать не сможет; это может сделать лишь мертвое. Сократ не сознавал, что, не он обесценивает жизнь, а она сама обесценивает его, оставляя ему лишь урну диалектики.

Однако лукавит наш фаллолог. Он «перед смертью полон бодрости и надежды обрести за могилой величайшие блага» (Там же, с. 21). Только при чем здесь философия и диалектика? Ведь таковы традиционные ценности любой религии. Что к ним может прибавить диалектика, кроме белого петуха?

Счастлив, по Сократу, «человек, который на самом деле любит разум и проникся уверенностью, что нигде не приобщится к нему полностью, кроме как в Аиде» (Там же, с. 21). Смерть содержит в себе самый совершенный разум, с которым человек уже никогда не разлучится. Смерть лучше, интересней, содержательней, чище, богаче жизни, ибо сколько опытных мужей предали себя ее попечению. Сократ с любопытством ожидает приобщения к этому неведомому ему опыту смерти. Смерть всех мудрее, ибо она хранит в себе знания всех мудрецов, и Сократ сгорает от нетерпения встретиться с ними. Смерть милосерднее всех, ибо она безусловно прекращает все страдания людей, оберегает их от ударов судьбы. Поэтому Сократ с благоговением ждет смерти как акта высшего милосердия. Смерть справедливее всех, ибо она неподкупна и судит всех по их подлинной ценности на весах истины. Поэтому Сократ мечтает быть осужденным смертью, полагая, что именно в ней он встретит подлинное правосудие. Смерть очищает нас от страстей тела и души, делая нас настолько чистыми сущностями, что мы можем без помех слиться с истиной. Поэтому смерть для Сократа – наикратчайший путь к истине. Мертвые непосредственно общаются с богами, которые всегда к ним благосклонны, ибо они – часть божественного достояния. Несмотря на горести прежней жизни, мертвые всегда относятся друг к другу хорошо и благочинно, ибо теперь им не из-за чего конфликтовать; остались лишь блаженное дружелюбие и благорасположение. Сократ, естественно, стремится побыстрее присоединиться к блаженному большинству. Наконец, смерть настолько увлекательней любого земного приключения, что, узнав о ней, у человека пропадает всякое желание путешествовать в этом мире. Поэтому смерть стала той целью и гаванью, куда устремляется корабль жизни каждого человека.

Ну, как не возлюбить смерть? Как вообще после таких знаний о смерти не стыдно просто жить? Умный Сократ не подумал о том, а пожелают ли усопшие герои и мудрецы, истина общаться с ним, не отвернуться ли они от уroda, осмелившегося мертвым подойти к истине без её разрешения?

¹³² Гегель прямо заявлял: «Благодаря вторжению мысли скудеет богатство бесконечно многообразной природы, ее весны никнут и ее переливающиеся краски тускнеют. Живая деятельность природы смолкает в тиши мысли. Ее обдающая нас теплом полнота, организующаяся в тысячах привлекательных и чудесных образований, превращается в сухие формы и бесформенные всеобщности, похожие на мрачный северный туман». Мысля природу, мы превращаем ее в «нечто несуществующее». Дикость какая-то европейская! «Это извращение истинного характера природы получается благодаря именно... отличительному свойству мышления», строящему науку логики. (Гегель Г. В. Ф. Сочинения в XIV томах. Т. II. М., – Л., 1934, с. 11, 13). Дальше не легче! «Система логики – это царство теней... Изучение этой науки, длительное пребывание и работа в этом царстве теней есть абсолютная культура и дисциплина сознания» (Гегель Г.В.Ф. Наука логики. В 3-х тт. Т. I. М., 1970, с.103). Уж лучше быть бескультурным и недисциплинированным!

В. И. Ленин с какой-то inferнальной одержимостью пропел заупокойную на свадьбе познания: «Мы не можем представить, выразить, смерить, изобразить движение, не прервав непрерывного, не упростив, огрубив, не разделив, не омертвив живого. Изображение движения мыслью есть всегда огрубление, омертвление,— и не только мыслью, но и ощущением, и не только движения, но и всякого понятия» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29, с. 233). И вся эта возвышенно жуткая муть высказана о сознании, мысли, чувствах человека; все они, оказывается, несут в себе эликсир смерти, окропив которым предметы, их только и можно познавать! Кто это, «мы», занятые омертвлением живого? Зачем к неизбежной смерти добавлять еще искусственную? И какое благо может нести живым людям мертвечина в облике точного знания? Да и знание ли это или же его призрак безобразный? Если знание действительно омертвляет живое, тогда сам познающий субъект предстает в качестве служебного средства смерти; если субъект чувствует, воспринимает себя в качестве мертвого, тогда это дьявольское познание. И тогда познание есть безболезненное убийство, блаженное умерщвление познаваемого для нужд владыки мрака и тени смертной.

¹³³ Генон Р. Кризис современного мира. М., 1991 с. 20.

¹³⁴ Хюбшер А. Мыслители нашего времени. М., 1994, с. 49-50.

¹³⁵ Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М., 1992, с. 103-104.

¹³⁶ Дугин А. Г. Постфилософия. М., 2000, 626, 627.

¹³⁷ См.: Хайдеггер М. Слова Ницше «Бог умер». // Вопросы философии. 1990, № 7, с. 149.

¹³⁸ Новейший философский словарь. Постмодернизм. Минск, 2007, с. 121.

¹³⁹ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2000, с. 133-134.

¹⁴⁰ Там же, с. 38.

¹⁴¹ В такой ситуации А. Н. Некрасова советовал молиться за тех, кто жизнью своей обеспечивает оргии русских и парижских социомутантов. «Пожелаем тому доброй ночи// Кто все терпит во имя Христа// Чьи не плачут суровые очи// Чьи не ропщут немые уста// Чьи работают грубые руки/ Предоставив почтительно нам// Погружаться в искусства, в науки// Предаваться мечтам и страстям// Кто бредет по житейской дороге// В безрассветной, глубокой ночи// Без понятия о праве, о боге// Как в подземной тюрьме без свечи.

¹⁴² Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М., 2000, с. 38, 39.

¹⁴³ Юнг К. Г. Дух и жизнь. М., 1996, с. 22-23.

¹⁴⁴ По словам Ш. Монтескье, «в избытке даже разум не всегда желателен». Где же наш француз нашёл этот избыток ума? А? (Монтескье Ш. О духе законов. М., 1955, с. 300).

¹⁴⁵ Платон. Соч. В 3 Т. Т. 2. М., 1970, с. 184.

¹⁴⁶ «Кто сегодня делает философию в России?» в 2 Т. Т. 2. М., 2011, Изд-во «Аграф», с. 95.

¹⁴⁷ Там же, с. 17.

¹⁴⁸ Там же, с. 20, 19.

¹⁴⁹ Там же, с. 32, 22, 31.

¹⁵⁰ Там же, с. 23, 28.

¹⁵¹ Там же, с. 23.

¹⁵² Там же, с. 522.

¹⁵³ Кутырев В. А. Бытие или ничто. Санкт-Петербург, 2010.

¹⁵⁴ Платон. Сочинения в 3-х томах. Т. 2. М., 1970, с. 353.

¹⁵⁵ Шеллинг Ф. В. Й. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. М., 1989, с. 120.

¹⁵⁶ Майоров Г. Г. Философия как искание Абсолюта. Опыт теоретические и исторические. М., 2004, с. 9.

¹⁵⁷ «Философия — это своего рода мистерия любви. ... Совершенный образ этой любви начертан в платоновском «Пире», где воплощающие ее неистовый Эрот выступает как демон-посредник между людьми и богами, между дольным и горним мирами» (Там же, с. 9). Уважаемый автор, видимо, забыл, или не желает знать о том, что происходило в этих мистериях любви! Алкоголики, блудодеи и развратники в невменяемом состоянии обсуждают якобы высшую любовь, которая давным-давно вместо себя послала к ним слепого демона, который и привел всю Элладу к этой самой высшей любви!

¹⁵⁸ Но нет, постлюдей не вразумить! Чем больше наслаждений, тем они тупее. Для них быть эрогенной зоной бытия милее всех даров небес и подземелья. В известных опытах американских зоопсихологов с крысами, которым ввели в мозг стимуляторы половых наслаждения, дело всегда завершалось печально. Крысы не замечали самых лучших яств, непрерывно нажимая рычажок, который вызывал половое наслаждение; и жали, жали до тех пор, пока не погибали от истощения.

¹⁵⁹ Аверинцев С. С. София — Логос. Словарь. Киев, 2006, с. 769.

¹⁶⁰ Шеллинг Ф. В. Й. Соч. В 2 Т. Т. 2. М., 1989, с. 51.

¹⁶¹ Ильенков Э. В. «Идеальное» «Философская энциклопедия». В 5 Т. Т. 2. М., 1962, с. 219-227.

¹⁶² «Солнце не перейдет своей меры иначе его бы настигли Эринии, помощницы правды» Материалисты Древней Греции. М., с. 50).

---

¹⁶³ Судьбоносный ум становится прислугой пороков людских, а, по мысли Хайдеггера, характер современный европейцев определяется «бегством от мысли». Со смертью они чувствуют себя уютнее, чем с мыслью. Не случайно Мефистофель прижился на Западе, предвкушая обильную пищу для своих inferнальных коллег.

«Мощь человека, разум презирай,
Который более тебе не дорог!
Дай ослепленью лжи зайти за край,
И ты в моих руках без оговорок!»

Задача разума, души, языка и сознания — восхождение к миру идеальности, живыми органами которой они являются в человеке. Разум, душа, язык и сознание — наивысшие силы мира, которые на Земле представляют, заменяют человеку свою утраченную родину в вечности. Но не просто заменяют, а властно влекут к себе, являясь целевой причиной человеческого бытия, его смысловым центром. Они — метафизические, софийные заступники человека перед вечностью.

¹⁶⁴ Фрагменты греческих философов. Часть 1. М., 1989, с. 241, 231, 253.

¹⁶⁵ Ф. Ницше писал: «К чему вообще сознание, раз оно по существу излишне? Проблема сознания (вернее самосознания) лишь тогда встает перед нами, когда мы начинаем понимать, насколько мы могли бы обойтись без него. Все осознаваемое уже тем самым делается *плоским*, мелким, относительным, глупым, общим знаком, стадным сигналом. Растущее сознание есть опасность, и тот, кто живет среди наиболее сознательных европейцев, знает даже, что это болезнь (Ницше Ф. Соч. В 2 Т. Т. 1. М., 1996, с. 674, 676). Итак, сознание — болезнь, а бессознательное — здоровье и смысл! И это пишет существо, которое сознание наделило идеальными силами разума! Безумие Ницше — это не дар «снизу», а он заслужил его тяжким упорным трудом над разрушением сознания!»

¹⁶⁶ Сегодня «человечество в лице его самых выдающихся представителей перестает вообще что-либо понимать в происходящем. Очевидный бред и идиотизм начинает вытеснять всякий здравый смысл. Тексты, в которых просто, без словесных выкрутасов говорилось бы о самых обычных явлениях, стали исключительной редкостью. Перепроизводство информации достигло чудовищных размеров. Возможности оперировать с нею превзошли самые фантастические предположения. Стремление сказать хоть что-то оригинальное, новое толкает гигантскую армию паразитов, живущих за счет болтовни, на всяческие словесные извращения, вполне сопоставимые с сексуальными» (А. А. Зиновьев Глобальный человек. М., 1997, с. 362-363).

¹⁶⁷ Материалисты Древней Греции. М., 1955, с. 51.

¹⁶⁸ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991, с. 157.

¹⁶⁹ Материалисты Древней Греции. М., с. 46.

¹⁷⁰ Фрагменты ранних греческих философов. Часть 1. М., 1989, с. 201.

¹⁷¹ Там же, с. 127.

¹⁷² **Гераклит о Космосе. Мифы сообщают, что не только боги вершат возмездие, но и над богами вершит возмездие некая неведомая сила, которая сокрушает и побеждает самих победителей.** Зевс победил всех небесных, аидных противников, но его победил неизвестный рок, несущий в себе возмездие идеального. Все боги терпят крушение. Отклоняясь от воли идеальности; абсолютным богом является в таких случаях лишь возмездие. В обликах всех дохристианских богов, даже самых суровых и жестоких, заметна печаль, которую порождает предчувствие ими своего конца, вызванного их отходом от идеального. Но нетрудно заметить, что все божества падают жертвой возмездия идеального, которое они подменяют силой, хитростью и насилием. Адекватным, естественно сакральным деянием идеального является любовь; возмездие идеального в этом плане совпадает с любви возмездием, обозначаемое всеми культурами мира термином «судьба», которая подводит итоги отклонений от закона идеальности. И только в христианстве постигнута идеальная, любящая суть возмездия; и когда на Земле уровень идеальности упал до критически опасной точки, Отец и Сын осознанно стали на пути возмездия, приняли его удар на себя; Сын Божий стал добровольной, свободной жертвой возмездия и Спасителем мира, преобразив закон возмездия в закон любви как наивысшей благой и личностной силе идеального. **Гёте** знал, что все идеальное служит революционным целям, возвращая жертвы материального блуда, золотой лихорадки и прогрессирующего технобесия в мир живого. Философские космогонии переполнены учениями о погибающих мирах. Зачем же эти миры возникают, если им суждено исчезнуть? Кто свершает космологическое возмездие над ними?

¹⁷³ Гегель Г. В. Ф. Сочинения в XIV-и томах. Т. 4. М., 1959, с. 318.

¹⁷⁴ Материалисты Древней Греции. М., 1955, с. 47.

¹⁷⁵ Ж.Бодрийяр глубоко проник в тему мусора, отбросов и отходов, настолько глубоко, что на дне мусорных ям нашел симулякры человека. Проблема отбросов — это прежде всего проблема антропологическая, а не техническая. Рост внутренней агрессии и ненависти людей обусловлен тем, что они чувствуют свое сходство с отбросами, чувствуют, что их своеобразно и безболезненно выбрасывают на свалку. Метрополии конструируются технически так, что в них нет места и нужды в каких-либо идеальных ценностях; а отсутствие идеального возмещается нашествием и присутствием мусорного начала. Мегаполисы — это

фабрики, истребляющие идеальные смыслы жизни, но с роковой неизбежностью получающие вместо них горы отходов и отбросов. «Хуже всего не то, что мы завалены со всех сторон отбросами, а то, что мы сами становимся ими. Вся естественная среда превратилась в отбросы, т. е. в ненужную, всем мешающую субстанцию, от которой, как от трупа, никто не знает, как избавиться. ... Вся биосфера целиком в пределе грозит превратиться в некий архаический остаток, место которого — на помойке истории. Впрочем, сама история оказалась выброшенной на собственную помойку, где скапливаются не только пройденное нами и отошедшее в прошлое, но и все текущие события; не успев закончиться, они тут же лишаются всякого смысла в результате демпинга средств массовой информации, способных превратить их в субстанцию, непосредственно готовую, а затем и в отбросы. ... Как же может ненавидеть и презирать самое себя цивилизация, которая с самого начала производит себя, причем умышленно, в виде отбросов, трудится над собственным бесполезным построением, создавая города и метрополии, подобные огромным холостым механизмам, бесконечно себя воспроизводящим. ... Сами человеческие существа бесконечно воспроизводят себя в виде отбросов или в виде обыкновенных статистов, удел которых—обслуживать холостой механизм, символизирующий порочный круг производства, когда уже не Труд воспроизводит Капитал бесконечно воспроизводит Труд. Горька участь этого разрастающегося персонала, которому, суждено перейти в отходы... Нашу культура превратилась в производство отходов... Люди становятся отбросами своих собственных отбросов—вот характерная черта общества, равнодушного к своим собственным ценностям, общества, которое самое себя толкает к безразличию и ненависти». Уже простое скопление огромных количеств людей, превышающих критическую массу социальной терпимости, взрывает изнутри социальные связи и институты, возвращает погибающий социум в состояние «войны всех против всех». А философия входит в режим аутоиммунной патологии, изобретая все новые средства утонченного и безболезненного суицида людей (Постмодернизм. Новейший философский словарь. Минск, 2007, 99-100).

¹⁷⁶ Генон Р. Кризис современного мира. М., 1991, с. 20.

¹⁷⁷ Есть, есть и в патологии своя малюсенькая правда — ничто страдает в ней о недоступном бытии! Математика и космология используют выражения типа «мнимые числа», «мнимое время», хотя фактически речь идет об идеальном как оригинале всех реальных чисел и времен. Сама наука признает, что, зная ход событий в мнимом времени, можно рассчитать их законы и в реальном времени. Знание мнимых чисел придает силу и реальность числам немнимым. Мнимое, т. е. идеальное есть нечто, формирующее Вселенную, в которой мы живем. И если в сказках, в научной фантастике мнимое время уже стало общим местом, то науке еще предстоит освоить воздействия идеального на материальное.